

СЕРГЕЙ ЕРМАКОВ

ОХОТНИК НА ОТМОРОЗКУ

СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

«Привыкай к камере», — сказал Шершень, впихивая Барина в темный чулан. Нелегко было поймать этого бандюгана, который наложил лапу на целый город, нелегко было доставить его в загородный дом. Но уже спешат к Барину на выручку вооруженные до зубов отморозки — на вертолете в небесах, на вездеходе по лесной дороге. А все воинство Шершня — старик, старуха да две молодухи, причем одна из них на сносях. Ну, и он сам. Правда, сам худо-бедно десятерых стоит. Так что все же есть резон Барину к камере привыкать

Сергей Ермаков

ОХОТНИК НА ОТМОРОЗКОВ

Шершень оставался один на холме, покрытом окровавленными трупами. К нему снизу и со всех сторон подбирались бородатые «духи». Камень, за которым он успел укрыться, защищал от пуль, но удерживать «духов» можно лишь в том случае, если вести ответный огонь. Пули рикошетили и со свистом разлетались в разные стороны. Шершень отдышался за камнем, приложил к плечу автомат и прицелился. «Духи» ползли все выше, и выше, и все ближе к камню, и Шершень вдруг увидел, что это и не «духи» вовсе ползут, а обычные дикие черные крысы, только очень, очень здоровые. Их ощерившиеся пасти истекали желтой слюной, носы злобно подергивались, нюхая воздух вокруг.

Шершень попытался прицелиться и вдруг увидел, что держит в руках не автомат, а отбойный молоток, из которого стрелять было невозможно. К тому же он был не подключен. Шершень со злостью отбросил молоток в сторону и стал судорожно искать свое оружие. И в это время мелкая крыса, подобравшаяся незаметно сзади, внезапно укусила его за икру. Резкая боль обожгла ногу, Шершень повернулся и схватил тварь за холку. Она изворачивалась, визжала и норовила цапнуть побольнее. А он изо всех сил пытался задушить мерзкую тварь. И вдруг Шершень увидел, что он находится вовсе и не на холме среди высоких чеченских гор, а в просторном зале для боев без правил. Снова свистели трибуны, а Шершень удерживал за шею не крысу, а пытающегося вырваться противника.

Тот сопел, брызгал слюной, потом и почему-то пытался укусить Шершня, хотя правилами это было запрещено. Затем он затих, повернул свою голову и, показав зубы вурдалака, сказал довольно мирным и спокойным голосом:

— Приехали, конечная остановка! Слышишь, парень, приехали!

Шершень открыл глаза. Все пассажиры «Газели» уже покинули салон, остался один он, задремал на заднем сидении. Водитель переворачивал на лобовом стекле табличку «Город-Вокзал» и теперь в салоне читалась надпись «Вокзал-Город». Шершень протер глаза и встряхнул головой, стряхивая остатки дурацкого сна. Надо же, почти двое суток в поезде проспал беспробудно и заснул еще и в «Газели».

— Что, парень, заснул? — спросил водитель.

— Задремал немного, — ответил Шершень.

— Бывает, — сказал водитель, — ну, вылезай, а то мне обратно еще ехать. А потом домой. Сегодня же Тяпница — день водителя!

Водитель весело и раскатисто захохотал, представляя, как он будет справлять с мужиками в гараже еженедельную Питницу, а Шершень схватил из-под ног свою дорожную сумку, сверток с подарком на свадьбу своему другу, к которому приехал, и стал выбираться из салона. Ему нужно было выйти на остановке «Центральный универмаг», которая существует, наверное, в каждом маленьком городе России, но он проспал и поэтому приехал на конечную остановку маршрута, что никак не входило в его планы.

Уже стемнело, да это было и понятно. Зима только началась и темнота с каждым днем отхватывала себе у солнца все больше и больше минут и секунд. Шершень вылез из машины и с удовольствием глотнул свежего морозного воздуха. Осмотрелся. Конечная остановка представляла собой полуразвалившийся железобетонный склеп, весь усеянный пожелтевшими листочками объявлений. Справа от нее темнела неосвещенная бездна, либо парк, либо холмы, а слева находились «коробки» жилых домов, однотипные строения

последних дней советского строя. Все окна приветливо горели, ведь время было еще детское — девять часов вечера. А ощущение было, что уже глубокая ночь, часов двенадцать. Что поделаться, Север, Полярная ночь.

Водитель «Газели» отъехал от остановки пустой, никто, вероятно, не хотел ехать в такой час на вокзал. Да, и что там делать? Всего один Московский поезд и ходит в эти края зимой. А ночью отправления поездов нет. Поэтому и пассажирам там делать нечего.

Шершень достал из кармана дубленки план, нарисованный ему Денисом две недели назад в Москве. Надо же было так запросто на вокзале столицы, встретится с одноклассником, другом, которого не видел с самого окончания школы. Встретится, да еще на вокзале, когда Шершень только приехал, а Денис уже уезжал. Времени хватило только выпить по бутылочке пива возле киоска и вкратце пересказать кто чем занимался за то время, когда они не виделись.

Денис за эти годы уже успел закончить юридический факультет МГУ и начать работать в маленьком северном городке на комбинате, пока Шершень с упорством фаната изучал и применял в действии все стили рукопашного боя, а потом почти три года воевал в Чечне. Что ж, как говорится, каждому свое — кто-то учится, кто-то в армии служит. Денис рассказал о своем житие-бытие, сказал, что женится ровно через две недели, и незамедлительно пригласил Шершня на свадьбу. Обязательно! В качестве свидетеля! Или обида на всю жизнь!

Шершню все равно особо нечего было делать, он был в отпуске, только что получил свои «боевые» деньги и одну, тоже боевую, награду. За этими «подарками» он и приехал в Москву. Потом Шершень проводил Дениса до вагона и торжественно поклялся, что обязательно приедет к нему в гости. Так и расстались с Денисом, договорившись вскоре встретится у него на свадьбе. Навестить старинного друга Шершеню хотелось. Сколько в детстве вместе было пережито в школе и вне школы! Росли в одном дворе, потом Шершень ушел в армию, а Денис поступил в МГУ. В Москве женился на однокурснице, с ней и уехал к ней на родину в маленький заполярный городок.

— Ничего, — говорил Денис, — обживемся, поработаю по специальности, приобрету опыт и вернемся в столицу.

— А чего сразу в Москве не остался? — спросил тогда Шершень.

— Трудно, понимаешь, без опыта, без связей в столице на работу устроиться, — ответил Денис, — к тому же прописки у меня нет, и жилья у нас нет. А купить невозможно, сам знаешь, какие сейчас цены!

— Да, — согласился Шершень, — цены кусаются, но ничего страшного, что живете в маленьком городе, везде люди живут. Ни в одной только столице. На периферии тоже можно жить.

— Вот и я говорю, — обрадовано согласился Денис, — не все, конечно, у нас в городке нормально, но жить можно. Я сейчас там делаю одно дело, но, ладно, приедешь на свадьбу, расскажу...

Шершень собирался недолго, а чего ему долго собираться — только подпоясаться. Купил другу и его невесте в подарок на свадьбу чайный сервиз, себе теплую дубленку, все-таки на север ехать и сел в поезд. Как раз к свадьбе и приехал. Сегодня пятница, а бракосочетание завтра, в субботу.

Вызывало некоторое беспокойство, что телефон в квартире Дениса не отвечал, когда Шершень звонил ему перед тем, как уехать, но Шершень списал этот факт на то, что

приготовления к свадьбе могли происходить в квартире его будущей супруги и, поэтому, Денис не бывал дома.

Главное, чтобы сейчас он находился дома, а то адреса родителей его невесты Шершень не знал, а ждать на улице зимой, хотя бы и в новой дубленке не очень-то хотелось. Шершень, подойдя к фонарю, внимательно посмотрел на план. На нем маршрут до дома Дениса был начерчен от остановки «Центральный универмаг», а он, заснув, приехал на конечную. Это сбивало все карты. Но военного разведчика Шершня такая ничтожная мелочь не смутила. Он решил дойти до остановки «Центральный универмаг» пешком, а уже оттуда следовать маршруту, указанному Денисом в плане.

Расстояние его не страшило, город маленький, так что дойти можно было максимум за двадцать минут. Кроме того, Шершень хотел купить в каком-нибудь попутном магазине хорошего вина и шоколадных конфет. Вино мужчинам, а конфеты будущей жене Дениса и членам его семейства. Являться в дом без гостинца, да еще в столь поздний час, было бы не очень-то корректно. Шершень шел не спеша, разглядывая город. Никаких архитектурных изысков, обычные серые пятиэтажные коробки промышленного городка. Люди копошатся в окнах, живут своей жизнью.

Искомый магазин не замедлил появиться невдалеке по курсу следования. Двинулся Шершень в обратную сторону по дороге, по которой он только что приехал на «Газели» с вокзала и почти сразу увидел неяркую рекламу, освещенную обычным фонарем. В стандартной блочной пятиэтажке на первом этаже располагался магазинчик, переделанный из заурядной квартиры. С бывшей лоджии спускалась ржавая металлическая лестница, возле которой толпились человек семь подростков. Кроме этой стайки покуривающих мизантропов на улицах города никого не было, что Шершня сильно удивляло. Город как будто вымер.

Шершень прошел мимо подростков, которые агрессивно замолчали при его появлении на их улице, и зашел в магазин. Подозрительные подростки пристально проводили его глазами. Шершень не обратил на это внимания и, зайдя в магазин, почувствовал едкий запах гнилой картошки. Вероятно местных жителей этот запах не смущал и Шершень тоже решил не выпендриваться. Как и следовало ожидать, ассортимент магазина не баловал разнообразием и качеством продукции. Унылая продавщица за прилавком с интересом посмотрела на Шершня и оживилась, увидев в городке новое лицо.

— Чего хотите? — спросила она.

— Я, девушка, хочу вина купить, — в задумчивости глядя на прилавок, произнес Шершень, — кавказские вина у вас есть? Хванчкара или Аладастури.

Девушка смерила Шершня изучающе-удивленным взглядом как будто он попросил у нее вареные страусиные яйца или гребешок динозавра.

— Вот, — показала девушка на бутылки, — кавказские вина, в продаже есть только Вазисубани и Портвейн 33.

— Портвейн? — задумчиво произнес Шершень.

Надо было кавказские вина везти с Кавказа, а не спрашивать в захолустном магазине. Бутылка «Вазисубани» была пыльной и стоило подозрительно дешево. Девушка, увидев смятение Шершня, поняла его причину и сказала:

— Если вы ценитель настоящих кавказских вин, то не советую я вам это вино брать.

— Это почему? — удивился Шершень неожиданной честности продавщицы.

— Потому что все это подделка, суррогат, — ответила девушка, — какие сейчас могут

быть на Кавказе вина, там же война?

— Да, я это знаю, — ответил Шершень, — но там не везде война и виноградники кое-где сохранились...

— Поверьте, эти вина до нашего города не доходят, потому что стоят раз в двадцать дороже, чем те, которые я вам показала, — убедительно сказала девушка, — нашим работягам они не по карману.

— Так. А что же пьют ваши работяги? — спросил Шершень.

— Водку, — ответила девушка, — только водку. Кто побогаче в магазине покупает, а кто победнее у азеров на квартирах.

— Так, так, — покачал головой Шершень, — что же делать?

— Купите лучше водку, чем вино, — посоветовала девушка, — я вам хорошую продам, не паленую. Правда, она достаточно дорогая.

— А если коньяк? — предложил Шершень.

— Та же самая история, что и с вином, — ответила девушка, — хотите отравиться, покупайте. Сразу видно, что вы не местный.

— Сразу видно? — удивился Шершень. — А чем же я не такой?

— Привередливый больно, — ответила девушка, — у нас покупают, что есть в продаже. Что продаем, то и покупают.

В это время в магазин вошел один из подростков из тех, которые стояли у крыльца, отошел в угол магазина к холодильнику и нагло стал рассматривать Шершня. Подростку было лет пятнадцать-шестнадцать, у него было продолговатое и вытянутое лицо, которое напоминало конскую голову. Продавщица, увидев вошедшего, сразу же замолчала и, отвернувшись, стала переставлять продукты на полках. Шершень, не обращая внимания на подростка, в раздумье разглядывал прилавок, выбирая конфеты. Лошадинномордый подросток нагло разглядывал Шершня в упор, но это его не раздражало, ему было все равно, смотрят на него или нет. Секунд через пятнадцать подросток нахально изрек, почти приказал:

— Чувак, купи мне покурить.

Шершень сначала даже не понял, что это обращено к нему и продолжал смотреть на конфеты, а потом спросил у продавщицы:

— А вот эти конфеты, которые с вишней на коробке, они с ликером?

— Да, — коротко ответила продавщица и снова отвернулась.

— Ты, че, фраер, меня, бля, игнорируешь, — пропел по блатному, — я тебе молвил сигаретки мне купить! Или ты глухой?

Шершень обратил, наконец, внимание на явно подвыпившего подростка. Тот стоял вальяжно жуя жвачку и хлопая пузырями.

— С какой это стати я тебе должен что-то покупать? — поинтересовался Шершень. — Ты что сирота?

— Чего ты там вякнул? — по блатному нараспев пропел сопляк. — Ты, че фраерок, умный непомерно? Давай стремительно покупай, пока я на тебя не обрушился!

Приблатненно-сказочный говорок подростка не пугал, а лишь смешил взрослого человека.

— Пошел-ка ты вон отсюда мальчик, — ласково сказал ему Шершень, — пока я тебя за шкварник не взял и не выбросил.

Эти слова вывели сопливого вымогателя из себя. Он покрылся пятнами от злости и

заскрипел зубами. Кулачонки его сжались, но у Шершня все это вызвало только улыбку.

— Ну, бля, фраерок, че ты лыбишься? — продолжал напевать по блатному салага, ретируясь к двери, — ладно, ладно, взглянем как ты будешь соплями своими утираться!

Он проворно выскочил наружу и со злостью хлопнул дверь.

— Зря вы так, — испуганно сказала продавщица, резко повернувшись, — купили бы ему сигарет, он бы и отвязался. А теперь они вас ждать будут.

— И что они мне сделают? — не понял Шершень.

— Их много, а вы один, — продолжила продавщица, — они вас побьют. Давайте я вас через служебный вход выпущу от греха подальше.

— Не хватало, чтобы я еще от каких-то малолетних «пионеров» прятался, — справедливо возмутился Шершень, — нет уж, я выйду там, откуда зашел. Дайте мне, пожалуйста, водку, о которой вы мне говорили, коробку самых лучших конфет и шоколадку.

Продавщица быстро положила на прилавок все, что просил Шершень.

— Шоколадка это вам, — улыбнулся он, укладывая в свою сумку рифленую бутылку водки и шоколадные конфеты с ликером.

— Спасибо за шоколадку, — пролепетала смущенная девушка, — может быть, все-таки выйдете в другую дверь, зачем вам неприятности?

— Я бы вышел в другую дверь, — согласился Шершень, — но мне потом будет очень стыдно.

— А так вам будет очень больно, — сочувственно произнесла девушка, — выбирайте, что хуже?

— По мне хуже стыд, — ответил Шершень.

— Да плевать вам на них, — махнула рукой девушка, — ну, зачем вам неприятности?

— Я знаю, что если выйду через служебный вход, неприятности появятся у вас, а я этого не хочу, и поэтому я пойду в эту дверь, — твердо сказал Шершень, — спасибо, вы очень милая.

Он повернулся и пошел на улицу. Девушка, охваченная высоким чувством подобным предчувствию оргазма от благородного поступка незнакомца, подбежала к окну. Подростки, ухмыляясь, стояли внизу лестницы полукругом, а посередине этой когорты находился тот сопляк, с лошадиной мордой.

— Этот что ли, Сопля, хамил тебе? — обратился к лошадиной морде высокий широкоплечий парень, явно акселерат, переросший по росту даже Шершня, но мозгами явно отставший даже от коровы.

— Этот, фраерок, — нараспев ответил Сопля и обратился к Шершню, — ну, че примерз там, ссыкло вонючее? В магазине смелый был! Вали, вали до сюда! Я тебе чучу отчебучу!

Сомнительная «острота» Сопли вызвала бурный смех у всей гоп-компании и громче всех у акселерата. Шершень спокойно спустился со ступенек и подростки его мгновенно окружили. Дислокация оставляла желать лучшего. С сумкой на плече и с сервизом в левой руке в толстой дубленке Шершень был крайне неповоротлив и слишком отягощен.

В это время вертлявый Сопля выхватил опасную бритву и взмахнул несколько раз ею перед лицом Шершня.

— Че, ты, фраер, я художник не местный, попишу, как порисую! Приссал, дура?

Шершень молчал и не шевелился. Ему были смешны эти игры, но как их закончить Шершню не приходило на ум.

— Отдай пацанам свои манатки и снимай дубинал, — приказал акселерат, — и скорее,

пока мое терпение не лопнуло, фраер!

Краем глаза Шершень заметил, что все подростки вооружены кто арматуриной, кто цепью, кто ножом. Было их восемь и стояли они плотным кольцом.

— Чего снимать? — переспросил Шершень.

— Не коси под дебила, — сказал акселерат, — хочешь зубы сохранить, снимай все по быстрому, а не хочешь по доброму, мы тебе сейчас нос ломаем и зубы выбьем. А потом с тебя все равно все снимем. Этого хочешь?

— Да, не очень, — ответил Шершень.

— Тогда отдай сумки пацанам, — приказал акселерат, — и дубленку снимай.

— А как же я пойду? — удивился Шершень.

— Ну, фраер, кажись, тебя, фраер, давно не били ногами, — истерично завизжал Сопля, — ты не пойдешь, а поползешь и будешь по пути зубы выплевывать.

— Не надо этого, — спокойно сказал Шершень, — я все вам отдам.

Тут же с плеча его сорвали сумку, а из руки выдернули подарочный сервиз. Шершень расстегнул молнию дубленки, скинул ее с плеч и тут же молниеносным ударом ноги в грудь свалил наземь размахивающего опасной бритвой Соплю, прорубив тем самым брешь в плотном кольце окружения. Кто-то из пацанов успел захватить цепью по голове Шершня, но она прошла чиркашом, потому что Шершень рванул вперед и план его был таков:

Он решил, что сейчас захватит на удушающий прием воробьиную шейку Сопли, который, по-видимому, верховодил в этой шайке и заставит его сопляков-подельников вернуть ему все его вещи. Чтобы его аргументы были еще более бесспорными, Шершень так же достал двумя ударами ноги акселерата и еще одним одного парня с обрезком металлической трубы, которые тут же рухнули, как подкошенные. Бил он даже не вполсилы, а в четверть силы, чтобы не убить этих дохляков.

Через доли секунды Сопля, лишенный своей опасной бритвы, хрипел в руках Шершня, но тут случилось неожиданное. Вместо того чтобы спасти своего товарища, вступать в переговоры, вся шайка бросилась врассыпную, прихватив с собой и сумку, и дубленку, и сервиз. Шершень на секунду оторопел. Три подростка из восьми убежали в разные стороны и уносили с собой его вещи. Шершень отбросил от себя Соплю, который упал рядом со стонущим акселератом и еще одним парнем, и бросился вдогонку.

Через два шага его чуть не разорвало на части, потому что он попытался побежать за тремя похитителями сразу, а это было невозможно. Шершень резко затормозил и стал судорожно думать, что же для него важнее — сумка, дубленка или подарочный сервиз? За кем гнаться?

И тут нахлынувшие думы его прервал неожиданно выехавший из-за угла милицейский «козел» с мигалкой. Шершня ослепили фарами, а выпрыгнувший из чрева автомобиля милиционер грозно и безапелляционно скомандовал:

— Руки вверх! Ноги расставить!

— Да, не меня ловите! — попытался объяснить ситуацию Шершень. — Меня ограбили! Вон они убегают, их ловите!

— Я сказал — руки вверх! — нетерпеливо прикрикнул мент. — И молчать!

Шершню пришлось подчиниться суровым стражам закона. Его обыскали и потащили в «козелок».

— Эй, заберите тех, кто на меня напал, — попросил милиционеров Шершень.

— Кого? — усмехнулся усатый мент.

Шершень поглядел на то место, где только что лежали Сопля и акселерат. Там было пусто. Пока его милиционеры крутили, подростки успели смотаться. В окно магазина с испугом смотрела девушка-продавщица. Шершень понял, что это она вызвала милицию. Спасибо, удружила. Хотя, в чем она виновата? Предлагала же Шершню выйти через служебный вход, а он, герой, не пошел, мне будет стыдно! Как будто сейчас не стыдно! Сопливые юнцы, которые еще не забыли, что такое подгузники его мастера восточных единоборств «обули», как лоха! Теперь еще в милицию повезут разбираться. Вот так приехал на свадьбу к другу!

— Я же в третий раз говорю вам, — терпеливо рассказывал Шершень дежурному по отделению милиции прапорщику с оттопыренными, как у Чебурашки ушами, — что я приехал из Санкт-Петербурга к другу на свадьбу, а возле магазина ко мне привязались пацаны, привязались, сняли дубленку, отобрали сумку, свадебный подарок чайный сервиз и скрылись.

— Где ваш паспорт? — въедливо спрашивал прапорщик.

— Остался в дубленке, — терпеливо ответил Шершень.

— Стало быть, паспорта у вас нет?

— Стало быть, нет.

— А откуда тогда я узнаю, что вы действительно тот, за кого себя выдаете? — хитро сощурился, спросил «Чебурашка».

— Потому, что я вам назвал себя, — ответил Шершень, — и потом, вы можете позвонить по телефону моего друга и удостовериться в том, что я вас не обманываю.

— Это мы успеем сделать, — сказал прапорщик, — так, значит, на вас напали возле магазина.

— Да, и угрожая опасной бритвой, ограбили, — подтвердил Шершень, — я остался без документов, своих вещей и подарка на свадьбу друга. А ваши милиционеры, вместо того, чтобы ловить грабителей, затолкали в машину меня.

— Но-но, — прикрикнул прапорщик Чебурашка, — это мы разберемся в скором времени, как все было. И нечего на наших милиционеров тут! До выяснения обстоятельств вы пока посидите под стражей.

— Слушайте прапорщик, — возмутился Шершень, — я приехал в ваш город в гости, меня ограбили, за что я должен еще и сидеть под стражей, мне не понятно?

— Если бы у вас был паспорт, — масляно произнес Чебурашка, — то все было бы ясно. А вот вы говорите, что приехали, а где ваши билеты?

— Ясное дело где, в паспорте, — ответил Шершень.

— А паспорт где? — так же ласково пропел прапорщик.

— Паспорт в похищенной дубленке, — терпеливо продолжил Шершень, — и если бы вы не теряли время, задавая мне дурацкие вопросы, то вполне вероятно могли бы уже поймать тех, кто меня ограбил, и найти мой паспорт.

— Не нужно учить нас нашей работе, — гордо произнес прапорщик, — а то вы все умные нас учить. Заявление написал?

— Написал, — ответил Шершень.

Прапорщик взял со стола листок бумаги, исписанный твердым почерком Шершня, и стал читать, шевеля губами.

— Я не понял, «Соплей» это подростки называли грабителя, — задал он вопрос, — или вы это придумали?

— Они называли, — ответил Шершень.

— Будем искать, — задумчиво глядя в зарешеченное окно, произнес прапорщик, — стало быть они на вас напали и чем мотивировали?

— Этот Сопля зашел в магазин, — начал терпеливо пересказывать написанное им Шершень, — и попросил... нет, вымогал у меня, чтобы я купил ему пачку сигарет! Ну,

попросил бы чупа-чупс, я бы ему купил, а сигареты...

— Не отвлекайтесь, — продолжил прапорщик, — какие-нибудь еще клички они называли?

— Нет, больше никаких, — отрицательно покачал головой Шершень, — но приметы я запомнил.

— Так, так, так, — сказал прапорщик, а вы, значит, в нашем городе в первый раз?

— Да, в первый раз, — согласился Шершень, — и сразу такой прием.

— Ну, ничего, бывает, — промолвил прапорщик, — у вас-то в Ленинграде и машины взрывают, и людей в подъезде убивают, а моего знакомого среди бела дня на вокзале прямо раздели. Так что не надо про наш город!

— Хорошо, не буду, — согласился Шершень, — так что, отпустите меня?

— А как твоего друга-то зовут? — спросил въедливый прапорщик.

— Денис, — ответил Шершень.

— Ладно, я сейчас ему позволю, и если он действительно вас знает, подтвердит вашу личность, то мы вас, дорогой товарищ, гость нашего города, отпустим с миром.

— Вот это уже разговор, — улыбнулся Шершень, — спасибо, товарищ прапорщик! Хотя, конечно, теперь мне и идти к нему неудобно, без подарка, да и дубленки у меня нет. Пойду так, далеко тут идти?

— А куда тебе надо? — спросил прапорщик.

— На улицу Кубинскую, там у него квартира, — ответил Шершень.

— Это минут пятнадцать пилить, — ответил прапорщик, — в свитере замерзнешь.

— А в чем же я теперь пойду? — пригорюнился Шершень.

— Можешь и у нас переночевать, — предложил прапорщик, — на нарах, а с утраца...

— Спасибо за гостеприимство, но лучше не надо, — вежливо отказался Шершень, — наверное, я без подарка сегодня в гости пойду, а куртку мне Денис принесет, если мы ему позволимся. Хорошо еще, что не все деньги у меня в дубленке были, а только на мелкие расходы. Основная пачка в кармане джинсов осталась. Надо было мне хоть одного поймать, того, что с дубленкой бежал. Тогда бы пошел сейчас спокойно и горя не знал.

— Все равно, даже если бы мы сразу этих пацанов задержали, — начал объяснять Шершню законы следствия прапорщик «Чебурашка», — то вещи тебе мы бы не вернули.

— Это почему же? — искренне удивился Шершень.

— А потому, что это есть вещественные доказательства, — объяснил Чебурашка, — к уголовному делу. И они должны храниться у нас. Под замком.

— Идиотизм какой-то, — прокомментировал высказывание Чебурашки Шершень.

— Не идиотизм, а порядок, — ответил прапорщик, — и прекрати мне тут это, а то, правда, в камеру посажу.

— Все, молчу, — согласился со стражем порядка Шершень.

— Какой номер у этого Дениса? — спросил прапорщик.

Шершень назвал номер, прапорщик поднял трубку дискового телефона, судя по виду, выпуска не позднее 1970 года и дождался гудков. Он ждал довольно долго, но трубку в квартире Дениса никто не поднял. Прапорщик протянул трубку к уху Шершня и дал ему послушать длинные гудки в трещащей трубке.

— Никто не отвечает, — резюмировал он и положил трубку на место.

— Странно, — произнес Шершень, — я ему раз пять звонил по межгороду, никто не брал трубку и сейчас...

— А как фамилия у твоего Дениса? — спросил прапорщик.

— Шарандо, — ответил Шершень, — Денис Шарандо. Такая яркая фамилия. А вот отчества не знаю. А нет, знаю. Папу-то у него Сергей Васильевич звали. Значит он Денис Сергеевич Шарандо. Юристом работает на комбинате.

Прапорщик отчего-то нахмурил брови и снова поднял трубку телефона.

— Сейчас мы уточним одну деталь, — пробормотал он и набрал номер.

В трубке ответили.

— Товарищ капитан, — спросил Чебурашка, — Денис Шарандо, это не тот ли который... Ага... Юрист. Двадцать пять лет.

— Да это он, — обрадовано закивал головой Шершень, но что-то в глазах прапорщика остановило его радость, и он вопросительно посмотрел на него.

Прапорщик медленно положил трубку, глядя куда-то на стол, почесал щеку. Шершень понял, что что-то не так.

— Что случилось? — спросил он.

— А ты, что, правда, ничего не знаешь? — спросил прапорщик, глядя в сторону и постукивая ручкой по столу.

— А что я должен знать? — напрягся Шершень.

— Убили его десять дней назад.

— Как убили? — не понял Шершень. — Что насмерть? Да, я видел его в Москве две недели назад, он собирался домой. Где убили? За что?

— Здесь в городе и убили, — ответил прапорщик, — в парке. Зарезал пьяный уголовник, которому на выпивку не хватало, в спину ножом.

— Слушай, прапорщик, я здесь всего два часа, а у меня такое ощущение, что я попал в Чикаго тридцатых годов. Какой уголовник? Как это можно человека ни за что, ни про что зарезать? У вас же здесь мирная жизнь, обычный маленький город, не война, ни Чечня!

— Он с работы шел поздно через парк. К нему привязался пьяный и ударил ножом. Убийца уже под следствием, мы посадим его.

— Да, что проку оттого, что вы его посадите? Его не вернешь уже! У Дениса жена беременная, он семью создавать хотел, учился, работал. Я понимаю, когда люди на войне гибнут, а тут!

— Слушай, ты на меня не ори! — стукнул кулаком по столу Чебурашка. — Я не виноват, что его убили.

— А кто виноват? — возмутился Шершень. — Кто тогда виноват? Ты же мент, ты за порядок в городе отвечаешь!

— У нас такой бытовухи знаешь сколько! — парировал довод прапорщик. — Ежедневно то жена мужа зарежет, то подростки избьют кого до полусмерти...

— А ты тогда для чего тут сидишь? — не понял Шершень.

— Ты мне не тыкай, — рассердился прапорщик, — приехал тут умник. У вас там, в столице своя жизнь, а на периферии своя. Люди месяцами зарплату не получают, устроиться на работу невозможно, вот и пьют от безысходности. А еще эта полярная ночь как навалится... Фонари бьют, грабят, насилую, а краж знаешь сколько! Ладно, сядь, я попробую разыскать телефон родственников невесты этого Шарандо, позвоню им, сообщу, что ты у нас.

— погоди прапорщик, — покачал головой Шершень, — я не знаю их никого. Я, ведь, только Дениса и знал. Вместе в школе учились, в одном классе. Ни невесты его, ни тещи, ни

тестя, ни разу не видел я... да и не до меня им сейчас... надо уезжать обратно...

— Как ты уедешь без вещей, без дубленки? — участливо спросил Чебурашка. — Ты не суетись, к утру мы найдем твои вещи. Знаю я этого Соплю, машина уже поехала к нему на квартиру. Раскрутим малолеток. Вернем тебе вещи, но тогда тебе придется заявление забрать. Иначе никак, я же говорил, что это вещдоки.

— Заберу я, — пообещал Шершень, — а до утра мне у вас сидеть придется?

— А чего? — пожал плечами Чебурашка. — У нас хорошо, мы ремонт недавно в камере предварительного содержания сделали, я тебе даже матрас дам.

— Еще раз спасибо, товарищ прапорщик, но я буду вынужден отказаться от вашего предложения. У вас гостиница есть?

— Гостиница есть, да кто тебя пустит туда без паспорта?

— А вы мне напишите справку, что паспорт у меня был похищен. Я перекантуюсь там до утра, а утром заберу вещи и уеду.

— А может быть, ты сразу сейчас уедешь, а утром мы выясним, что ты беглый каторжник или убийца в розыске?

— На чем я уеду, — устало произнес Шершень, — у вас поезд только один завтра днем в пятнадцать ноль две.

— Да, — согласился прапорщик, — уехать тебе не на чем. А ты, вообще, кем работаешь там в Москве?

— Я в Питере живу, — ответил Шершень, — работаю барменом в баре.

Шершень не стал говорить придирчивому прапорщику, что он только что из Чечни. Этого милиционеру было знать совсем не обязательно.

— Барменом, — задумчиво произнес Чебурашка, — коктейли, девочки, дым сигарет с ментолом...

— Да, что-то вроде того, — согласился Шершень.

— Ладно, отвезу я тебя в гостиницу, — кивнул прапорщик, — дам тебе свою форменную куртку. Только не светись в ней по городу, сиди в гостинице. Утром, часов в десять придешь, здесь мой сменщик будет дежурить. Он тебе отдаст вещи, которые нам удастся отыскать и изъять. Может быть все, а может быть и нет.

— Почему не все?

— Кое-что они могут уже «столкнули» борыгам, — объяснил прапорщик, — ты, что думаешь у нас только и делов, чтобы твои носки с трусами по городу собирать?

— Судя по событиям, я так не думаю, — ответил Шершень.

— Поэтому радуйся, если тебе дубленку с паспортом вернут, — посоветовал страж порядка, — сервис тебе теперь вроде бы и ни к чему. Свадьбы, как я понял, не состоится. А в сумке, судя по описи в заявлении, ничего особо ценного не было. Так что, пойдем, скажу ребятам в патрульной машине, чтобы они отвезли тебя в гостиницу.

Шершень встал, участливый дежурный подошел к шкафу и достал форменную милицейскую куртку с погонами прапорщика.

— Не знаю, почему я тебе верю, — усмехнулся он и протянул куртку Шершню.

— А с погонами генерала у тебя нет? — спросил Шершень.

— Давай, одевай остряк, а-то пойдешь сейчас в свитере по морозу, — ответил Чебурашка.

— А справку о том, что у меня паспорт украли? — спросил Шершень.

— Не надо никакой справки, — махнул рукой прапорщик, — наши ребята с тобой

зайдут, все на словах скажут и тебя оформят без проблем.

Перед тем как поехать на патрульной машине в гостиницу Шершень пожал прапорщику его мягкую и потную ладонь.

В гостинице он сразу же прилег на кровать, закинул руки за голову и задумался. Как странно — Денис убит. Его зарезал насмерть какой-то пьяный. За годы службы в Чечне Шершень привык к смерти, привык к тому, что умирают товарищи, но это было в Чечне, там шла война, там погибали люди. Умирили по-разному и от шальной пули, и от прицельной. И в рукопашной, и на минах подрывались. Даже травили местные, всякое бывало.

Но тут в тысячах километров от войны в обычном российском городке его друга убили. Это было страшно. Осталась молодая беременная вдова. Или как ее теперь назвать, если они с Денисом даже не успели пожениться?

Правильно ли он сделал, что не пошел к родственникам Дениса выразить соболезнование? Наверное, неправильно. Но время это исправить еще есть. Наступит утро, он заберет свои вещи в милиции, узнает адрес и сходит к ним. Может быть, нужна какая-то помощь. Даже финансовая. Деньги у него есть, а зачем они ему? Через месяц снова в Чечню, семьи у него нет и не намечается пока. Так, что видно будет.

Ну, и дела. Готовились к свадьбе, а получили поминки. Шершень подумал о том, что надо бы еще на могилу к Денису съездить, положить цветы, просто постоять. Да, значит, судьба такая у Дениса, умереть в расцвете сил. А того, кто его убил, конечно, посадят. Но Дениса этим не вернешь.

Шершень и сам под смертью ходил не единожды. И ранен был так, что врачи думали — не выживет, а он выжил и снова на ногах. Поток мыслей Шершня прервал стук в дверь.

«Кто это может быть?» — подумал Шершень. Гостей он не ждал, но узнать кто это было нужно.

— Кто там? — спросил он, подойдя к двери.

— Развлекься не желаете? — произнес милый женский голосок.

Шершень приоткрыл дверь и увидел три очаровательных создания разной масти сильно накрашенных и в коротких юбках. Они призывно шевелили влажными ярко-красными губами и стреляли бесстыжими глазками.

— Что? — не сразу понял Шершень.

— Все виды секса, кроме анального, — объяснила та, что была повыше других, постарше и посисястей.

Шершень увидел, что за спинами у «красавиц» маячит сутулый крепыш с короткой стрижкой, очевидно сутенер.

— Вы можете взять девочку на всю ночь или на два часа, как пожелаете, — продолжала «маман», — за каждый последующий час десять процентов скидки.

— Кого взять? — осведомился Шершень.

— Нас, — с раздражением ответила «маман», — цены у нас самые низкие в регионе.

— А что, у вас весь регион этим занимается? — справился Шершень.

— Да, а что такого? — нагло ответила «маман». — Какие-то проблемы?

— Да, нет, никаких проблем, — ответил Шершень, — я понимаю, когда в столице, но тут в маленьком городе...

— Мужики везде живут и в столице и здесь, — ответила «маман», — ну, что будешь брать девочку?

— Нет, спасибо, — ответил Шершень и попытался закрыть дверь.

— Погоди, — сказала «маман» и придержала дверь ногой, — ты даже о ценах не спросил. Минет триста рублей...

— Не надо подробностей, — сказал Шершень, — и отпустите, пожалуйста, дверь.

— Слушай, — ухмыльнулась «маман», — а ты, часом, не «голубой»? А то у нас и пацаны есть. Хочешь мальчика, так скажи, не стесняйся.

— Этого что ли? — Шершень указал на сутенера. — Он не в моем вкусе!

Сутенер встрепенулся, кулаки его сжались и он гневно глянул на Шершню.

— Ха, ха, ха, шутник, — пропела «маман», — хочешь я приведу тебе другого? Мальчика двенадцати лет с хорошенькой круглой попкой?

— Нет, — ответил Шершень, — не хочу!

— А почему? — удивилась «маман».

— Потому, что я зоофил, — раздражаясь на чрезмерно навязчивый сервис, ответил Шершень, — козочки у вас нет?

— Найдем, — эротично улыбнулась «маман» и провела языком по губам, — я могу быть козочкой и бляеть.

И она показала как умеет бляеть на весь коридор.

— Предпочитаю настоящих козочек, — сказал Шершень и, подвинув ногу проститутки, закрыл дверь.

— Ну, и сам козел, — сказала напоследок «маман».

Шершень только покачал головой. Не хватало ему еще вступать в перепалку с женщинами легкого поведения или подраться с их сутенером. Город его все больше и больше удивлял. Судя по всему, населения тысяч двадцать-двадцать пять, Денис говорил, что кормит их горноперерабатывающий комбинат. То есть обычный рабочий город, где стройными рядами по прямым улицам в праздники и будни должны ходить жизнерадостные мужчины в шахтерских касках, а женщины думать о семье, доме новых покупках и летнем отдыхе.

Но было в этом городе все не совсем так. Убийства, хулиганье на улицах, проститутки в гостинице. Как они по улицам ходят, живут в этом маленьком городе, где каждая собака друг друга знает? Где все знают, что они проститутки, а они спокойно живут рядом. Или всем это до фонаря?

По стене пробежал большущий таракан. Шершень не стал его убивать, все равно этим убийством он не спасет гостиницу и город он засилья этих усатых насекомых. В дверь снова постучали. Шершню стало это уже действовать на нервы. К тому же он уже совсем разделся и приготовился залезать под холодный душ, потому что выяснилось, что горячая вода, текущая из крана, имеет почти одинаковую температуру с водой холодной.

— Кто там? — спросил Шершень, подойдя к двери.

— Откройте, я к вам, — ответил из-за двери милый женский голосок.

— Я же сказал, что не нуждаюсь в услугах проституток! — твердо железным голосом повторяя каждое слово, произнес Шершень.

— Как вы смеете, я честная девушка, — возмущенно произнес голосок за дверью, — я Лиза, сестра невесты Дениса.

Шершень сразу же приоткрыл двери и увидел миленькое симпатичное чучело. Разноцветные пряди волос были перехвачены цветастыми ленточками, карие большие подвижные глаза были обрамлены пушистыми ресницами, а маленький носик венчали продолговатые очки в тонкой красной оправе. Мешковатая одежда скрывала от постороннего глаза достоинство фигурки этого существа, но в целом Лиза производила

приятное впечатление.

— Извините, — пробормотал Шершень, высунув из двери только голову по причине того, что он был не одет, — ко мне тут приходили сейчас разные.

— Да, я видела их, — кивнула Лиза, — разные-заразные, войти-то можно?

— Я сейчас оденусь, подождите, — ответил Шершень и поспешно скрылся за дверью.

В это время из двери соседнего номера высунулся большой нос:

— Дэвушка, заходи в гости, будем кушать апельсин, — произнес нос.

— Я цитрусовые не ем, — ответила Лиза, — тем более с лицами кавказской национальности.

— Вай, вай, вай, — произнес нос и скрылся за дверью.

Шершень быстро оделся, открыл дверь и впустил Лизу. Она без церемоний прошла в комнату и уселась в обшарпанное кресло. На вид ей было лет шестнадцать, не больше.

— Как вы меня нашли? — спросил Шершень, присев на краешек кровати.

— Из ментовки нам домой позвонили, — ответила Лиза, — да я знала, что ты должен был приехать, Дениска говорил.

Она без церемоний перешла на «ты», Шершень решил последовать ее примеру.

— И чего тебе сказали в ментовке? — с интересом спросил Шершень.

— Сказали, что тебя малолетки ограбили, — с усмешкой сказала Лиза, — а Денис говорил, что ты крутой Уокер.

— Это он преувеличивал, — ответил Шершень, — я «Черный плащ» всего-навсего.

— Ха-ха, — засмеялась Лиза, — и где же твой черный плащ.

— Его как раз у меня и отняли, — сказал Шершень, — оставили без реквизита.

— Кто там был-то у магазина этого? — спросила Лиза, — что за малолетки? Наверное, как обычно, Сопля и Гантеля?

— Да, Сопля был, — кивнул Шершень, удивленный осведомленностью Лизы, — и второй нагловатый, высокий такой с редкими усиками. Не знаю кто он...

— Точно, это Гантеля и есть, — кивнула Лиза, — переросток, а ума как у пятилетнего. И что они вдвоем тебя «обули»?

— Не, там было еще пара человек, кроме них, — ответил Шершень.

— Считай, хорошо отделался, а то могли бы и череп проломить, — сказала Лиза, — это еще те козлы. У обоих «условка» висит, а они каждую неделю кого-нибудь то изобьют, то ограбят!

— Так, что на них в вашем городе управы нет? — спросил Шершень. — Если их все знают, так чего милиция...

— Чего, чего, — передразнила Лиза, — у Сопли папочка начальник той самой милиции, вот чего!

— Не понял, — развел руками Шершень, — и что папа сына не может приструнить?

— А зачем? — простодушно спросила Лиза. — Он его любит. Пусть сынок побалуется, что тут плохого? Вот так его папа думает. Ты заявление на них написал?

— Написал, — ответил Шершень.

— А потом тебя мягко так подвели к тому, чтобы ты его забрал. Было такое?

— Точно, так и было, а ты откуда знаешь?

— Я в этом городе шестнадцать лет живу, — ответила Лиза, — а ты спрашиваешь, откуда я знаю. Местные на них даже и не пишат, потому что знают, что все это без толку. Все равно они выкрутятся.

Шершень не знал, что и сказать на такие вопиющие преступления закона. То-то в милиции прапорщик Чебурашка внезапно стал такой добрый, когда Шершень свое заявление забрал. Может, не стоило забирать, да посадить этих юнцов? Он не местный, ему их мести бояться нечего. Да и был бы местным — не испугался бы.

— Ну, чего ты тут будешь прозябать в гостинице, как сирота, — спросила Лиза, — пошли к нам в гости. Небось, и есть хочешь?

— Не отказался бы, а это удобно?

— Неудобно только спать на потолке, одеяло сваливается, — ответила Лиза избитой шуткой, — собирай свои манатки и пойдём к нам.

Шершень задумался. Чего в гостинице сидеть, раз его уже разыскали? Наверное, лучше так и сделать, как Лиза предлагает. Пойти к ним в гости, посидеть, поговорить с невестой Дениса, с ее родителями, с Лизой.

А завтра днем он навсегда уедет из этого маленького российского Чикаго. Шершень с подозрением взглянул на Лизу. Если тут так все коррумпировано, то может быть и Лиза никакая не сестра невесты Дениса, а подружка тех малолеток, что его грабанули и теперь хотят из гостиницы выманить. Что ж, для них это и хуже. В этот раз Шершень им спуска не даст.

Но поскольку Лиза Шершню понравилась с первого взгляда и ему не хотелось, чтобы она оказалась подругой этих малолетних подонков, то поэтому он спросил у нее:

— А ты точно сестра невесты Дениса?

Лиза даже фыркнула:

— Что за дебильные вопросы? А кто же я тогда, если не сестра Татьяны? Агент 007, что ли? Ты что бредишь?

«Значит, невесту Дениса зовут Татьяна», — подумал Шершень. Денис говорил ему тогда в Москве, но он подзабыл ее имя.

— Да, нет, все нормально, просто уточнил, — ответил Лизе Шершень, одевая милицейскую куртку.

— Ха-ха-ха, — рассмеялась девушка, — ну и прикид у тебя, дядя!

— Какой я тебе дядя, — обиделся Шершень, — мне, что сорок лет?

— Сорок пять, судя по виду, — сдохмила Лиза.

— А тебе тогда сто сорок пять, — ответил ей Шершень.

— А тебе тогда пять тысяч лет, — развеселилась Лиза и даже игриво толкнула Шершню в плечо маленькой ладошкой.

— Ладно, пошли, — сказал Шершень, отстраняясь от толчка.

Лиза ему все больше и больше нравилась.

— Пошлить я не буду, я же честная девушка, — ответила Лиза, — надо говорить не «пошли», а пойдём.

— Хорошо, я запомню, — пообещал Шершень.

— Знаешь, как меня раздражает, что у нас в городе все говорят «звòнит», — сказала Лиза, — хоть кол на голове теши, все «звòнит» и «звòнит». Самое главное, что не только работяги, но и начальство так говорит. Выйдет на трибуну и давай поливать: «Звòнит, коридор, дилектор». Я все время хочу спросить: «Чему вы там, в столице учились?».

— А чего не спрашиваешь? — поинтересовался Шершень.

— Без толку, — ответила Лиза, — горбатого могила исправит. Да, и кто меня к ним близко подпустит? У нас же, как в Индии. Кругом касты. Начальником стал и все, зазнался,

стал выше гор и круче склонов. А на самом деле просто чиновник. Он или другой кто-то будет в этом кресле сидеть, никакой разницы! Ай, неохота даже говорить!

Они вышли из гостиницы и направились в сторону дома, где жили Татьяна, Лиза и их родители.

— Я тебя под руку возьму, а то у меня ботинки скользкие, — сказала Лиза, — пока сюда шла пару раз чуть не навернулась.

И она без излишних церемоний ухватила за локоть Шершня.

— А ты кто по званию? — запросто спросила она.

Шершень посмотрел ей в лицо. Откуда она знает, что он военный? Наверное, Денис рассказывал ей, что он служил в Чечне. Хотя он сам об этом Денису при их короткой встрече вроде бы не говорил, а уж о том, в каком ведомстве он служит, и подавно не заикался. Но раз ей все известно, то и скрывать ни к чему. Он и ответил:

— Я старший лейтенант.

Лиза взглянула на погоны его куртки, и Шершень догадался, что она имела в виду его теперешнее «звание», той куртки, которую ему дал прапорщик, а не то что он носил в Чечне и о котором наверняка не знает. А он и не понял этого сразу. Совсем она ему мозги запудрила.

— Странный ты какой-то, — сказала Лиза, — в званиях не разбираешься, что в армии не служил, что ли? Погоны у тебя прапорщика, а ты говоришь, что старший лейтенант.

— Ты-то сама, откуда знаешь? — поинтересовался Шершень.

— Я эрудированная, — ответила Лиза, — книг много читаю и фильмы смотрю. Я в университет хочу поступать, когда школу закончу.

На улице, по которой они шли, было практически пусто. Пару раз полупьяные личности пытались подойти к ним, но, увидев форму милиционера, застывали на месте и только ухмылялись вслед. Пошел мягкий пушистый снег.

— Вообще у нас после десяти вечера гулять не ходят, — сказала Лиза.

— Это почему? — спросил Шершень.

— Потому что по роже можно схлопотать, — простодушно ответила Лиза.

— Как это, за что? — не понял Шершень.

— А ни за что, просто так, — ответила Лиза, — подойдут и дадут по роже.

— Ничего не пойму, — сказал Шершень, — им что, больше заняться нечем, как морды друг другу бить?

— Наверное, нечем, — ответила Лиза, — сам посуди. У нас население города двадцать три тысячи человек. На комбинате работает семь тысяч, тысячи две работают по частным конторам, остальные нигде не работают, только пьют. Чем им заниматься, если выпить хочется, а денег нет? Выйти на дорогу и бить морды, а что еще?

— А милиция?

— А что милиция? Ну, заберет она такого алкаша и что с ним делать? Что с него возьмешь, он жертва экономической ситуации и перестройки с демократией. Тюрьмы, итак, переполнены. Вот их заберут, подержат и отпускают, а они снова на улицу. Работяги тоже так развлекаются, что морды бьют. Сначала напашутся на работе до потери пульса, потом упьются паленой водки или самогона, и давай свою неудовлетворенность жизнью на прохожих вымещать. У нас половина города дети ссыльных, треть города в тюрьме сидела. Это же тебе не город художников и поэтов. Вот такая обстановка.

— Не позавидуешь, — покачал головой Шершень.

— Жить можно, — ответила Лиза, — но противно. Поэтому я школу закончу и уеду отсюда. В Питер или Москву уеду. Учиться или работать. Не знаю точно... Лишь бы отсюда свалить. А то тут никаких перспектив. Да и, вообще, хочу из этой страны уехать. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда!

— Что же ты так свою родину не любишь? — спросил Шершень.

— А ты любишь? — вопросом на вопрос ответила Лиза.

— Я люблю, — сказал Шершень.

— Интересно, и за что же? — покачав головой, спросила Лиза.

— Начнем с того, что любят не за что-то, а несмотря на недостатки, — ответил Шершень, — это общее правило любви. И потом, я тут родился, учился в школе, у меня тут друзья.

В этом месте Шершень осекся. Лиза заметила, на чем он споткнулся, и добавила:

— Которых на улицах запросто убивают...

— Всякое бывает, — ответил Шершень, — от этого нигде не можешь быть стопроцентно застрахован.

— Ну, вот, и люби ее такую родину! — продолжила Лиза. — И надейся, что это взаимно! А я не хочу любить страну, которая своих граждан не может защитить! В Прибалтике русские на улицу выйти боятся, бывшие эсесовцы по улицам маршируют, а ветеранов Великой Отечественной под суд отдают. На Украине громят кафе в которых русская музыка играет! Про южные республики я вообще молчу! Там наших русских насилуют, убивают, лишают домов! И такая огромная страна с такой мощной армией не может положить конец всему этому беспределу! Зато у нас попробуй азербайджанца тронь! Сразу вопли поднимаются о раздувании межнациональной розни! Мы в своей стране имеем меньше прав, чем любой приезжий таджик или узбек! О правах русского населения даже стесняются говорить! Не хочу я жить в такой стране! В какой-нибудь Дании одного журналиста убьют где-нибудь, а вопли поднимаются на полмира! Конечно, чего за русских вопить, их, итак, расплодилось слишком много! Что я не права?

— Не знаю, Лиза, не обо всем же так прямолинейно судить, — ответил Шершень, — везде, а особенно в политике есть скрытые подводные течения, которых мы не видим.

— Конечно, — усмехнулась Лиза, — а ошибаются политики только в свою пользу, как продавцы в магазине. Не замечал? Обсчитают, обвесят, а поймаешь, говорят: «Ой, я ошиблась!». Но почему же ошибаются только в свою пользу, а не в пользу покупателя? Ну вот, смотри, почти пришли уже. Вон наш дом.

— погоди, — остановился Шершень, — ты про магазин напомнила и я подумал, что нужно зайти туда, купить чего-нибудь, а то неудобно идти в гости с пустыми руками.

— Пойдем, — согласилась Лиза, — тут недалеко есть один неплохой ночной магазин.

— Там тоже около него своя банда малолеток пасет территорию? — справился Шершень.

— Не бойся, со мной не тронут, — покровительственно сказала Лиза, — тем более на тебе милицейская куртка. Прорвемся.

— Ты меня просто возвращаешь к жизни, — усмехнулся Шершень.

Но лицо Лизы вдруг сделалось серьезным и она сказала:

— У меня одна просьба к тебе есть. Только обещай, что выполнишь!

— Говори, — кивнул Шершень, — я обещаю, если смогу, то выполню.

— Когда к нашим придем, ты постарайся сам о Дениске разговора не заводить. Не надо

этих слов соболезнования, надоели они за прошедшие дни. Всем надоели. Лучше расскажи чего-нибудь, как вы в школе учились вместе. Даже не знаю чего.

— Хорошо, — кивнул Шершень, — если ты считаешь, что так будет лучше, то я буду больше молчать и слушать.

— Да, — согласилась Лиза, — но только совсем букой не сиди. А то подумают, что ты какой-то странный. Веди себя естественно.

— Хорошо, — согласился Шершень и они пошли к магазину.

В этот раз обошлось без малолетних вымогателей. Около торговой точки терлись подозрительные помятые личности, но форма Шершня их спугнула. Они даже убежали за угол. В магазине Лиза и Шершень купили шоколадный торт, бутылку вина, конфеты и, не торопясь, пошли к дому, где жили Лизины и Танины родители.

— Как же тебя одну-то отпустили, если у вас по вечерам опасно ходить? — спросил Шершень.

— Меня вся шпана знает, — ответила Лиза, — все местные уроды в основном в нашей школе учились. А потом я быстро бегаю. Быстрее всех в классе стометровку пробегаю. Так что, если что, то и убегу.

Шершень улыбнулся. Лиза была выдающимся созданием. Такое поискать! Они зашли в дом, где жили родители Лизы и поднялись на второй этаж. Их уже ждали и дверь отворили без звонка.

Когда Шершень увидел невесту Дениса Татьяну, то даже его самообладание дало трещину. Лицо Татьяны было похоже на мраморное изваяние. Опухшие от слез века, пустой взгляд и круглый животик, торчащий из-под тонкого свитера. Несостоявшиеся тесть и теща Дениса тоже выглядели скорбно, говорили тихо.

Шершня удивила переломанная и наскоро восстановленная мебель, ободранные кое-где обои, отбитая плитка на кухне и в ванной. Лиза заметила его удивление и шепнула:

— Не обращай на это внимания, я все тебе потом объясню!

Вскоре все сели за стол, но застолья, как и следовало ожидать, не получилось. Посидели где-то около часа, говорили больше обо всем, только не о Денисе. Обсудили положение в мире, последние новости. Шершень рассказал о том как его ограбили возле конечной остановки автобуса. За все время Татьяна не произнесла ни слова. Ее рука то и дело судорожно гладила будущего ребенка, а глаза глядели куда-то вдаль, туда, где в высоте облаков, наверное, витала душа человека, который никогда уже не станет ее мужем.

Квартира у родителей Лизы и Татьяны была трехкомнатная. Шершень собрался идти ночевать в гостиницу, но его упорно не желали отпускать, несмотря на то, что он был в милицейской куртке. В результате постелили ему в комнате Лизы, объяснив, что Лиза и Таня лягут вместе в зале.

Перед тем как лечь спать, Шершень на кухне смотрел альбом с фотографиями, Лиза мыла посуду и к их компании присоединился тесть. Он работал горным мастером в комбинате и был еще не стар, лет пятьдесят пять, не больше.

— Я покурю? — спросил он у Шершня.

— Курите, конечно, — согласился он.

— Тогда приоткрой форточку, а я дверь прикрою.

Шершень сидел у окна, он встал со стула и выполнил просьбу отца Катерины и Лизы. Отец закурил сигарету без фильтра, сел на табурет рядом с Шершнем и заглянул в фотоальбом.

— А-а, это Денис и Татьяна в лесу за грибами, — прокомментировал он фотоснимок, — у нас тут осенью грибов и ягод хоть лопатой собирай. Мы, бывало, поедем всей семьей, заготовим грибков и соленых, и сушеных, и маринованных. Да ты же пробовал сейчас, понравилось?

— Да вкусно, — согласился Шершень.

— А ягоды делаем и варение, и перетертые с сахаром, — продолжил отец, — и рыбы у нас тут столько...

— Батя, ну, кому это интересно, — перебила отца Лиза, — грибы, ягоды твои. Это только ты на них фанатеешь.

— Мне интересно, — не согласился Шершень.

— Да, ладно, говоришь только из вежливости, чтобы батю не обидеть, — ответила на это острозыкая Лиза.

Отец замолчал на минуту, глубоко затягиваясь сигаретным дымом и о чем-то думая, а потом произнес с тяжелым вздохом:

— Видишь, как все вышло, брат. Говорил я ему, живи тихо, не суйся ты в эти передраги комбинатовские, а он не послушался. Вот теперь ребенок будет без папки расти. Если еще выживет после всего, что случилось.

— Тьфу, типун тебе на язык, — ругнулась на отца Лиза, — иди лучше спать.

— Пойду, пойду, — согласился отец, вставая с табурета.

Он вышел медленно и плотно прикрыл за собой дверь.

— Состарился батя лет на десять, — сказала Лиза, — после того, как все это случилось...

— Погоди, — спросил Шершень, — я чего-то не понял? Про какие такие комбинатовские передраги говорил твой отец, если мне говорили, что Денис погиб по нелепой случайности. Что-то вы не договариваете все. А что вы не договариваете?

Лиза случайно уронила тарелку в раковине. Постояла с полминуты молча, глядя на то, как течет вода и крутила в руках «ежик» для мытья посуды. Шершень терпеливо ждал. Наконец девушка повернулась к нему и спросила:

— А зачем тебе все это знать?

— Ну, знаешь, Лиза, Денис был мой единственный друг еще со школы. Мы с ним, как братья были. Вместе росли, школу вместе закончили. И вот я приезжаю к нему на свадьбу, а попадаю на поминки. Согласись, я имею право знать правду о его смерти.

— Эта правда опасная. Для тех, кто ее знает...

— Лиза, не надо пафоса, — сказал Шершень, — говори по существу.

— При чем тут пафос? — спросила Лиза. — Просто Денис кому-то сильно мешал!

— Выходит, его не случайно убили, а преднамеренно. Так или не так?

— Ну, так, — согласилась Лиза, — но тебе-то все это зачем? Тебе, я говорю, лучше не знать этой истории. Ты все равно завтра уедешь, а послезавтра забудешь, что тут у нас был.

— Лиза, я просто хочу знать все, что случилось, — попросил Шершень, — тем более, что я завтра уеду, как ты говоришь, а может быть погощу в вашем городе. Милиция ваша пока что моих вещей не нашла. А они мне нужны! Так что, придется немножко задержаться и погостить в вашем «милом» городе. Рассказывай...

— Ну, хорошо, — согласилась девушка, — я тебе расскажу, но ты дашь мне обещание не болтать об этом даже там, где ты живешь. Потому что если они узнают, что мы в курсе, то у всей нашей семьи будут большие неприятности.

Шершень не торопил Лизу, он понимал, что все это предисловие и только кивком пообещал ей молчать. Она закрутила воду в кране и села напротив Шершня. Лиза была еще симпатичней в своем простом домашнем халатике, который облегал ее ладную фигурку.

— Денис работал у Барина, — начала Лиза.

— У какого такого Барина, — не понял Шершень, — у вас тут что, крепостное право?

— Почти, что так, — согласилась Лиза и объяснила, — Барин, это директор нашего комбината, его так в народе зовут. Он и, правда, на барина похож. Высокий, крупный, борода лопатой. Так вот, в начале девяностых, когда вся эта неразбериха в стране была, а я в садик еще ходила, Барин успел при приватизации по бросовой цене акции скупить треть акций всего комбината. А потом начал и весь город, как паук захватывать. Разворачивался медленно, но верно. Сначала подмял под себя все магазины. Потом скупил милицию и прочие структуры. Везде своих людей насажал. Ничем не брезговал, чтобы до власти добраться. А когда погиб в автокатастрофе прежний директор комбината, занял его место. И стал монополистом в городе. И началось. Зарплату он платит народу маленькую, а все равно все, кто работают в комбинате за места держаться, потому что мест, куда можно работать пойти, в городе больше нет. Все в его руках. Провинился перед Бариним и можешь вешаться, потому что, если уехать отсюда насовсем некуда, то сдохнешь от голода или сопьешься. Народ от безысходности злой, безденежный, оттого у нас и творится все это безобразие на улице.

— Я не пойму, почему этому Барину не навести порядок в своем городе, — спросил Шершень, — ему-то какой прок оттого, что у вас тут, как в Гарлеме.

— А чтобы все боялись, — ответила Лиза, — Барин говорит, что у меня, мол, это быдло и за сто рублей в месяц пахать будет, потому что деться им некуда! А сам жадный, за копейку удавится, кровь сосет из народа, типичный капиталист по Марксу.

— Ты и Маркса читала? — спросил Шершень.

— Я много читаю, — ответила Лиза, — потому, что хочу вырваться отсюда, а чтобы где-то приткнуться, надо многое знать и уметь.

— Погоди, — не понял Шершень, — Барин, Бариним, а Денис-то тут при чем?

— Вот, я и говорю, — продолжила Лиза, — Денис работал у Барина юристом, а поскольку парень был толковый, то двигался по служебной лестнице вверх быстро. И вот в один момент, не знаю как, получил он доступ к документам, которые Барин сильно прятал. Но эти факты, которые Денис случайно раскопал, были совсем маленькой частью того «айсберга», который был скрыт от посторонних глаз. И Денис из интереса стал дальше копать. Почти два года медленно, по крупицам он собирал материал на Барина. Там, я тебе скажу, такое открылось!

Лиза перешла на шепот и наклонилась поближе к Шершню.

— Оказалось, что прежнего директора сам Барин убрал. Подстроил всю эту автокатастрофу, чтобы самому в его кресло сесть. А еще был у нас тут в городе один мелкий Аль Капоне. Так, ларечников данью облагал, магазины, терки уголовные разбирали. И в один из вечеров его застрелили в родном подъезде. Наглухо. А потом Барин своего «уголовного» ручного авторитета поставил над городом. Так, дешевку, отморозка Степу Глушителя. Ой, всего не перескажешь!

— Ты пока вкратце, — предложил Шершень, — а детали потом.

— Так вот, — продолжила Лиза, — Денис материал накопал, что вся грязь в городе это дело рук нашего Барина. Как Дениска умудрился все это «нарыть», не знаю. Но Барин ему

доверял, поэтому и не боялся. А, честно говоря, Барин просто охамел от безнаказанности своей и уже не видит теперь, что или кто его может остановить в его поганских делах. Кроме того, он тогда, давно при «прихватизации» купил всего тридцать пять процентов акций, а ему нужен был полный контроль над предприятием. А прежний директор много акций распределил между теми, кто на предприятии тогда работал согласно трудового стажа. Много было у народа акций на руках. Так как Барин со своими «псами» из людей эти акции выбивал, чтобы одному всем владеть, ты бы знал! «Бультерьеры» его народ просто нагло, без стеснения народ прямо у них дома избивали...

— Какие «бультерьеры», кто это? — поинтересовался Шершень.

— Булики-то? — переспросила Лиза. — Это банда молодчиков Барина. Ну, для постороннего человека в нашем городе может показаться, что они как бы сами по себе безобразничают — дерутся, деньги отбирают. У них, как бы, крестный отец есть. Степа Глушитель, кличка у него такая, он шестерка Барина. На самом деле «бультерьерами», конечно, руководит Барин. Это его боевики и они в дело вступают, когда это интересов Барина касается. Мало ли какой рабочий или мастер возмутится, что платят мало или говорить будет по комбинату лишнее. Булики тут как тут. Надают по башке и забудешь как маму звали. Вырастил их Барин из шушеры подъездной, такой, как Сопля и Гантеля. Эти двое подрастут, и тоже пойдут в «бультерьеры». А чего бы им туда не пойти? Образования не нужно, работе не пыльная по кабакам, да по барам отираться. Да, и Барин им платит поболее, чем любому горному мастеру. Вот они и обнаглели.

— Хорошо бы на них посмотреть, — сказал Шершень.

— А чего на них смотреть? — пожалала плечами Лиза, — дебилы как дебилы, ничего особенного. Конечно, обо всех бесчинствах Барина люди в городе знают, только говорить боятся. Да и чего зря языками чесать, ведь доказательств нет. Все слухи и сплетни! Пропадет какой-нибудь предприниматель, народ неделю это событие муссирует в кулуарах, передают из уст в уста, что, мол, Степа Глушитель его порешил по приказу Барина.

— Ну и жаргон у тебя, Лиза, — покачал головой Шершень, — «порешил», «замочил наглухо». Ты же интеллигентная девушка, а так выражаешься.

— У нас иначе нельзя, — ответила Лиза, — надо этим жаргоном владеть, чтобы с той же шпаной разговаривать. Так вот, случится что-нибудь в городе, люди говорят, говорят про это, а доказательств прямых нет. И забывают через неделю. И вот до всех этих тайн, покрытых мраком, Денис докопался. Столько информации наскреб, около тридцати мегабайт все это дело занимало. Там и документы текстовые, и фотографии, и даже звуковые файлы. Денис так увлекся, что Барина пару раз даже на пленку записал, когда тот возьми, да и ляпни чего-нибудь.

— А вы всей семьей об этом знали, — подсказал Шершень.

— Нет, не знали, — замотала головой Лиза, — мы никто не знали. Знала только Таня. Он ей доверял, она у нас молчунья. А когда его убили, она так плакала, плакала и все нам рассказала. Так что знают об этом только я, мама, папа и Таня. И теперь еще ты.

— И те, кто его убил, тоже знают, — добавил Шершень, — а где он хранил всю эту информацию?

— Хранил в своем ноутбуке, — ответила Лиза, — в электронном виде. А когда его убили, ноутбук исчез. Казалось бы, зачем ноутбук алкашу, который его зарезал?

— Продать, — предположил Шершень.

— Тогда бы ноутбук быстро нашли, — ответила Лиза, — ну, подумай, кому нужен

ноутбук в этом городе? Здесь все, что воруются, азербайджанцы скупают. Поэтому найти все ворованное проще простого, было бы желание. Но его не нашли! А после убийства, на другой день, нас никого дома не было. Так дверь в квартиру выбили и перерыли все вверх дном. Искали не оставил ли он где-нибудь еще какие-нибудь документы. От этого у нас вся квартира переломана и мебель. Помнишь, я тебе говорила, что потом объясню почему. Вот поэтому. Кто-то тут у нас хорошо порылся. Искали компакт диск с информацией.

— И что, нашли?

— Я откуда знаю, нашли или нет, — пожалала плечами Лиза, — нам тогда Таня еще ничего не рассказала. Так страшно было тогда! Если бы даже что-то и оставалось бы, то мы бы сами отдали, потому что эти гады ни перед чем не остановятся!

— Если ты говоришь, что Таня вам все после смерти Дениса рассказала, — спросил Шершень, — то почему твой отец еще при жизни просил его не лезть в комбинатовские передраги.

— А потому что Денис перед самой смертью часто стал хвастаться, угрожать, что скоро он разоблачит всю эту шайку, — ответила Лиза, — вечерами дома частенько критиковал Барина и всех его приспешников. Батя обычно спорил с ним, а что батя может знать, он обычный работяга. А Денис ему доказывал, что и зарплата у них воруются, и обманывают их. А батя, словно святой. Денис очень неосторожен стал на язык последнее время.

— Видимо где-то еще сболтнул кроме дома, — предположил Шершень.

— Может быть, — согласилась Лиза, — а может, и следили за ним. Он же сидел в архивах, копался в документах, которые к его работе юриста никак не подходили. А у Барина сто рук тысяча ушей. Теперь уже не восстановить, как все было.

— А может быть, попробовать? — предложил Шершень.

— Ага, чтобы и нас с тобой нашли в парке с ножами в спинах, — ответила Лиза, — нет уж, как-нибудь без меня!

В это время дверь на кухню медленно приоткрылась и заглянула мама Лизы.

— Пора спать, ребята, — сказала она, — завтра выходной, суббота, завтра и поболтаете. А теперь давайте-ка спать.

Шершень и Лиза спорить с хозяйкой дома не стали. Лиза ушла спать к сестре, а Шершень пошел в комнату девушки. Как он и ожидал, комната, само собой разумеется, была оклеена плакатами разнообразных молодежных групп, преимущественно революционно роковых. Был и один плакат Филиппа Киркорова, который использовался, судя по дырам на лице, как мишень для игры в дартс или метания перочинного ножика. На столе валом были навалены книги самой разнообразной тематики, но внимание Шершня привлекла явно местного выпуска газетенка под названием «Комбинатовский рабочий».

Шершень прилег на тахту и стал изучать местную прессу. С первых страниц газеты на народное счастье взирал мастер производственного участка некто Запупырин, который с бригадой рабочих осваивал новый агрегат, похожий для далекого от промышленного производства Шершня на самогонный аппарат. Запупырин картинно демонстрировал рабочим открытую ладонь, указывающую на деталь нового агрегата, а внизу фотографии красовалась надпись, сделанная ручкой и явно рукой Лизы. Из этой надписи получалось, что Запупырин предлагал рабочим немедленно обмыть новый агрегат. Шершень усмехнулся и листнул газету дальше.

На второй странице некий майор Барашко, оказавшийся начальником милиции, рассказывал жителям города о раскрываемости преступлений и общей криминогенной

обстановке в городе. Крупно напечатанные графики показывали, что раскрываемость преступлений в городе подошла к показателю 99, 9 %, а криминогенная обстановка приближена к спокойной жизни так же, как в какой-нибудь разлагающейся Швейцарии. Указывал на графики на фото сам Барашко, а из кармана его торчали пририсованные ручкой денежные купюры, очевидно указывающие, что представитель закона в городе вор и взяточник. Говорил при этом Барашко такие слова, что было видно из надписи ручкой, которая шла прямо изо рта начальника милиции:

— Раньше я брал сто долларов, а теперь беру тысячу!

При этом Барашко так деловито тыкал в графики, что Шершень снова рассмеялся. Газета была ужасно скучной и только надписи Лизы скрашивали ее. Была в газете так же страница, посвященная культурной жизни города. Юный талантливый флейтист приглашал на свой концерт. Цена билета умилила Шершня. Она равнялась всего пяти рублям. Вероятно, столь низкой ценой организаторы концерта хотели привлечь в зал побольше народу, чтобы культурно воспитывать его. А народ не хотел культурно воспитываться и все равно не шел на концерт, а шел в пивбар. Шершень отложил газету на стол, выключил свет и задумался.

Он никак не мог заснуть. Мучили мысли, которые лезли в голову одна за другой. Значит, получается так, что Дениса убили преднамеренно, а не случайно. Его школьного друга лишили жизни мафиози, которых Денис хотел разоблачить, вывести их темные делишки на чистую воду. Да, Денис всегда был таким. Иначе он поступить бы и не мог — всегда был за справедливость. Не терпел, если сильные и большие обижали слабых и маленьких. Как ни банально звучит, но это было так. А теперь подонки потирают руки и стали еще уверенней в себе, оттого, что убили его друга и остались безнаказанными.

И вот он, Шершень, участник десятков боевых операций, прошедший огонь и воду завтра подожмет хвост, и трусливо убежит из этого города, где после десяти вечера люди стараются не выходить из дому.

А что он может сделать? Как зацепить этих коррумпированных подонков? Если бы хоть что-нибудь можно было найти их того, что «накопал» на этого Барина Денис. А так в чем можно обвинить директора комбината, если нет никаких фактов? И кто его будет обвинять? Шестнадцатилетняя девчонка? Кто ей поверит? Нет никаких весомых доказательств, никаких улик и это ужасно. А если попробовать их найти, эти доказательства? Тоже довольно глупая затея. Чтобы отыскать какие-то улики, нужно к этому Барину так же близко подобраться, как Денис, но это практически невозможно. Тем более для Шершня, который приехал в этот город погостить. Мучительно ища в мозгу выход из сложившейся ситуации, Шершень не заметил как крепко заснул.

Утром первым проснулся и встал отец Лизы, а за ним и все члены семьи. Лиза заглянула к Шершню, разбудила его, вместе позавтракали все, кроме Тани, которая еще спала. Шершень решил первым делом с утра наведаться в милицию, узнать о своих вещах, а потом съездить на кладбище на могилку к Денису. Лиза вызвалась его сопровождать в его похождениях по городу как проводник.

Вышли на улицу. Было светлое субботнее утро, над городом повисла легкая поволока и подмораживало. То тут, то там встречались индивидуумы с помятыми лицами, которые после вчерашних возлияний искали опохмелку, кроме них мамыши с детьми шли в магазины, город ожил в отличие от вчерашнего и наполнился жителями. Увидел Шершень и парочку красивых зданий в центре, построенных, вероятно еще в эпоху товарища Сталина, который пригнал сюда народ для разработки полезных ископаемых.

Они подошли с Лизой к милиции ровно в десять утра. На месте дежурного сидел милиционер, похожий на стеариновую свечу, которая уже наполовину сгорела. Щеки его висели над плечами, брови над глазами, рот из-за всего этого приобрел уныло-злое выражение, а взгляд был строгим и мрачным.

Шершень подошел к стойке дежурного и приветливо поздоровался. Свеча медленно перевел заплывшие жиром глаза на Шершня в куртке прапорщика милиции, потом на стоящую позади него Лизу и спросил:

— Вам чего?

— Меня вчера ограбили, — начал свой рассказ Шершень, — и прапорщик куртку мне дал до утра и пообещал, что к десяти часам все найдется...

— Не найдется, а мы найдем, — поправил его Свеча, — а в куртке милицейской тебе не надо было вчера по городу ходить.

— Ситуация так сложилась, — объяснил Шершень, — что пришлось прогуляться.

— Ситуация, мастурбация, — показал знание научных терминов милиционер Свеча, — нашли мы кое-что из твоих вещей.

Он полез в ящик стола, достал оттуда паспорт Шершня, пролистал его, затем изучающе осмотрел самого Шершня и спросил:

— Александр Иванович?

— Он самый, — подтвердил Шершень.

Свеча торжественно протянул ему паспорт:

— Вот получите и распишитесь!

Шершень взял паспорт и приготовился расписаться. Но что-то ему подсказало, что паспортом дело и ограничиться.

— А где все остальное? — осторожно спросил Шершень. — Мои вещи?

— Что остальное? — как бы удивляясь, спросил Свеча.

— Дубленка, подарочный сервиз, сумка с вещами, — перечислил Шершень, — все, что было мной в заявлении подробно описано.

— В каком таком заявлении? — спросил Свеча.

— Я писал заявление о том, что меня ограбили, — терпеливо разъяснил Шершень.

— Ну, раз ты написал заявление и в заявлении перечень вещей указан, — ответил Свеча, — значит, то, что мы отыскиали, находится в комнате вещественных доказательств, иначе нельзя, порядок такой. И будут вещи находиться там до выяснения обстоятельств. Потому что нам так положено поступать согласно заявления.

— Так я заявление свое заберу, — понял игру хитрого милиционера Шершень, — только вещи мне верните. Мне тут в вашем городе гостить некогда, а тем более уголовные дела решать.

Свеча пристально посмотрел на Шершня, на Лизу, а затем, громко сопя, полез в ящик стола и достал оттуда лист бумаги, в котором Шершень узнал свое заявление. Свеча немедленно демонстративно начал читать его про себя, шевеля толстыми губами и низко склонившись над столом. Минут через пять, закончив разбираться с почерком Шершня, он спросил:

— Так, значит можно рвать заявление?

— Конечно, — ответил Шершень, — я зла на них не держу.

Свеча медленно порвал заявление на мелкие кусочки и выбросил в урну. Затем он буркнул: «Ждите здесь», и удалился в маленькую дверь позади кресла дежурного. В комнате дежурного остался только молодой сержант, который с интересом разглядывал Лизу.

Минут через пять Свеча вернулся, неся под мышкой дубленку Шершня.

— Вот, — сказал он и положил дубленку на стол, — распишитесь в получении.

— Что, вот? — спокойно переспросил Шершень. — А где сумка и сервиз?

Свеча оплавился еще больше и пристально посмотрел на Шершня. Молодой мент недовольтно хмыкнул.

— Сумка и сервиз не найдены, — безапелляционно констатировал сомнительный факт Свеча.

— Как это не найдены? — возмутился Шершень. — Объясните мне, каким образом вы смогли найти дубленку и не найти сумку и сервиз?

— Гражданин, скажите спасибо, что мы за прошедшую ночь смогли найти вашу дубленку и документы! — потребовал Свеча.

— Спасибо, — сказал Шершень, — а когда вы найдете сумку и сервиз? Я сегодня днем собирался уезжать!

— Возможно никогда мы не найдем вашу сумку и сервиз, — раздражаясь, ответил Свеча, — так что счастливого пути! Берите билет и уезжайте!

— Отлично работаете, — усмехнулся Шершень, — а может мне заново написать заявление, чтобы вы были порасторопней?

— Пиши, — безразлично сказал Свеча, — только тогда дубленочку снимай, потому что это вещественное доказательство и оно должно находиться у нас. Кроме того, приготовься к тому, что раза два в месяц мы будем тебя вызывать на дачу показаний к следователю. А может быть, и чаще. К тому же на тебя есть еще встречное заявление.

— Это какое же? — удивился Шершень.

— От гражданина Барашко и гражданина Гонтелева, — нагло ответил Свеча.

— Это Сопля и Гантеля, — прошептала сзади Лиза.

— И что же написали в заявлении эти «достопочтимые люди»? — с издевательством спросил Шершень.

Свеча, демонстративно не замечая глумливого тона Шершня, полез в ящик стола, где лежало заявление Шершня, и достал оттуда еще два листа, исписанных похожим неровным и корявым почерком.

— Они написали, что возле магазина на них напал гражданин и избил их, нанеся телесные повреждения, которые они засвидетельствовали у врача. Вот справки.

Свеча показал Шершню две бумажки с неразборчивой печатью. Шершень просто оторопел от такой наглости.

— Но есть же свидетели, которые наверняка видели, что они подошли ко мне и угрожали опасной бритвой, — сказал Шершень, — люди не спали еще, да и продавщица из магазина все видела, она стояла у окна.

— Да, да, — кивнул Свеча, — как раз продавщица и указывает на то, что вы привязались к молодым людям и стали их избивать.

— Ее просто запугали, — громко сказала Лиза.

— Девочка, иди отсюда, не мешай! — приказал ей Свеча.

— Мальчик, не груби мне, — ответила ему Лиза.

Молодой мент поднялся со скамейки, поигрывая дубиной.

— Ладно, ладно, — сказал Шершень, легко сжав Лизе кисть руки, — замнем это дело. Я вижу тут у вас каша варится еще та!

— Каша не каша, а заявлению их я тоже могу ход не давать, — сказал Свеча, — нам лишние геморрой не нужны.

— Тем более, когда в деле участвует сынок начальника милиции, — добавил Шершень.

— А это тут совсем не при чем, — ответил Свеча, — у нас подход беспристрастный.

— Знаю, знаю, — сказал Шершень, — я в вашей местной газете читал. «Комбинатовский рабочий». Раскрываемость преступлений у вас 99,9 %.

— А что у вас есть сомнения? — сурово спросил Свеча.

— Что вы, никаких сомнений, — ответил Шершень, — я верю вашей газете так же, как и вам.

— Так что в ваших интересах, молодой человек, — невозмутимо продолжил Свеча, — как можно быстрее взять билет и уехать отсюда куда подальше, пока мы вас не арестовали. И тогда, может быть, из-за этого пустякового дела мы не будем вас разыскивать на

просторах России.

— Ну, что ж, вы очень милые люди, — сказал Шершень, — приятно было побеседовать. Спасибо прапорщику передайте за куртку, которая согрела меня вчера вечером.

— Передадим, — пообещал Свеча.

Шершень снял с себя милицейскую куртку, положил ее на стол к дежурному, накинул на плечи свою дубленку, забрал паспорт и пошел к выходу, таща Лизу за руку. Они вышли из отделения милиции и остановились на пороге.

— Хороший был сервиз-то? — спросила Лиза.

— Китайский фарфор, — ответил Шершень, — на шесть персон.

— Ого! Наверное, дорого стоил?

— Да так, — пожал плечами Шершень, — теперь уже какая разница?

— А в сумке что было? — спросила Лиза.

— Ничего ценного, только вот туалетные принадлежности жалко. У меня там хороший лосьон после бритья был.

— Что только туалетные принадлежности в сумке были?

— Еще костюм новый на свадьбу купил и так по мелочи трусы, носки, — ответил Шершень.

— Ни фига себе, — удивилась Лиза, — костюмы сейчас бешеные деньги стоят. Здорово тебя обули!

— А зачем мне этот костюм? — пожал плечами Шершень. — Свадьбы не состоялось, а больше мне его некуда одевать.

— На свою свадьбу, — подсказала Лиза.

Шершень усмехнулся:

— Ну, это вряд ли...

— У тебя, что нет любимой девушки? — спросила Лиза.

— Нет, — ответил Шершень.

— Ты ее бросил или он тебя? — спросила Лиза.

— Да никто никого не бросал, просто ее нет.

— В твоём возрасте неприлично не иметь девушки, — сказала Лиза, — могут подумать, что ты голубой.

— А ты не говори никому и никто не подумает.

— Но я-то знаю, что у тебя ее нет.

— Ладно, знаток секс меньшинств, — сказал Шершень, — пойдём где-нибудь купим цветы, да поедём на могилу Дениса. Продаются у вас тут где-нибудь живые цветы?

— Есть на рынке у азеров, — ответила Лиза, — это недалеко. Минут за пять дойдём.

— Потом на автобус, — продолжил Шершень, — а то на кладбище не успеём съездить. Мне же ещё уезжать сегодня на поезде. Драпать от уголовного дела, которое на меня грозились завести из-за этих малолеток.

— Любой нормальный человек на твоём месте уехал бы, — сказала Лиза, — на фига тебе эти неприятности? А сумку твою и сервиз менты и не искали. Оставили Сопле и Гантеле за нанесённый тобой им «ущерб» в качестве материальной компенсации. Если бы тебе было в чём ехать, то они бы и дубленку тебе не вернули.

— Да, городок у вас ещё тот, — усмехнулся Шершень.

— Это точно, — засмеялась вместе с ним Лиза, — а этим уродам все с рук сходит. Недавно такая у нас тут история приключилась. Сопля вместе с Гантелей изнасиловали в

подвале девчонку. Затащили, запугали, избили и изнасиловали.

— Вот скоты! — покачал головой Шершень.

— Да, еще те уроды, — подтвердила Лиза, — девчонка расплакалась и матери все рассказала, а мать заявление в милицию написала. И сказала, что так этого дела не оставит, что засадит обоих. Папаша Соплю и Гантелю поругал, даже по уху двинул и привел к девочке прощения просить. А она такая вся недотрога была, ей всего-то четырнадцать. До этого случая даже не целовалась ни с кем и сразу... Надолго бы их за такое дело засадили бы.

— Да, можно было упечь, — согласился Шершень, — и чем дело кончилось?

— Вот Сопля и Гантеля пришли к девушке домой, — продолжила Лиза, — прощения просили. Обещали так больше не делать, лишь бы заявление забрала. А мать девочки ни в какую. «Посажу, — говорит, — подонков в тюрьму, даже если придется до президента дойти». Папаша Сопли, видя, что дело пахнет керосином, побежал жаловаться к Барину. Тот выслушал, а назавтра маме этой намекнули там, где она работала, что на комбинате сокращение грядет и она, мол, в первых рядах на увольнение. Но могут не уволить, а перевести в другой цех на повышение. Все зависит от того, как она себя будет вести. Мама поняла, откуда ветер дует, и «скисла». Поняла, что сил с этой бандой справиться, у нее нет. А Сопля и Гантеля в это время этой девочке лицемерно подарки дарили, стали от всех защищать. Короче, применили метод кнута и пряника на всю катушку. Так все это дело и замяли. Правда, потом недели две Сопля и Гантеля тихими такими были, а прошло две недели и принялись снова за старое!

— Я вижу, царит у вас здесь беззаконие и произвол, — сказал Шершень, — тебя-то не обижают?

— Меня не обижают, — ответила Лиза, — я за себя могу постоять.

Так, за разговорами, они дошли до рынка. Рынок представлял собой большое крытое здание, похожее на ангар. Внутри этот ангар был полупустым и представлял из себя частичку Баку, судя по присутствующему контингенту. Контингент этот играл в нарды, кричал на своем языке, а торговали русские женщины. Шершень и Лиза купили четыре цветка и отправились на автобусную остановку.

На кладбище долго пробирались по глубокому снегу средиobelisksов и ограждений к могилке Дениса.

— Чистили мы сами эту дорожку недавно, — сказала Лиза, бредущая позади Шершня, — но вчера вечером был сильный снегопад, помнишь? Вот и засыпало все опять.

Наконец пришли. Могилка Дениса нашлась среди других могильных холмиков, возле большой раскидистой березы. Большой для этих мест.

— Я по этому дереву место могилки издалека узнаю, — сказала Лиза, — а то тут и заблудится можно. Народу много умирает.

Положили цветы на засыпанный снегом свежий холмик и долго стояли молча над могилкой с деревянным крестиком.

— Да, Денис, не так я представлял себе нашу встречу, — сказал, наконец, Шершень, — думал посидим, одноклассников вспомним...

Он положил руку на грубо сколоченный деревянный крест.

— Памятник каменный сделаем попозже, — сказала Лиза, — летом крест уберем, поставим памятник, и оградку сделаем.

— Сколько памятник у вас здесь стоит? — спросил Шершень.

— Не знаю, — пожала плечами Лиза.

— Я дам денег на памятник, — сказал Шершень.

— Не надо, мы сами.

— Надо, Лиза, Денис был моим другом.

— Ну, если есть лишние деньги, то давай, — согласилась Лиза, — а то ведь, честно говоря, мы в такие долги влезли сначала с этой свадьбой, а потом с похоронами...

Постояли еще минут десять.

— Ну, пойдем уже, — предложила Лиза, — а то у меня ноги замерзли. Еще неизвестно, сколько мы будем автобуса ждать, чтобы обратно уехать. Они тут у нас ходят, когда захотят.

Но автобуса ждать не пришлось. Вышли на дорогу, Шершень тормознул частника и быстро сторговался с ним о цене. До города доехали быстро, а, главное, что в тепле и не в давке, как по дороге сюда в автобусе. Доехали до того самого центрального универмага, где Шершень должен был выйти, когда в первый раз ехал сюда на маршрутке с вокзала. Зашли в магазин, купили туалетные принадлежности и еще кое-что, чего лишили Шершня ночные грабители. А потом направились домой.

— Я вчера кое-чего не понял, — начал по пути разговор Шершень, — некоторые детали в нашем с тобой ночном разговоре.

— Ты про что говоришь? — спросила Лиза.

— Про убийство Дениса, — ответил Шершень.

— Но не на улице же это обсуждать.

— А где обсуждать? Кто нас здесь услышит? Никому дела до нас нет.

Лиза огляделась и ответила:

— Так только кажется. Ты уедешь, а мне тут жить. Я хоть и не трусиха, но я все равно боюсь. Могут даже обрывок разговора услышать, а потом нашептать кому нужно и меня потом опять бить будут.

— А что уже били? — спросил Шершень.

— Было дело, — ответила Лиза.

— А я пока и не уеду, — ответил Шершень, — мне у вас здесь нравится. Поживу в гостинице, по городу погуляю. На концерт флейтиста схожу за пять рублей. В музей истории города загляну. Есть у вас тут музей истории города?

— Дурак, тебе же ясно в милиции сказали, чтобы ты уезжал, — остановилась Лиза, — ты чего хочешь в тюрьму сесть?

— Не хочу. А что, могут посадить?

— Запросто! Если ты еще ничего не понял, после того, что я тебе вчера рассказала, значит, ты тормоз.

— Не обзывайся.

— А ты не говори глупостей.

— Хорошо, — кивнул Шершень, — откровенность за откровенность. Ты мне вчера рассказала свою историю, я тебе сегодня расскажу свою. Я не боюсь, что меня посадят, и не боюсь даже, что меня убьют, потому что я старший лейтенант роты специального назначения и всю вашу мафию, извини, на завтрак съем.

— Ты? — засмеялась Лиза.

— А что, не похож?

— Не знаю, — пожалала плечами Лиза, — честно говоря, не очень.

— Но дело в том, что так оно и есть, — продолжил Шершень, — и для всех, кроме тебя это тайна. Тебе я ее открыл лишь только потому, что мне нужна твоя помощь, а ты я надеюсь, сохранишь то, что я тебе сказал в секрете. Этого не знал даже Денис.

— И что ты намерен делать? — спросила Лиза, предварительно оглядевшись, чтобы удостовериться, что никакие посторонние уши не трутся рядом.

Поблизости никого не было, но Лиза все-таки на всякий случай за рукав оттащила Шершня в сторону к заброшенному одноэтажному зданию, которое когда-то было овощным магазином.

— Я убежден, что остались какие-то следы тех документов, о которых ты говорила, — сказал Шершень, когда они остановились, — не такой был человек Денис, чтобы таскать их такие вещи в своем ноутбуке и не иметь нигде копии.

— Я же говорила тебе, что у нас был погром, — ответила Лиза, — мы даже поминки проводили, еще не успели ничего убрать. Они перерыли все, переломали мебель. Если что-то даже и было, то они все нашли и уничтожили. Пропали все бумаги Дениса, все дискеты, все компакт диски, даже с играми. Короче, все.

— Ну, а тайник какой-нибудь мог у него быть? — спросил Шершень. — В полу, под ванной, где эти парни могли и не посмотреть?

— Мы с мамой облазили все щели, когда потом наводили порядок и ничего такого не заметили.

— Надо посмотреть еще раз, тщательно, — сказал Шершень, — а может быть, у Дениса были здесь друзья-приятели, которым он доверял, и которые могли бы хранить эту информацию у себя.

— Конечно, были, — ответила Лиза, — и их уже неплохо потрясли и «бультерьеры», и служба безопасности предприятия. Так, что они с тобой на контакт не пойдут. Даже разговаривать об этом не будут, потому что их здорово запугали.

— Тебя тоже трясли? — спросил Шершень.

— Да, прямо в школе в женском туалете, — спокойно ответила Лиза, — Пистон,

Каратель и Тамерлан.

— Это что кликухи такие?

— Кликухи. — кивнула Лиза, — но, по-моему, Тамерлана так и зовут. Он казах. Так вот этот Тамерлан мне нож к горлу приставил и спрашивал, не давал ли мне на хранение Денис каких-нибудь документов или дискет. Поцарапал мне шею до крови, придурок. А потом меня Пистон два раза стукнул головой об кафель и все.

Лиза повествовала эту историю так спокойно, словно рассказывала рецепт торта «Наполеон».

— Так что, думаю, — продолжила она, — что если у кого и были какие-нибудь данные из тех, что накопал Денис, то те, у кого они были их либо отдали «бультерьерам» или службе безопасности, либо попросту сожгли или выкинули от греха подальше, — подытожила Лиза свой рассказ.

— Плохо, если все это так, — задумчиво произнес Шершень. — Хотя бы кончик этой нити нащупать, я бы передал этот кончик людям, которые легко размотали бы весь клубок и убийцы Дениса получили бы по заслугам. Именно те были бы наказаны, кто Дениса заказал, а не алкаш которого посадили. Кстати, этот алкаш он кто?

— В смысле? — переспросила Лиза. — Что значит кто он?

— Чтобы зарезать человека, нужно уметь это делать, — сказал Шершень.

— Да, перестань ты, у нас зарезают чуть ли не ежедневно, то в пивнушке, то дома жена мужа, — сказала Лиза, — что в этом сложного, пырнул ножом, да и все!

— Не скажи, — покачал головой Шершень, — дома только каждый десятый случай поножовщины заканчивается смертельным исходом, пьяная ссора в кабаке тоже где-то каждый седьмой. Обычно все кончается с первым порезом. Люди останавливаются, увидев кровь. И все эти случаи не смертельные остаются вне народной молвы и прессы. Поэтому и кажется, что каждая пьяная ссора заканчивается непременно смертоубийством. А на самом деле, чтобы зарезать человека насмерть без шума и крика, нужно уметь это делать. Где его убили?

— По дороге из дома. Тропинка от здания управления, где Денис работал, ведет через стадион, потом через парк и выходит к нашему дому. Он всегда там ходил. Там его и нашли уже мертвого.

— Сколько было ножевых ран на теле?

— Этого я не знаю, — ответила Лиза, — я боюсь мертвецов.

— Но должны были об этом говорить, — продолжил Шершень, — мама твоя, сестра, отец.

— А какое это имеет значение? — спросила Лиза.

— Это может нам сказать о профессионализме того, кто его убил, — объяснил Шершень, — много ударов, много крови, значит, действовал дилетант. А если один или два, то значит, это был если не профессионал, то человек, который умеет убивать...

— Слушай, а ведь и правда был подобный разговор, — затараторила Лиза, — чего-то такое говорили. С одного удара... Да, да, да! Точно. Один раз его ударили под лопатку сзади. Под левую лопатку. Это точно, я вспомнила!

— Вот видишь, — покачал головой Шершень, — сомнительно точный удар для обычного алкаша. И его поймали с поличным на месте преступления?

— Нет, — замотала головой Лиза, — его взяли в тот же вечер, через полчаса в квартире, где он спал мертвецки пьяный. И нож там валялся с кровью Дениса и отпечатками пальцев

этого убийцы. Следователь сказал, что этот алкаш убил Дениса из-за денег, взял эти деньги, напился и уснул.

— А как же ваша доблестная милиция смогла так быстро убийцу? Значит, были свидетели, которые все видели?

— Да, была одна свидетельница, бабулька. Она в это время, мол, мимо проходила и показала, что видела, как этот алкаш бежал по тропинке, а потом она пошла по ней в сторону стадиона и обнаружила там труп Дениса.

— А алкаш наверняка говорит, что он мирно пил дома и потом уснул, и никого не убивал, — предположил Шершень.

— Не знаю, я, что он говорит, я же на допросах не была, — ответила Лиза, — я тебе рассказываю, что сама знаю, и что люди говорят. Молва.

— Во сколько это было?

— Часов в восемь вечера, — ответила Лиза, — в этот день его Барин допоздна задержал в кабинете. Такое часто и раньше бывало.

— А что, та тропинка, по которой он шел, ярко освещена?

— Наоборот, — ответила Лиза, — там вообще нет фонарей.

— Так, значит, совсем нет фонарей, повторил Шершень, — ситуация понемногу проясняется.

— Что проясняется? — спросила Лиза. — Для меня, например, ничего не проясняется?

— Эта комбинация с убийством до смешного примитивна, — сказал Шершень. — Понимаешь, чтобы те, кто заказал это убийство были уверены, что убийца, которого они наняли, их не выдаст на суде. Они должны быть — либо уверены в человеке, которого они наняли, либо подставить пешку втемную. Мне кажется, что здесь как раз второй случай. Дениса убил кто-то другой, не тот алкаш, на которого все свалили. А его самого в это время обильно напивали, потом запустили подставную бабушку, она и «обнаружила» труп. И потом мирно спящему алкашу подкинули нож, предварительно потискав орудие убийства в его безвольных руках. На девяносто процентов все было именно так.

— Ты знаешь, — сказала Лиза, — я сама сразу сомневалась в том, что этот алкаш мог убить Дениса. Он вечно вонял и трясся с похмелья у ларьков. Какой из него убийца?

— Я вижу, ты всех в этом городе знаешь, — сказал Шершень, — а что за бабушка нашла труп Дениса?

— Я знаю очень многих в городе, — ответила Лиза, — потому что я тут колбашусь с самого детства, а город маленький. Алкаша этого я знаю, потому что он вечно пасса у магазина, сшибая мелочь на водку у знакомых. А вот с бабулей посложнее. Я даже не знаю, кто она и где ее искать.

— А найти бы не мешало, — сказал Шершень, — она многое могла бы прояснить.

— Если мы постоим здесь еще полчаса, — сказала Лиза, — я превращусь в эскимо.

— Ты очень легко одета, — заметил Шершень, — не по сезону.

Лиза ничего не ответила, просто взяла Шершня под руку и они направились к дому.

— Допустим, мы найдем эту бабушку, — продолжила Лиза, — и что дальше? Она ничего нам не расскажет, просто выставит вон. Если все так, как ты говоришь, значит, ей заплатили за все это или припугнули. Поэтому она и стала лжесвидетельствовать.

Шершень уже перестал удивляться познаниям Лизы во всех категориях наук, включая и судебную.

— Я могу у мамы и Тани спросить про эту бабушку-свидетельницу, — продолжила

Лиза, — может быть, они ее знают.

— Не нужно, — ответил Шершень, — твой интерес может их напугать. Я попробую действовать по-другому. Как у вас в городе относятся к взяткам?

— Как везде, — ответила Лиза, — положительно. А кому ты хочешь дать взятку?

— Пока не скажу. Давай, сделаем так. Ты пойдешь домой, перекусишь, а я пойду в гостиницу продолжу свое проживание...

— Зачем тебе гостиница, живи у нас! — предложила Лиза.

— Нет, — твердо отказался Шершень, — это неудобно ни вам, ни мне.

— Тогда живи у Дениса в однокомнатной квартире. Правда, там мебели нет никакой и ремонт застрял. Возьмешь раскладушку, стакан для чая и кипятильник я тебе дам. Скажи, ну зачем тебе тратить деньги на гостиницу?

— погоди, — прервал ее Шершень, — вот этот телефон, который мне дал Денис и есть телефон той квартиры?

— Да, это он, — подтвердила Лиза, — Дениска с Таней должны были туда переехать сразу после его возвращения из Москвы. Там осталось ремонта всего ничего, только плитку в ванной положить. Но потом сам знаешь, что случилось. Некому и незачем стало переезжать.

— Поэтому там телефон и не отвечал, — задумчиво произнес Шершень.

— Да, поэтому, — подтвердила Лиза, — странно, что он тебе наш телефон не дал, ну, мой, родителей.

— Наверное, был уверен, что будет в своей квартире...

— Наверное...

— погоди, — вдруг заговорил Шершень так, как будто что-то промелькнуло в его голове, — а у Дениса в квартире тоже погром устроили, дверь сломали?

— Нет, — отрицательно покачала головой Лиза, — а там искать негде. Голые стены. Мама заходила туда дня три назад, но ничего не заметила.

— Должны были они посмотреть и там, — сказал Шершень, — а если не смотрели, то это их прокол. Хотя я в этом сильно сомневаюсь. Значит, у вас в квартире дверь сломали?

— Да, сломали.

— А соседи? Никто не слышал?

— А кому это надо выходить, даже если и слышали? Чтобы ножом пырнули? Да и было это утром, когда все на работе. А потом, они же наверняка не били в дверь ногой, а открыли домкратом.

— Это как? — не понял Шершень.

— Ну, ты темный, — засмеялась Лиза, — упирают балку в замок, а домкрат в противоположную стену и крутят. Замок выдавливается безо всякого шума и стука за пять минут.

— Умно, — согласился Шершень, — а скажи мне, у Дениса были ключи от обеих квартир?

— Да.

— А когда его убили, ключи при нем остались?

— Я даже не знаю, — ответила Лиза, — но, скорее всего, нет. Ведь если бы они остались при нем, то появились бы дома. Но дома их нет, значит, их тогда у него украли.

— Дело шито белыми нитками, — покачал головой Шершень, — может, им и домкрат никакой и не нужен был, чтобы к вам войти. Открыли ключами, а потом косяк специально повредили, чтобы создать иллюзию взлома. Много у вас похитили?

— Да в том-то и дело, что почти ничего, так по мелочи. Все перерыли, а взяли очень мало. Из ценного только золотую цепочку, кольца обручальные, вещи кое-какие, мои джинсы. Нам повезло, что мы в это время похоронами занимались, и все деньги были с собой, а золото на маме и Тане.

— Хорошее везение, нечего сказать. А что в милиции вам сказали?

— Сказали, что, наверное, воров кто-то спугнул, и поэтому они убежали, не взяв ни магнитофон, ни телевизор...

— Ни холодильник, — добавил Шершень.

— Холодильник большой, — засмеялась Лиза, — они бы не унесли его.

— Наверняка они и у Дениса в квартире были, — продолжил Шершень, — открыли и посмотрели, что им нужно было.

— Знаешь, нам тогда настолько не до этого было, что мы даже уголовное дело о взломе не стали открывать, заявление не писали.

— Ладно, я пойду попробую выяснить насчет бабульки, а ты своим ничего не говори, встретимся часа через два-три, я за тобой зайду.

— Так как насчет квартиры Дениса, ключи брать?

— Спроси у матери и отца, у Татьяны, главное. Если они не против, то я поживу.

— Вечером тогда там занавески повесим, раскладушку притащим и посуду кое-какую.

— Хорошо, — согласился Шершень, — иди домой, а то нос у тебя уже синий.

Лиза улыбнулась и побежала домой, а Шершень повернулся и пошел в сторону милиции.

Когда он зашел в комнату дежурного, там все еще сидел угрюмый милиционер Свеча, охраняемый молодым милиционером. Они с подозрением уставились на вошедшего Шершня, но его широкая улыбка вывела их из состояния подозрительности. Они впали в состояние раздражения. Когда кто-то улыбается, всех остальных это раздражает.

— Добрый день, — сказал им Шершень.

— Видались уже, — буркнул Свеча, — чего надо?

— Я подумал, что в прошлый раз погорячился, — ответил Шершень, — и вместо того, чтобы поблагодарить вас за то, что вы так оперативно отыскали мою дубленку, я начал привередничать и ругаться. А прапорщик мне даже вчера дал свою куртку. А я ругался из-за какой-то сумки, в которой ничего важного и не было.

Свеча и молодой мент смотрели на Шершня, и маска подозрительности не спадала с их лиц. Наглая и неприкрытая лесть вызывала подозрение у милиционеров, которые свой долг исполняли не добросовестно.

— И самое главное, — продолжил Шершень, — если бы ваша патрульная машина не появилась вовремя, то молодежь могла бы меня изрядно отделать, и я бы лишился не только дубленки, но и зубов.

— Это точно, — хихикнул молодой мент.

Свеча исподлобья глянул на него и веселье моментально слетело с лица постового. Но Шершень говорил с такой неподдельной искренностью, что ему вскоре поверил даже суровый Свеча. К тому же лесть, даже такая ничем не прикрытая застит разум, которого у Свечи итак было немного.

— Я хочу сделать маленький подарок вашему отделению, — сказал Шершень, — потому, что скоро уезжаю. Я хотел написать в газету о том, как вы работаете, но подумал, что лучше сделать подарок.

И с этими словами он поставил на столик дежурному бутылку самого дорогого коньяка, который нашел в магазине, палку колбасы холодного копчения, палку салями и упаковку ветчины. Глаза стражей закона мгновенно подобрели, хотя лица оставались суровыми.

— Это что, взятка? — спросил деланно суровым голосом.

— Взятку дают, чтобы кто-то совершил какую-то услугу, — ответил Шершень, — а мне от вас ничего не нужно, я принес это в знак благодарности. Это подарок.

— Сержант, убери подарок в сейф, — приказал Свеча молодому милиционеру и тот с быстротой молнии исполнил приказание.

— И еще у меня одна просьба, — сказал Шершень.

— Ага, началось, — ухмыльнулся Свеча, — а говоришь, что подарок сделал.

— Да, нет, вы меня выслушайте, — продолжил Шершень, — у меня друг жил в вашем городе. Его убили и убийцу нашли в тот же вечер. Я хочу следователя поблагодарить за то, что так быстро раскрыли преступление и подробности узнать, потому что, сами понимаете, его родственников мне тревожить расспросами сейчас не хочется. Им итак больно.

— Как фамилия друга? — спросил Свеча.

— Шарандо, — ответил Шершень, — Денис Шарандо. Он юристом работал в управлении.

— Это, которого зарезали в парке? — спросил Свеча, поворачиваясь к молодому

милиционеру.

Тот утвердительно кивнул:

— Вроде да.

— Сейчас я выясню, кто ведет дело, — сказал Свеча и стал набирать номер телефона.

Через две минуты выяснилось, что ведет дело некая Кузнецова Вера Сергеевна, следователь и что кабинет ее находится на втором этаже под номером двадцать два. Но у нее сегодня выходной.

— Жаль, — сказал Шершень, — а где ее можно найти? Ведь я скоро уезжаю.

— Она у себя в кабинете, — ответил растроганный подарком Свеча, — только у нее выходной и я не гарантирую, что она тебя станет слушать.

— Я попробую все-таки с ней договорится, — сказал Шершень, — выгонит, так выгонит. Он прошел по лестнице наверх и остановился напротив кабинета. Оттуда доносились голоса, Шершень заглянул и суровая женщина лет тридцати пяти попросила его подождать.

Ждал он недолго — всего полтора часа. Сначала Кузнецова пыталась какого-то типа явно уголовной наружности, потом, когда тип ушел, в кабинет прорвался веселый старший лейтенант милиции, после этого она пила чай, а потом пригласила к себе Шершня.

— Я вас вызывала? — спросила она, пристально изучая лицо взглядом цепких маленьких глаз.

— Нет, я сам пришел, — ответил Шершень.

— По какому делу? — спросила она. — У меня выходной!

— По делу об убийстве Дениса Шарандо, — ответил Шершень, — прошу у вас всего пять минут, я долго вас не задержу.

С этими словами он положил на стол следователя коробку конфет и большую банку растворимого кофе. Кузнецова вздернула бровями и спросила:

— Это что это, позвольте вас спросить?

— Благодарность за то, что вы так быстро нашли убийцу Дениса Шарандо, — ответил Шершень, — спасибо вам, он был моим другом.

— Не за что, это наша работа, — торжественно произнесла Кузнецова, убрала подарки в свой рабочий стол. А затем указала Шершню на стул, приглашая садиться.

— А вы, собственно, кто будете? — спросила Кузнецова, параллельно что-то записывая в толстое уголовное дело, когда Шершень воспользовался ее предложением и сел на стул.

— Я давний школьный друг Дениса. Так получилось, что ехал из Питера к нему на свадьбу, а не попал даже на похороны.

— Что ж соболезную вам, — ответила Кузнецова, — это тяжелая утрата.

— Спасибо, но мне кое-что не понятно в этом деле, — сказал Шершень, — не проясните мне кое-какие детали?

— Проясню, если это не касается тайны следствия, — ответила Кузнецова, — до суда я не могу разглашать факты и рассказывать подробности даже родственникам. А другу тем более.

— Нет, можете, — ответил Шершень.

— Интересно, почему же это вы так считаете? — Кузнецова подняла удивленные глаза.

— Потому, что факты, которые мне рассказали об этом убийстве, странным образом не стыкуются между собой.

— Что же странного вы увидели в этом заурядном убийстве?

— А то, что убийца не выбросил нож, а понес его с собой на квартиру, то, что в полной темноте конченный алкоголик попадает ножом прямо в сердце не слабому молодому человеку и то, что потом бабушка свидетельница признает убийцу на той же тропинке, где нет фонарей. Вам не кажется это подозрительным?

Кузнецова закончила писать и пристально посмотрела на Шершня.

— Молодой человек, вы следователь-криминалист? — с издевкой спросила она.

— Нет, — ответил Шершень.

— Тогда, позвольте вас спросить, почему вы считаете, что можете расследовать убийство? Вот вы кем работаете?

— Я бармен, — соврал Шершень.

— Представьте, что я прихожу к вам в бар и начинаю учить вас готовить коктейль. Вам это понравится?

— Мы говорим не о коктейле, а о человеческой жизни, — поправил тему Шершень, — а факты упрямая вещь.

— Убийца пойман и будет наказан, — ответила Кузнецова, — а на ваши так называемые «факты» я отвечу вот что. Подозреваемый не выбросил нож, потому что был уверен в полной своей безнаказанности. В тот вечер он догнал Шарандо сзади, размахнулся и ударил ножом в спину. Поскольку подозреваемый небольшого роста, а Шарандо был высоким, удар пришелся как раз под лопатку в область сердца. После этого убийца похитил ценные вещи из карманов Шарандо и скрылся с места преступления. Забрал он так же и оружие убийства, чтобы не оставлять следов, что согласитесь, вполне разумно. После этого он побежал в сторону своего дома, где ему и встретилась свидетельница, которая позже проследовала по тропинке к стадиону и обнаружила там труп Шарандо. Оpoznать подозреваемого и указать милиции на его личность, она смогла по причине того, что от окон жилых домов падал свет, который и осветил в темноте лицо убийцы. Кроме того, ранее она уже видела этого человека, поэтому без труда нам его описала, а мы опознали, кто это такой, потому что он стоял у нас на учете и мы взяли его в его же собственной квартире. Это рецидивист, трижды судимый опустившийся человек. Как только ему в руки попали деньги, которые он похитил у убитого, он приобрел три бутылки водки, две из которых выпил сразу же и уснул. Даже дверь в квартиру не закрыл.

— Если я правильно вас понял, взяли вы его сразу же после того, как он совершил убийство? — спросил Шершень.

— Приблизительно через час, — ответила следователь.

— И все вещи, которые он похитил, были при нем?

— Практически да, а что вас конкретно интересует?

— Ноутбук.

Кузнецова едва заметно вздрогнула бровями и спокойно ответила.

— Поскольку ноутбук принадлежал комбинату и мог содержать данные, представляющие коммерческую тайну, то ноутбук мы незамедлительно передали в службу безопасности предприятия.

— То есть, ноутбук тоже забрал с собой убийца, после того, как убил Дениса.

— Да, это так. Что-то еще вас смущает или я уже все вам разъяснила? Извините, но я теряю с вами свое драгоценное время, а у меня, как я говорила уже сегодня выходной. Я не пойму, чего вы хотите? У вас есть какой-то другой подозреваемый? Или вы опять нашли какие-то не стыкующиеся факты в моем рассказе?

— Нет, говорите вы гладко, как по писаному, — ответил Шершень, — да только я не могу отделаться от мысли, что это было заказное убийство.

— Молодой человек, — с иронией сказала Кузнецова, — вы, наверное, слишком много смотрите боевиков. Ваши фантазии не имеют под собой никаких оснований. Я же вам рассказала, как было дело, ответила на ваши сомнения, мне повторять еще раз?

— Убийца признал свою вину? — спросил Шершень.

— Нет, но и это ничего не доказывает, — терпеливо ответила Кузнецова, — я же сказала вам, что он трижды судимый рецидивист. Он врет, изворачивается. Есть сомнения в его психическом здоровье. Вину его или невиновность докажет суд, а не мы с вами. Если вы хотите участвовать в заседании суда, то приезжайте к нам, этого никто вам не запретит. А теперь, извините, мне нужно работать.

Шершень встал со стула и, попрощавшись со следователем, вышел в коридор. Гладко говорит Кузнецова, не подкопаешься. Свет из окон упал на лицо убийцы, и бабушка его признала. Интересно сколько лет этой бабушке?

Но цель визита к следователю Шершня была не той, чтобы выяснить детали происшествия. Он хотел выяснить причастность самого следствия к выгораживанию настоящего убийцы. И, похоже, что Кузнецова так и сооружала факты, чтобы все выглядело гладко. Но для Шершня это дело было шито белыми нитками и невооруженным глазом было видно, что штопала этими самыми нитками дело, видимо, сама госпожа Кузнецова. Либо следователю просто указал Барин глубоко не копать, чтобы саму в этой яме не завалило. Но это вряд ли. Уж больно выразительно у нее дрогнули брови, когда он сказал про ноутбук.

Как бы то ни было, он напрямую заявил Кузнецовой о своем подозрении на факт не случайного, а заказного убийства. И если она к затушевыванию этого грязного дела причастна, то ответные действия с ее стороны не замедлят появиться. Она же не совсем дура, чтобы не заметить того, что Шершень ей нисколько не поверил. С этой мыслью он вышел мимо приветливо улыбающихся милиционеров в комнате дежурного и направился к дому Лизы.

Кузнецова увидела в окне удаляющийся силуэт Шершня, быстро подошла к телефону и набрала номер. В трубке ответил хриплый мужской голос.

— Степан Петрович? — спросила Кузнецова.

— Да... — ответил тот же голос.

— Это следователь Кузнецова вам звонит. Степан Петрович, тут ко мне приходил молодой человек по делу Шарандо и задавал очень странные вопросы.

— Что еще за человек, я его знаю? — спросил Степан Петрович.

— Он не местный, приехал из Питера, — ответила Кузнецова, — говорит, что ехал на свадьбу к этому Шарандо.

— Да послала бы его на хер, да и все! — молвил Степан Петрович. — Со всяким говном еще возиться!

— А вдруг он специально приехал? — намекнула Кузнецова. — По нас копать?

— С чего это ты взяла? — насторожился Степан Петрович.

— Уж больно он въедливый, — ответила Кузнецова, — вопросы такие заковыристые задавал. Сам говорит, что барменом работает, а лицо совершенно не барменское. У тех глазки масляные, жадные, а у этого прямые и не глупые. А говорили мы с ним вот о чем...

Далее Кузнецова вкратце пересказала содержание их разговора, не забыв упомянуть, что молодой человек напрямую интересовался ноутбуком и говорил о заказном убийстве.

— Что это за козел, откуда, ты сказала, он взялся? — спросил Степан Петрович.

— Говорил, что приехал из Питера, что будто бы одноклассник этого Шарандо, — ответила Кузнецова.

— Ладно, разберемся одноклассник или не одноклассник, — пообещал Степан Петрович, — я-то сам сейчас уезжаю на дачу в баньке попарится, а ребятам скажу найти этого любопытного и спросить, чего ему надо?

— А они найдут его?

— Ха-ха-ха, — засмеялся в трубку хриплый Степан Петрович, — найдут, недаром их в народе зовут бультерьерами. Ха-ха-ха!

Кузнецова тоже улыбнулась и сказала:

— Приятного вам пару, Степан Петрович!

— Спасибо, дорогая, может с нами?

— В другой раз, — пообещала Кузнецова и, попрощавшись, положила трубку.

Шершень зашел домой за Лизой сразу после того, как посетил милицию. Лиза ждала его в своей комнате, когда он пришел, быстро оделась и выпорхнула за Шершнем в дверь. Ее мама только покачала головой вслед. Шершень заглянул обратно в квартиру и сказал родителям:

— Не волнуйтесь, все будет нормально! Мы пойдем поужинаем.

Мама Лизы кивнула и добавила:

— Я на вас надеюсь, Александр!

Когда они вышли на улицу, Шершень спросил у Лизы.

— У вас в городе есть какой-нибудь ресторан, где можно хорошо поужинать и чтобы там играла музыка?

— О, никак вы, сударь, намереваетесь пригласить меня в ресторан?

— Да, почту за честь, — поддержал игру Шершень.

— Ну, тогда не смею вам отказать, — кокетливо ответила Лиза. — Ресторана у нас в городе нет, есть кафе-бильярдная. Это вас устроит?

— Несомненно, — ответил Шершень.

— Тогда пойдемте, — предложила Лиза и взяла Шершня под руку.

— Может быть на такси? — предложил Шершень.

Лиза от души рассмеялась:

— На такси? Да у нас тут в любую сторону двадцать минут пешком! Пройдемся, тем более, что идти недалеко.

— Тогда пойдем, — ответил Шершень.

— Ну, что новенького ты узнал? — спросила его Лиза.

— Я был в милиции и разговаривал со следователем. Она очень убедительно рассказала мне о том, как алкаш убил Дениса.

— И ты поверил? — расширила глаза Лиза.

— Нет, я-то не поверил, — ответил Шершень, — но дело от моего неверия не сдвинулось ни на сантиметр, я просто убедился, что следователь, возможно, покрывает настоящего убийцу. А как зацепить тот самый кончик нити, за который мы сможем размотать весь клубок, пока не знаю...

— А я осторожно поговорила с Таней, — сказала Лиза, — пока тебя не было. Насчет того, где Денис мог спрятать копии нужных нам документов. Но все напрасно, она не хочет ни о чем мне говорить, потому, что боится, что это лишь навлечет на нас новые неприятности. Мне показалось, что она знает это, но не говорит. Как заставить ее говорить?

— Заставлять ее не надо, — ответил Шершень, — нужно, чтобы Татьяна поверила, что если она нам скажет, где находятся документы, то мы сможем засадить этого Барина за решетку заодно с истинными убийцами Дениса. А она пока не верит и запугана вашими местными дешевыми Аль Капоне.

— Это точно, она запугана, — согласилась Лиза, — но ее можно понять, она ведь сейчас не только за себя отвечает, но и за ребенка, которого носит. Чтобы она поверила, ты должен рассказать кто ты есть на самом деле, что ты спецназовец.

— Тихо, Лиза, — сказал Шершень, — не кричи так, придем домой после ужина, и я попробую с ней поговорить. А ты мне поможешь.

— Хорошо, — кивнула Лиза.

— А пока давай отдыхать и думать о чем-нибудь другом, — предложил Шершень, — так что там у вас за кафе-бильярдная? Тоже Барина вашего вотчина?

— Здесь все его, — усмехнулась Лиза, — кстати, кафе самое дорогое в городе, цены «кусаются». Заведение не для бедных. А есть еще одна забегаловка всенародная под названием «Тоска», там дешево, народу битком. Куда пойдём?

— Забегаловку тоже интересно было бы посмотреть, — сказал Шершень. — Но мы же собрались в приличное заведение? Тогда двигаем в кафе, какие могут быть сомнения?

Лиза улыбнулась красивой радостной улыбкой, взяла Шершня за кисть руки и пошла вперед, таща его за собой. Шли они недолго, потому что, как сказала Лиза город был невелик и в любую сторону из центра можно было дойти за двадцать минут. Лиза шагала по городу и через одного здоровалась с проходящими.

— У вас тут, как в деревне, — сказал Шершень. — Все друг друга знают.

— Это точно, — отчего то вздохнула Лиза, — у горбольницы кашлянешь, а у почты скажут, что ты заболел и умер.

— И еще все в лицо смотрят, — сделал наблюдение Шершень, — идут навстречу и смотрят. А в Питере никому до тебя дела нет. Потому что народу много, на всех смотреть — глаза поломаешь.

— Хочу в Питер, — мечтательно произнесла Лиза, — Невский проспект, Эрмитаж, Казанский и Исаакиевский собор. Как здорово! Там жизнь, а здесь холодец! Ненавижу этот город.

— Приедешь в Питер, я тебя буду по городу водить, как ты меня здесь, — сказал Шершень, — съездим в Петродворец. Ты не была в Петродворце?

Лиза отрицательно помотала головой.

— Там красиво, особенно летом, — сказал Шершень, — фонтаны каскадами, все золотое. Так что у нас с тобой большая культурная программа намечается.

— Это летом, — с радостью подтвердила Лиза, — а сейчас пока будем довольствоваться провинциальным кафе. Тем более, что мы уже пришли.

Лиза остановилась и указала рукой. На первом этаже обычного пятиэтажного дома из серого кирпича размещалась огромная вывеска «Бильярд-клуб-кафе Сабрина», которая мигала разноцветными лампочками, половина из которых не горело.

Шершень и Лиза зашли в кафе и остановились в довольно чистом и уютном гардеробе. Шершень удивился богатой внутренней отделки заведения, сделанной на столичном уровне, из зала доносилась негромкая музыка, там царил полумрак. Охранник, парень в черном костюме с бейджиком уныло оглядел вошедшую пару.

— Места есть? — спросила Лиза.

Охранник надменно кивнул и отвернулся. Его губы оттопырились в презрительной усмешке.

— Ты на этих дебилов внимания не обращай, — шепнула Лиза Шершню, — у них мозгов, как у курицы. Будут задираться, не лезь, лучше уйдем, ладно?

— Хорошо, хорошо, — ответил так же шепотом Шершень.

Они сдали верхнюю одежду в гардероб и прошли в зал. Зал кафе представлял собой довольно большое помещение с тремя бильярдными столами посередине. На двух столах две пары катали шары, а вообще народу было немного — человек двадцать. Посетители сидели за столиками в глубине зала, мирно покуривали и негромко разговаривали. Шершень и Лиза

прошли в уголок и тоже сели за свободный столик. Посидели минут десять, тщетно пытаясь привлечь к себе внимание обслуживающего персонала. В результате десятиминутных попыток к ним, качаясь, как галера на волнах, подплыла прыщавая и толстая неулыбчивая официантка.

— Привет, Лиза, — сказала она, проигнорировав личность Шершня, — какими судьбами в наш гадюшник занесло?

— Да, вот решили потусоваться с народом, — ответила Лиза, — чего вкусенького у вас есть сегодня?

— Почитай меню и узнаешь, — неласково предложила официантка и подала Лизе папку с меню.

— Я уступаю право выбора кавалеру, — сказала Лиза и отдала папку Шершню.

Выбирал Шершень недолго, заказывая все практически через строчку меню, и сделал такой большой заказ, что официантка умчалась на кухню радостно подпрыгивая.

— Ты думаешь, что мы все, что ты заказал, съедим? — спросила Лиза.

— Не съедим, так попробуем, — ответил Шершень.

— У нас денег-то хватит? — спросила Лиза.

— Хватит, не переживай, — ответил Шершень.

— Если, что я тоже взяла полтинник, — сказала Лиза.

Шершень улыбнулся:

— Обойдемся без твоего полтинника. Оставь себе на завтраки в школе.

— Ой, ой, ой, — передразнила Лиза Шершня, — без подколок не можем? Взрослые какие!

— Да, я и не подкалывал тебя, — сказал Шершень, — ты же в школе учишься...

— Ладно, прощаю, не занудничай, — тут же откликнулась Лиза, — да, мы кухне кафе «Сабрина» сегодня трехдневный план сделаем. Обычно ведь никто тут горячего не берет. Тем более гриль или красную икру. Чипсы купят с пивом, а если водки, так один бутерброд. Кстати, а ты почему ничего спиртного не заказал? Я что, по-твоему, только мороженное с шоколадом сюда есть пришла?

— Погоди, Лиза, тебе сколько лет?

— Шестнадцать, — ответила Лиза, — но легким вином меня можно побаловать.

— А потом твоя мама меня побалуует скалкой по горбу, — ответил Шершень.

— Ах, так! — надула губки Лиза. — Тогда я сама себе куплю! На свой полтинник!

— Не опьянеешь? — спросил Шершень.

— Как-нибудь, — капризно ответила Лиза.

Ей не нравилось, что Шершень считает ее маленькой, ей хотелось, чтобы за ней ухаживали, а он разговаривает с ней, как с ребенком.

— Ну, хорошо, закажу тебе легкий коктейль, — сломался Шершень, — только один.

— Ладно, жмот, пусть один коктейль, — согласилась Лиза, — а в бильярд поиграем?

— Поиграем, — пообещал Шершень, — правда, я плохой игрок.

— Тем лучше для меня, — обрадовалась Лиза, — я вообще не умею играть.

Она повернулась и стала смотреть, как играют пары за столами. Шершень нащупал в заднем кармане джинсов толстую пачку купюр. Финансовых затруднений он не испытывал. Боевые получил почти за год, так что на то, чтобы неплохо повеселиться хватит. Хорошо, еще что, когда шантрапа у магазина к нему пристала, то деньги были в заднем кармане джинсов, а не в дубленке.

Минут через пять официантка принесла салаты, коряво поставила их на стол и, не пожелав приятного аппетита, собралась двинуться обратно на кухню. Шершень остановил ее и заказал два коктейля — один послабее для девушки и второй покрепче для себя. Официантка что-то буркнула неразборчиво, кивнула и ушла.

Когда ели салаты Шершень заметил:

— Ремонт в кафе сделали, оборудование закупили дорогое, а персонал работать не научили. Официантка булькает что-то, еле-еле ноги переставляет. Например, в Питере, если бы меня один раз так обслужили, я бы больше в такое заведение не пошел.

— Тут не Питер, — ответила Лиза, — и пойти в городе больше некуда. Так что как она не переставляй ноги, а если здесь живешь, то сюда вернешься, потому, что выбора нет.

— А как же частный бизнес? — спросил Шершень. — Вот это, например, кафе Барина да?

— Да, — кивнула Лиза, — теперь его, я же тебе говорила. Но раньше было не его, другой был хозяин. Мужик такой по кличке Ветер.

— Почему Ветер? — спросил Шершень.

— Не знаю, — ответила Лиза, — все так звали, а почему не известно.

— И что случилось с прежним хозяином? — спросил Шершень. — Убили?

— Зачем убивать, все проще гораздо, — ответила Лиза, — до того как Барин у нас все заведения под себя подмял, он регулярно проделывал простую вещь. Задержит зарплату на два-три месяца и не выплачивает. А чтобы люди не подошли с голоду через свои продовольственные магазины отоваривает по комбинатовским талонам работяг своих. И еще подкинет в отдел соцобеспечения этих талонов, типа, вот я какой добрый!

— А что? Заботится о людях. Или я чего-то недопонимаю?

— Недопонимаешь, — ответила Лиза, — по этим талонам все продукты и шмотки процентов на двадцать дороже. А люди берут, деться-то некуда, зарплаты нет и наличных денег нет. А предприниматели сидят без выручки — у них никто ничего не покупает. А к ним то СЭС наведается, то дяденька милиционер, то налоговая и все ручки потирают, плати, мол, дань! Так и это кафе прогорело. Построил его мужик, ссуду брал, деньги вбухал, а народ не идет, денег-то в карманах нет, Барин зарплату не платит. Так и прогорел Ветер, а Барин у него все это скупил по дешевке. Довел, разорил и скупил.

— Но сейчас-то не по талонам тут, — сказал Шершень, — и народу много.

— А теперь Барину зарплату задерживать ни к чему, — объяснила Лиза, — он всех конкурентов в городе раздавил. Теперь люди у него зарплату получают и ему же несут обратно через магазины, через кафе это...

— Ну, ты, Лиза, для своих шестнадцати лет чрезвычайно умна, — улыбнулся Шершень.

— Я сама бы не додумалась, — ответила Лиза, — это Денис мне рассказал про всю эту систему. Но это только, как он мне говорил, только надводная часть айсберга.

— Поменьше бы он говорил...

— Он не мог иначе. Такие люди как Денис рождены революционерами. Я и сама в душе революционер.

— Да, я видел, — кивнул Шершень, — в комнате твоей Че Гевары портрет на пол стены.

— Если мы все будем сидеть и молчать в тряпочку, — горячо зашептала Лиза, — то Барин нас всех в скотов превратит!

— Ты о себе думай, Лиза, — посоветовал Шершень, ты уедешь из этого города и

забудешь все, как страшный сон. Людям ничего не надо, им хорошо. Они живут и другой жизни не видели. Есть выпить сегодня, закусить картошкой и ладно. Весь мир не обнимешь.

— А я постараюсь, — твердо сказала Лиза.

— Часто тут бываешь? — спросил Шершень, чтобы сменить тяжелую тему.

— Первый раз пришла.

— Официантка тебя знает, — намекнул Шершень.

— В одной школе учились, — ответила Лиза, — она на год старше. Мне сюда не по карману ходить.

— А парни, что же не приглашают?

— Какие парни? Одни альфонсы! Им лишь бы глаза залить за чужой счет. А ты что ревнуешь?

— Нет, просто спросил, — отчего-то смутился Шершень.

— Ревнуешь, ревнуешь, — засмеялась Лиза — а мне нравится.

Шершень ничего не ответил, уткнулся в свою тарелку. Так и не научился он с девушками шуры-муры разводить. Малявка, а его в краску вогнала. Толстая официантка принесла коктейли и курицу-гриль, которая источала аппетитный аромат на весь зал. Посетители в кафе, одновременно повернули головы в сторону курицы. Не часто тут такое заказывали. А казалось бы, что за диво курица-гриль? Но не забываем, что это маленький город с маленькими зарплатами, а кафе торговало по ценам престижного Арбатского ресторана.

Лиза с гордостью посмотрела на окружающих, которые нюхали ароматный запах аппетитной курицы. Она положила на коленки салфетку и кивнула Шершню, который возложил ей в тарелку толстый куриный окорочек. Курица была рыхлой и пахла рыбой. К тому же она была плохо прожарена изнутри, но снаружи подгорела.

— Это у вас лучшее кафе? — с сомнением спросил Шершень. — Курица приготовлена ужасно!

Хотя он и был достаточно голоден, но оценить неумелость повара все же сумел. Лиза только рассмеялась в ответ. Шершень оглянулся и знаком подозвал официантку.

— У вас курица подгорела, а изнутри сырая! — сказал он. — Что за дела?

— Печь сломалась, — невозмутимо объяснила официантка.

— Ну, а мы-то чем виноваты, что у вас печь сломалась? — не понял Шершень. — Не умеете нормально готовить, не делайте.

— До вас никто не жаловался, — сквозь зубы сказала официантка.

— А что, и до нас кто-то эту курицу пытался есть?

Лиза прыснула от смеха. Официантка побагровела.

— Вы что специально надо мной издеваетесь? — спросила она тоном оскорбленной Моники Левински, которой Клинтон отказал в продолжении близости.

— Да, нет, это вы над нами издеваетесь, — ответил Шершень, — такое ощущение, что вы эту курицу на углях пекли.

— Жену дома учить будете, понятно? — бросила официантка и, резко развернувшись на каблуках, пошла прочь от стола.

— Вот это сервис, — обалдел Шершень.

— Да, брось, ты, — сказала Лиза, — черт с ней с этой курицей, вон у нас еще сколько всего! Бутерброды, мороженное...

— Дело не в курице, а в принципе, — объяснил Шершень.

— Весь мир не обнимешь, — повторила Лиза его слова, — сам же говорил. Нашел из-за чего кипятиться, из-за курицы. Или тебе денег жалко?

Шершню стало неловко. И правда, пригласил девушку в ресторан, а сам из-за курицы скандалит. Глупо как-то получилось. И нехорошо. Как будто ему денег жалко, которые за сырую курицу отдать придется. Да, у него этих денег...

В это время в зал, не раздеваясь, прямо в куртках зашли четверо зловещего вида парней. Хозяйской походкой прошли вдоль столов, оглядели присутствующих.

— Ну, вот, этих уродов тут только и не хватало, — хмуро буркнула Лиза.

— А кто это? — поинтересовался Шершень.

— Это те самые «бультерьеры», о которых я тебе рассказывала. Обычно они не здесь «пасутся», а в «Тоске», где народу побольше. Принесла же нелегкая!

— А нам-то до них какое дело? — спросил Шершень. — Мы сидим спокойно, кушаем недожаренную курицу.

Лиза посмотрела на Шершню скептически, как учительница на первоклашку.

— Мы-то спокойно кушаем, да вот им это вряд ли понравится. Начнут привязываться на пустом месте, я их знаю.

— Тогда встанем и уйдем, — сказал Шершень, — ты же сама это говорила.

Лиза кивнула, зловещие парни скинули куртки прямо на стойку бара, и подошли к бильярдному столу. Игравшая на нем пара моментально положила кии и ретировалась не только от стола, но и, вообще, из кафе «Сабрина». В зале повисла тяжелая атмосфера. Разговоры прекратились.

Двое из «бультерьеров» стали играть в пул, еще двое подсели к одиноко сидящим девушкам, которых наверняка знали, потому что сразу же стали гладить по коленкам, а те весело хохотали при этом. Шершню показалось, что все четверо то и дело поглядывают на него и на Лизу. Нет, не показалось, точно поглядывают. Не связано ли такое любопытство с его сегодняшним визитом в следователю Кузнецовой? Чаше других нагло таранился сидящий за столом невысокий сухощавый парень в надвинутой на глаза спортивной шапочке.

— Уставился Пистон, — негромко с раздражением сказала Лиза, — глаза не выпали бы. Может быть, правда, пойдём, домой, а?

— Мы же еще мороженого не поели, — ответил Шершень, — и вечер только начался. Чего нам их бояться?

— Вечер может плохо кончиться, — вздохнула Лиза.

— Не бойся, — успокоил ее Шершень, — все будет хорошо.

Пистон тем временем подозвал какого-то парня, посетителя кафе и отправил его себе за пивом. Тот с радостью побежал исполнять просьбу «авторитетного бандита». Шершень внимательнее рассмотрел всех четверых под красочные комментарии Лизы.

— Вон тот, что сидит рядом с Пистоном, — взглядом незаметно показала Лиза, — его кличка Каратель.

— Фашист что ли? — не понял Шершень.

— Нет, Каратель, это от слова «карате», — объяснила Лиза, — он каратист, кирпичи головой ломает. Но каратист как-то не звучит, вот его и прозвали Каратель... хотя ему и в том смысле каратель подходит. Он эссецовец, садюга и придурок.

Каратель был крепким парнем с тяжелым лбом и короткой стрижкой. Он быстро курил сигареты одну за другой и при этом сплевывал прямо на пол.

— А вон тот, что играет в бильярд, узкоглазый, это Тамерлан.

— Это, который тебя ножом порезал, — уточнил Шершень.

— Да, он самый, — кивнула Лиза, — у него предки из ссыльных, он злющий, просто смерть. С головой не дружит с рождения. Наверное, при родах случайно уронили головой вниз.

— На лицо, — добавил Шершень.

Лиза сначала не поняла, а потом рассмеялась. Тамерлан играл медленно со вкусом, любуясь своей значимостью. Из этой четверки он реже всех смотрел на Лизу и Шершня.

— А этот четвертый Глыба, — показала на последнего Лиза, — он для страха с ними всегда ходит. Весит сто тридцать килограмм, ну, ты видишь. А вообще он не злой. Как он вообще с ними связался, я не понимаю.

Глыба оправдывал свое прозвище. Это был амбал ростом под два метра, похожий на большую кеглю для боулинга. Он сжимал своими волосатыми ручищами бильярдный кий, словно соломинку.

— Пистон у них мозговой центр, — объяснила Лиза, — потому, что у него где-то в глубине черепа пара капель мозгов осталась. К тому же он племянник их босса, крестного отца нашего, Степы Глушителя.

— Глушитель, это потому что Степа всех глушит, я правильно догадался? — спросил Шершень.

— Наверное, поэтому, — ответила Лиза, — но, по-моему, у него фамилия какая-то созвучная его кличке. Ой, Пистон к нам идет!

Шершень не повернул головы, только почувствовал, что к столу кто-то подошел и тогда посмотрел на него. Лиза притихла и сжалась, хотя и пыталась не показывать своего страха. Пистон стоял рядом с гадкой ухмылкой и взбалтывал в руке бокал с пивом.

— Здорово, козявка, — сказал он Лизе, — не рано тебе еще по кабакам-то ходить?

— А тебе-то какое дело? Ты мне не родственник! — резко ответила ему Лиза.

— Я то не родственник, а это что ли твой родственник? — спросил Пистон, кивнув на Шершня. — Так познакомь меня с ним.

— Это еще зачем? — спросила Лиза. — Мы сидим тут пьем, едим и в твоей компании не нуждаемся.

Пистон без церемоний подсел рядом.

— Богато едите, — сказал он, — кура гриль. Я угощусь? — спросил у Шершня.

— Слушай, Пистон, чего тебе надо...

— Я не с тобой разговариваю, овца, заткнись, — вдруг резко прикрикнул Пистон, — растяжалась шавка. Мало тогда попало, что ли? Я к твоему ухарю обратился или он у тебя глухонемой?

— Слушай, ты не хами, — спокойно сказал Шершень, — и девушку не оскорбляй.

— А то, что будет? — визгливо пискнул Пистон. — Дяденька нас за ушко натягает? Ой, ой, боюсь! Я весь дрожу!

Трое его корешей, наблюдавшие сцену, громко заржали. Еще пара человек спешно ретировалась из зала.

— Пистон, можно мы пойдём домой? — дрожащим голосом спросила Лиза. — Нам уже пора, нас ждут.

— Ты иди, тебя я в рыло не чирикал, — милостиво разрешил Пистон, — а вот к твоему ухарю пара вопросов есть.

— Тогда и я останусь, — твердо сказала Лиза.

— Оставайся, коза, я не против, — покровительственно разрешил Пистон, — покалякаем о делах наших скорбных.

Он поставил бокал с пивом на стол, взял с тарелочки бутерброд с икрой и смачно откусил.

— Ты что ли из Питера приехал? — спросил Пистон.

— Я, — ответил Шершень.

— Ну, и как там дела? — спросил Пистон, слизывая икринку с губы.

— Дураков меньше, — ответил Шершень.

— Ты меня что ли имеешь в виду? — начал заводиться Пистон.

— Нет, не тебя он имеет в виду, — вмешалась в разговор Лиза, — это из классики. Цитата. Гоголя. Или не Гоголя. Я не помню.

— А-а, цитата? Тогда ладно, прощаю, — протянул Пистон, — я не читал Гоголя. Бутерброд зае-бисер, попробую курочку.

— А ты вообще кроме надписей в общественном туалете, что читал? — спокойно спросил Шершень.

Пистон вытаращил глаза, повернулся к своим корешам и сказал им, играя удивление:

— Братва, сдается этот плебисцит начал мне дерзить!

— Наверное, его давно не били рылом об асфальт, — отозвался Тамерлан, — так мы можем это устроить.

— Ребята, это недоразумение, — вмешалась в разговор Лиза, — Саша гость в нашем городе, он наших законов не знает. Давайте мы уйдем спокойно, извините нас.

— Не извиняйся перед ними, Лиза, — прервал ее Шершень, — с какой стати нам перед ними извиняться?

— Уйти захотели? — спросил Пистон. — Платите сто баксов и валите на все четыре стороны! Я сегодня добрый! Я так мыслю, что у гостя из Питера есть сто бачков за пазухой?

— Подавишься моими «бачками», — ответил Шершень.

— Ну, это уже неприкрытое хамство, — изрек Пистон всему залу и злобно обратился к Шершню, — пойдём, опарыш, на улицу, я научу тебя Родину любить!

— Пойдем, — согласился Шершень, — научи меня Родину любить.

— Не ходи, Саша, — вскрикнула Лиза, — не ходи, они тебя изобьют!

— Не вопи ты, коза, — сморщился Пистон, — не будем мы его бить. Поговорим только. Тамерлан, пригляди за соской.

Казах ухмыльнулся и кивнул. Шершень шагнул к Пистону, слегка прижал пальцами его руку в районе локтя и тихо сказал:

— Еще раз назовешь Лизу козой, соской или как-либо по другому, я тебе руки в задницу вставлю, и будешь, как страус бегать.

— Ай, — вскрикнул от боли Пистон, отскочил и завопил:

— Ну, все, сука, перхоть подзалупная, подавишься собственным говном! Я такими как ты, жопу вытираю!

Он в ярости замахнулся на Шершню, но тот даже не моргнул, перехватил его руку и, удерживая ее, спокойно предложил:

— Не здесь!

Пистон опешил, выдернул руку из захвата, стал почему-то яростно заикаться и нервно выкрикнул:

— Ид-ди вп-перед!

Шершень спокойно подмигнул испуганной Лизе и вышел в дверной проем зала, а за ним, ухмыляясь, последовали Пистон, Глыба и Каратель. Лиза рванулась за ними на улицу, но Тамерлан схватил ее за руку, и толкнул обратно на стул.

— Сиди, шалава, пока не перемкнул! — сказал он и для пущей убедительности замахнулся. Лиза испуганно зажмурила глаза и закрыла лицо руками.

Присутствующие в кафе притихли. Они представили, что сейчас будет твориться на улице! Они представили, как несчастный парень летает, как футбольный мяч с ноги Пистона на ногу Карателя, а тот пасует его обезображенное тело Глыбе! Кровь заливает девственно белый снег, парень уже не может шевелиться, но безжалостный Каратель все бьет и бьет его ногой по голове, по лицу, пока кровавое месиво не перестает подавать признаки жизни. Но практически все без исключения, включая и Лизу, представили эту картину не совсем правильно.

Но Лиза пока этого не знала и по-детски громко в голос заплакала. Казах, увидев чужие слезы, громко и отвратительно расхохотался, но вдруг так и застыл с открытым ртом. В это же время вздох удивления вырвался и у всех, кто присутствовал в кафе.

Живой и невредимый, без следов побоев и царапин в дверях показался Шершень. Он не хромал, ни потирал ушибленные места, он просто шел к своему столу и улыбался. Тамерлан был удивлен, не знал, что делать, и переминался с ноги на ногу. По идее этот мужик, которого Степа-Глушитель сказал несильно «потрясти», должен был бы сейчас заползти в кафе, отплевывая выбитые зубы, после того, что с ним сделали «бультерьеры», а он сам идет на своих двоих, еще и улыбается!

Шершень подошел к столику, за которым они сидели, и сказал вполголоса:

— Ты права, Лиза, пожалуй пора домой, вечер нам уже испортили.

Лиза подняла лицо, по ее розовым щекам катились крупные слезы, а глаза выпучились от удивления.

— Это ты ее обидел? — повернулся Шершень к Тамерлану, который держал вертикально в левой руке кий.

— А... я... — Тамерлан только собрался что-то предпринять, как Шершень железной хваткой правой руки, сжал древко и несколько раз с силой ударил кием по раскосому лицу, на котором остались розовые полосы.

Оглушенный Тамерлан отпрянул назад, и тут же его догнала толстая часть кия, которую Шершень предварительно для лучшей инерции крутанул вокруг себя. Удар пришелся в область уха бандита, а острая часть кия моментально вернулась в промежность Тамерлана, но на этом кастратотворящем ударе пассаж не остановился. Шершень каким-то мудреным винтом просунул кий между ног Тамерлана, рывком на себя задал его телу скорость вращения волчка, а потом этот чудо-волчок внезапно остановил хорошим хуком справа. Тамерлан, не выдержав столь стремительной атаки на свой организм, упал, как подкошенный.

Народ невольно заплодировал. Ведь произошло все это за две-три секунды, и было похоже более на киношный трюк, чем на реальную драку.

Шершень протянул руку Лизе, приглашая встать и идти домой, но в это время в зал кафе с грохотом ввалился Каратель. Он был весь вывалян в снегу и почему-то шатался, как пьяный, утирая окровавленный нос.

— Я же просил подождать меня на улице, — с досадой сказал Шершень и пошел

навстречу Карателю, — чего ты сюда приперся?

Тот, увидев, что противник приближается, встал в каратэшную стойку и попытался сосредоточиться. Но очевидно ему не кисло попало там, на улице, потому что глаза его никак не могли сфокусироваться. Шершень подошел к нему на расстояние двух метров и спросил:

— Ну и что?

Каратель попытался сделать обманный удар, потом провести настоящий, но оба прошли мимо цели, зато сам Каратель получил в лоб короткий прямой кулаком, от которого его голова мотнулась так, что едва не достала затылком до лопаток. Но Каратель не сдался. Хотя ноги его разъезжались на выложенном плиткой полу, он совершил прием, состоящий из последовательных ударов ногами, называемый маваши-ту-бе-гири и как следствие упал. Удары его не достигли цели. И Каратель позорно ползал по скользкому полу, как краб на блюде. Шершень не стал добивать опозоренного противника, а подошел к бару и спросил:

— Сколько мы вам должны за все, а то мы уходим?

Заикающийся бармен назвал цену. Шершень отсчитал ему с чаевыми и махнул рукой ошарашенной Лизе. Наверное, Карателю было мало позора. Он поднялся, схватил со стола пивную кружку, размахнулся ей и побежал по направлению к стоящему у бара Шершню с намерением опустить эту кружку ему на макушку.

Шершень даже не оглянулся. Моментальный удар ногой назад и с разворота кистью руки по челюсти и безвольное тело Карателя стекло на пол, прежде протаранив стол со стульями, стоящий сзади. Женщины в зале завизжали от страха и восторга.

В это время очнулся Тамерлан. Плавая в нокдауне, он достал выкидной нож и попытался встать. Щелкнула пружина, и лезвие длиной сантиметров в двадцать выскочило, зловеще сверкнув в свете цветомузыки. Шершень в это время уже ждал возле ближайшего к выходу бильярдного стола Лизу, которая с гордостью шла к нему из-за столика.

Хрипя что-то несуразное, Тамерлан поднялся на корточки, а Шершень в это время схватил со стола шар и метко кинул его прямо в лоб Тамерлану. Шар отскочил от твердокаменного лба и разбил посуду на столике, за которым они сидели с Лизой. Пришлось положить сто долларов на стойку бара.

— Это вам за ущерб, — объяснил Шершень.

Тамерлан завалился на спину.

— Ты его не убил? — испуганно спросила Лиза.

— Да, не должен, — ответил Шершень, — я, итак, их луплю вполсилы.

В гардеробе охранник сам подал им одежду. Теперь он смотрел на Шершню так, как будто к ним в кафе «Сабрина» зашел сам Жан Клод ван Дамм. Входная дверь приоткрылась, и появился Глыба. Он выглядел ошарашенным. Кроме, того, тоже был вывалян в снегу.

Увидев обидчика, лицо его приобрело черты злобной решимости, и он кинулся на Шершню, как носорог на пигмея, пытаясь расплющить его своим десятипудовым телом и подбадривая себя неистовым ревом. Но Шершень, спокойно стоящий на месте до последней секунды, неожиданно ушел в сторону, и Глыба ухватил в объятья только воздух.

Шершень вослед добавил ему ногой по почкам, задав неплохое ускорение. Глыба протаранил головой дверь женского туалета, споткнулся о порог и упал на колени перед сверкающим унитазом, о который треснулся челюстью. Шершень спокойно подошел к нему и ударом локтя по позвоночнику, сделал из Глыбы пресмыкающегося по кафелю тюленя.

Руки здоровяка разъехались в стороны, подбородок щелкнул о край унитаза, затем

щелкнул нос, и Глыба затих в позе аэроплана с раскинутыми в стороны руками.

— Вот это номер, — восторженно сказал удивленный охранник.

Практически все присутствующие в зале сгрудились возле дверей.

— Не надо аплодисментов, — сказал им Шершень, — цветы отдайте дамам!

Он и Лиза с триумфом вышли из кафе, Лиза просто летела! Недалеко от входа они увидели сверкающую красную «Ауди-100» с тонированными стеклами, на которой обычно колесил по городу Пистон. Увидела Лиза и самого Пистона. Он лежал возле машины и стонал, потирая бок. Шершень подошел к нему.

— Извинись перед девушкой, — сказал он Пистону.

— Пошел ты, — завыл Пистон.

— Сейчас будет как недавно, — предупредил Шершень.

Видно то, что было недавно, еще было свежо в памяти Пистона, поэтому он сразу согласился извиниться.

— Извини, извини... — пробормотал он.

— Лиза, — подсказал Шершень.

— Л-и-з-а, — выдавил Пистон.

— Молодец, — сказал Шершень и, наклонившись к Лизе, добавил, — сейчас довезу тебя домой. Раз так получилось, будем действовать. Они не просто так на нас наехали, их натравили. И я выясню кто и зачем.

— Я с тобой, — сказала Лиза.

— Это опасно, — ответил Шершень, — поэтому домой.

— Дома опасней, чем рядом с тобой, — то ли искренне, то ли нет, сказала Лиза, но Шершень купился на ее слова и засомневался в том, стоит ли отправлять домой Лизу.

Последним доводом Лиза убедила его окончательно.

— Ты не знаешь ни города, ни его окрестностей, — сказала она, — а я все тут облазила в детстве, и с отцом мы ездили везде. Так, что я тебе нужна.

— Хорошо, — согласился Шершень, — но только ты будешь подчиняться моим указаниям и никакой самостоятельности.

— Есть, товарищ старший лейтенант, — прошептала Лиза, — а на чем мы поедем?

— А вот на нем верхом, — сказал Шершень, — как в сказке. Битый не битого везет.

— Сука, ты еще издеваешься, — заныл Пистон, — у меня бок болит.

— Тогда тебе придется одолжить нам свою машину, — сказал Шершень и объяснил Лизе, — все равно он вести не сможет, у него, вероятно, ребро сломано. Ключи давай, — сурово приказал Шершень Пистону, и тот безропотно отдал ключи от автомобиля.

Шершень открыл заднюю дверцу машины и закинул туда стонущего Пистона, быстро связав ему кисти рук за спиной, выдернутым из собственных джинсов ремнем. Сами, Лиза и Шершень сели впереди. Шершень завел машину и вырулил на дорогу.

— Хорошая машина, — сказал он, — дорогая. Лиза, а много рабочих комбината на таких машинах ездит?

— Я не видала, чтобы у рабочих комбината была такая машина, — ответила Лиза, — ну, у начальства только, а у работяг в основном «Жигули».

— А у трутней, значит, сотая «Ауди», — подытожил Шершень.

— Я не трутень, — завопил Пистон. — Куда ты меня везешь?

— Сейчас увидишь, — ответил Шершень и спросил у девушки, — а что, Лиза, есть у вас тут в окрестностях какой-нибудь высокий пустынный мост?

— Да, есть по дороге на дачи, — ответила Лиза, — мост метров десять высотой, а внизу река течет.

— Глубокая? — спросил Шершень.

— Не очень глубокая, можно вброд перейти, если летом, — ответила Лиза, — а зимой она не замерзает, потому что течет очень быстро. Там дно каменистое.

— В самый раз то, что надо, — сказал Шершень, — нам такой мост подходит.

— Эй, — подал испуганный голос Пистон, — что вы задумали? Ничего у вас не выйдет! Вас найдут, вас уже ищут!

— Не успеют найти, — ответил Шершень, — до того момента как ты умрешь, не успеют найти. Как ты думаешь, Лиза, если его вниз головой с моста сбросить, он убьется или захлебнется?

Шершень едва заметно подмигнул Лизе. Та с радостью и торжеством поддержала его игру.

— Думаю, что сломает себе шею, — спокойно сказала она, — а потом его река унесет. Впадает она в озеро, забьет его под лед и найдут труп только весной. Будет знать, как меня головой бить о кафель.

— Эй, ты че? — испуганно затараторил Пистон. — За это что ли вы меня с моста хотите скинуть? Вы не придуряйтесь! Это же фигня!

— Вот и узнаешь, что за фигня, когда с моста вниз головой полетишь, — со вздохом произнес Шершень.

— Эй, — вдруг нервно захохотал Пистон, — вас сейчас остановят. Впереди пост ГИБДД. Его вам не объехать!

Шершень вопросительно глянул на Лизу.

— Не надейся, Пистон, — ответила Лиза бандиту, — эту машину менты не тормозят. Вы же из одной кормушки кормитесь! А из-за того, что стекла тонированные не видно, кто в ней за рулем сидит. Да и темно уже. Погубит тебя твоя дурная слава, Пистон! Не сбрасывай скорость, Саша, Пистон же у нас крутой, около поста ГИБДД не тормозит.

— И откуда ты все знаешь? — удивился Шершень.

— Папа мой мне про это однажды говорил. Он у нас на «НИВЕ» ездил, пока машина была, видел, как этим гангстерам доморощенным ГИБДДэшники честь отдают!

Так и получилось, как предсказывала Лиза. ГИБДДэшник, увидев красную бандитскую «Ауди» приветливо помахал рукой и улыбнулся. Пистон завыл от досады и затих. Минут через пять появился мост, к которому они ехали. Остановились в самом центре его, Шершень вытащил из машины за загривок упирающегося Пистона и потащил к перилам. Бандит попытался орать, но, получив коленом поддых, обмяк и заплакал. Он плакал, пока его тащили к краю моста.

Шершень рывком посадил Пистона на перила, удерживая за воротник свитера. Пистон трясся от страха и холода, потому что его куртка так и осталась лежать на стойке бара «Сабрина». Лиза стояла позади Шершня, немножко ошарашенная происходящим.

— Времени у нас нет, — сурово промолвил Шершень, — и поэтому я буду и судьей, и прокурором, и адвокатом, и судом присяжных в одном лице. Итак, начнем сразу с приговора!

— Почему с приговора? — со слезами спросил Пистон. — Так на суде не бывает!

— Бывает, бывает! — ответил Шершень. — У нас военно-полевой суд! За то, что ты, безмозглая тупая скотина убил моего друга, за это ты приговариваешься к смерти.

— Ты че? — прохрипел испуганный плачущий Пистон. — Я никого не убивал! Мамой клянусь! Я не убивал...

— Ты убил Дениса Шарандо, юриста, моего друга, будущего родственника Лизы, — пояснил Шершень, — и за это сам умрешь.

— Ты чего? — задрожал всем телом Пистон. — Это не я! Это не я!

— А кто? — быстро спросил Шершень.

— Не знаю, — ответил Пистон.

И тогда Шершень отпустил ворот его свитера. Меньше секунды Пистон просидел на перилах моста, как воробей на жердочке и медленно стал заваливаться назад. Глаза его исказились ужасом, Лиза взвизгнула, Пистон рухнул вниз, а Шершень успел поймать его ботинки.

Теперь Пистон висел вниз головой, Шершень удерживал его за ноги, обратная сторона колен Пистона находилась на поручне моста, и Шершень удерживал его, прижав бедром икры.

— Кто убил Дениса, если не ты? — повторил вопрос Шершень.

— Я скажу, я все расскажу, — завопил Пистон, вися вниз головой, — я честно не знаю, кто его убил... но навел, навел мой дядя Степан Петрович... Степа Глушитель... это он... это все он, я тут не при чем... вытащите меня... пожалуйста, я больше так не буду...

Шершень обратился к Лизе:

— Ну, что вытащим подонка или приведем приговор в исполнение?

— Я бы сбросила, — сказала Лиза, — все равно он человеком никогда уже не будет.

— Я буду человеком! — закричал Пистон. — Пощадите меня! Мне страшно!

— Какой он... как тряпка! — сказала Лиза. — Если ты, Пистон, такой крутой, то будь крутым до конца, а не скули!

Но Пистон не слушал Лизу, он только причитал:

— Люди добрые, пощадите меня!

— Ладно, пощадим, — сказал Шершень.

Он стал вытаскивать Пистона обратно на мост.

— А я думала ты и правда его скинешь, — сказала Лиза, — поделом бы ему было! Все равно только гадит вокруг себя!

— Успеем еще скинуть, — пообещал Шершень и бросил безжизненное тело Пистона на снег.

— Фу, чем-то воняет, — зажала нос Лиза.

— Это наш «друг» слегка испугался, — ответил Шершень, — и обкакался.

— Как некультурно, — покачала головой Лиза.

Шершень стукнул по щеке впавшего в забытье Пистона.

— А что? Где я? — очнулся Пистон и испуганно глянул на Шершня, не веря в свое спасение.

Шершень посадил Пистона и упер его спиной в перила моста. Пистон громко хлюпал носом и ерзал на собственном дерьме.

— Где сейчас находится этот Степа Глушитель? — спросил Шершень. — Где его искать? Адрес?

— На своей даче он... в бане... с телками... — продолжал хныкать Пистон.

— Где эта дача? — спросил Шершень.

— На двадцатом километре... от города... по этой дороге... — булькал Пистон.

— Я знаю, где это, я видела дачу Глушителя, — сказала Лиза, — у нас одна такая дача, только у Глушителя! Терем-теремок не низок, не высок.

— Точно он там сейчас? — спросил Шершень. — Или бредишь?

— Точно там, — подтвердил Пистон, успокаиваясь, — он мне именно оттуда, с дачи звонил, чтобы мы тебя нашли и покантовали малость. А ты...

— Слушай, а как вы меня нашли? — удивился Шершень.

— Моя сестра вот ей позвонила, — ответил Пистон, кивнув на Лизу, — спросила, где она находится. Родаки ее сестре и ответили, что в кафе пошла с тобой.

Шершень вопросительно посмотрел на Лизу.

— Его сестра со мной в одном классе учится, — объяснила Лиза, — мы с ней дружили раньше по детству. Вот родители и купились, рассказали ей, где мы.

— Тогда сейчас двигаем на дачу, — сказал Шершень, — пощипаем за мягкое вымя Степу Глушителя.

— За какое вымя? — не поняла Лиза.

— Это я образно сказал, — пояснил Шершень, — двигаем, время дорого.

— Двигаем, — радостно согласилась Лиза и указала на Пистона, — а этого с нами нельзя, мы задохнемся с ним в одной машине. Давай, его, правда, сбросим вниз.

Лиза радостно подмигнула Шершню, но Пистон этого не видел и поэтому снова заплакал:

— Не надо, вы что фашисты? Опять меня вниз?

— Мы его в багажник положим, — предложил Шершень, — пусть там лежит. Оттуда вонять не будет.

— Он отовсюду будет вонять, — сказала Лиза, — но да ладно, давай в багажник!

Перспектива лежать в багажнике не радовала Пистона, но она была, все-таки лучше, чем упасть вниз головой с моста. И он согласился. Хотя согласия его никто и не спрашивал. Через минуту Пистон в скрюченном виде был уложен в багажник и закрыт. Еще через минуту автомобиль «АУДИ» съехал с моста и направился в сторону дачи Степы Глушителя. За все время экзекуции ни один транспорт мимо них не проезжал и, стало быть, свидетели странного происшествия на мосту попросту отсутствовали.

Степан Петрович Глушаков был мужчиной лет сорока пяти, сорока восьми. Ростом высоким не отличался, но был и не мал собой, и представительен. Округлые и накачанные когда-то мышцы покрылись жирком от неспешной, сытой жизни. Медали победителя многих областных соревнований, мастера спорта по плаванию гордо висели в специальном шкафу в офисе, а сам Степан Петрович, помимо всех прочих задач, возложенных на него хозяином города, курировал и «работу» с молодежью определенного типа, к которой относился и его любимый племянш Пистон, а так же еще с десяток головорезов районного масштаба.

Он частенько сверкал своей лысой головой там, где учинялись конфликты и должный порядок, положенный Баринном, нарушался. С помощью своих «бультерьеров» Степа Глушитель, как звало Глушакова население города, то там, то тут восстанавливал статус кво и мирное течение жизни продолжалось.

Образования Степан Петрович не имел никакого и, тем не менее, занимал должность заместителя генерального директора комбината и советника по общим вопросам. У него был вычурный офис в центре города и шикарная автомашинка «Крайслер». Аттестат о среднем образовании, выданный в давно минувшие годы Степану Петровичу в ПТУ, напугал бы кадровика любого предприятия полным отсутствием положительных оценок. И так бы и мыкался Степа Глушитель где-нибудь в слесарях, если бы не крепкие кулаки и наглая рожа.

В тюрьме Степа не сидел и даже не был ни разу под следствием, но жаргон имел прибрлатненный, а говорок зоновский. Иногда он говорил примерно так:

— Ты, че, типа, профура, я тебе шнифты затараню, — и это представляло собой жуткую малограмотную смесь фени и жаргона новых русских отморожков.

Но все равно такая речь очень пугала обывателей, с которыми Степа то и дело имел разговор на разные темы, касающиеся их непослушания или неповиновения. А сочетание всех вышеописанных качеств плюс народная молва делали Степу Глушителя таким Аль Капоне местного разлива.

Жители городка его откровенно боялись и подобострастно уважали. Бывало по пьяни его «бультерьеры» начистят кому-нибудь морду, пострадавший к Глушителю жаловаться бежит, говорит, так, мол, и так ни за что, ни про что получил по морде. Глушитель, выслушает, «буликов» вызовет и ну, их журить, нельзя, мол, так делать. Они пообещают так не делать и снова делают. А он опять их вызовет и ну, журить.

А еще бывает, что два рядовых гражданина, например, соседи по площадке поссорятся, да подерутся по пьяному делу. И к кому жаловаться бегут друг на друга? Думаете, в правоохранительные органы, в суд? Вот и не угадали! Как бы не так, конечно, к Степе.

Тот обе стороны выслушает, и, как Соломон, решает, кто прав, а кто виноват. С виноватого стружку снимет, а с правого пенки. И все довольны, потому, что если в суд идти, то затянется это дело на многие лета, да и решения суда никто выполнять не будет. Нет страха у людей перед решением суда. А перед Степой Глушителем есть. Поэтому Степа в городе воплощал в себе Справедливость.

Например, сломал один мужик другому челюсть и ключицу. Несправедливо. Просто так сломал. Пострадавший, дурак, сначала в суд побежал, а там волынка как началась — свидетели, показания и прочая лабуда. Этого хулигана под стражу, а калеке от этого какой

прок? И тогда он заявление забрал и к Степе побегом. Глушитель все выслушал, вызвал того мужика, который безобразничал (его уже выпустили к тому времени, потому, что заявления уже не было) и положил ему свое решение — отдать пострадавшему машину «Запорожец», которой хулиган владел, а ему Степе в качестве компенсации за потерянное время телевизор «Шарп» и видеомagneтофон.

Хулиган возмутился такому решению и отказался его выполнять, в результате чего сам оказался в больнице со сломанной челюстью, а загипсованной рукой ему пришлось писать дарственные. Пострадавший был очень доволен, потому что, какой ему прок оттого, что негодя посадили бы? А так он на «Запорожец» ездит теперь и радуется. А хулиган сидит на попе ровно и не безобразничает больше, потому что боится Степу и его бультерьеров. И место в тюрьме, которые, итак, переполнены, не занимает.

Исходя из этого рассказа о Степе Глушителе, можно подумать, что он — человек преисполненный благородства и чувства справедливости, этаким Робин Гуд и царь Соломон в одном флаконе. Но на самом деле все обстояло не совсем так. И то, что в решениях Степы Глушителя частенько сквозила предвзятость и собственный шкурный интерес можно было понять из еще одной истории, случившейся в этом же городе.

Племянник Глушителя Пистон, с которым мы уже знакомы, однажды напился и шел домой. А поскольку «бультерьеры» регулярно собирали дань с местных частников, которые никаких патентов нигде не брали, а занимались извозом свободным образом и поэтому-то и платили дань бандитам, то Пистон решил не идти домой пешком, а ехать на такси, как белый человек. Кроме того, он хотел разжиться наличкой у попавшегося извозчика в счет будущей дани.

Когда он подошел к «отстою», где кучковались машины извозчиков, то увидел, что в машину уже усаживаются мужчина и женщина. Не долго думая, Пистон сел на переднее сидение и сказал водителю:

— Сначала меня отвезешь, потом их.

Водитель и пассажиры, увидев, что в автомобиль села такая важная «птица», противиться не стали, а поехали, как и указал Пистон. Но вдруг ни с того ни с сего бандиту приглянулась женщина, и он решил сесть к ней и ее пощупать, а мужика посадить вперед. Поскольку Пистон сказал об этом всем прямо, то мужик такому его решению не обрадовался и воспротивился, за что Пистон ему съездил по лицу кулаком два раза. Водитель указал Пистону на недостойное поведение и тоже получил в глаз. И тогда терпение и пассажира, и водителя лопнуло, чаша переполнилась и Пистон был изрядно отдубашен и выкинут в снег.

И что вы думаете? Справедливый Глушитель нашлапал племянничка за то, что тот позорит семью? Сказал ему, что такому гондону не место среди нормальных людей? Не тут то было! Собралась вся «стая» под руководством Глушителя. По началу нашли таксиста, разбили ему машину арматурой, дали один день на восстановление и посадили на счетчик, чтобы отрабатывал моральный ущерб, нанесенный Пистону. Самого калечить не стали, потому что он им был нужен. Все-таки дань платил регулярно и пополнял их казну.

Отыгрались на мужике. Отдубасили его прямо дома на глазах у жены и пятилетнего ребенка. А жену Пистон все-таки пощупал в наказание мужику, чтобы в следующий раз неповадно было. И руководил всем этим Глушитель. По молчаливому кивку Барина. Потому, что каким бы крутым ни казался Степа Глушитель местному населению, а был он всего-навсего лакеем, который прислуживал большому боссу — Барину. Но об этом позже.

Вот таким был Степа Глушитель с которым нам предстояло в скором времени

познакомится поближе. Автомобиль «Ауди» в котором находились Шершень и Лиза, а в багажнике скрюченный Пистон, подъехал к кованым металлическим воротам дачи Степы Глушителя. Увидев машину, от дома отделилась тень, которая, подойдя ближе, оказалась сторожем дачи Глушителя пенсионером, бывшим тренером Глушителя по плаванию по кличке Чемодан. Пенсионер, хоть и был уже далеко не молод, имел вид квадратный, нрав злобный и пугающий статус помощника Глушителя по делам отдыха. Он узнал машину любимого племянника Степана Петровича и пошел открывать тяжелые ворота. Автомобиль подъехал ближе, Чемодан подошел к окошку водителя и постучал костяшками пальцев.

Окно медленно открылось и вместо знакомой морды Пистона Чемоданы показалось незнакомое лицо какого-то парня. Рядом с ним сидела тоже незнакомая Чемодану девушка. Угрюмое лицо сторожа приобрело еще более суровое и настороженное выражение.

— Вы кто? — спросил Чемодан.

— Мы друзья Пистона, — весело ответил Шершень.

— А сам он где? — спросил недоверчивый Чемодан.

— Где Пистон? — переспросил Шершень. — Он сзади!

Чемодан заглянул в салон, чтобы увидеть на заднем сидении Пистона, но вместо этого увидел, как цепкая кисть схватила его за загривок, потом увидел, как стремительно дважды приближалась и отдалялась крыша машины, стучая его прямо по лбу. Третьего раза Чемодан не запомнил, потому, что сполз по капоту на землю и вырубился.

— Что удивительно, — промолвила Лиза, — ты даже не соврал, ведь Пистон действительно сзади.

— Сиди пока тут, — сказал Шершень, — наружу не вылезай. Я быстро.

Он выскочил из машины, поднял упавшее с плеча Чемодана ружье, связал старику руки ремнем от этого ружья и огляделся. Домик Глушителя отличался от хозяина изяществом и продуманностью деталей. Он был похож на сказочный теремок Царевны-Несмеяны. Шершень проверил двустволку. Она была не заряжена. Пришлось вернуться, обыскать сторожа и изъять у него четыре патрона, которые имелись у него в кармане дополнительно к полупустой бутылке водки.

Короткой перебежкой Шершень оказался возле окон и осторожно заглянул внутрь. В комнатах было пусто, видны были следы царского обеда, и Шершень вскоре понял, почему никого не было в доме. Все гости Глушителя были в бане. Оттуда доносились веселые мужские и женские голоса. Дверь была приоткрыта, валил густой пар. Шершень занял позицию возле двери и решал, что же ему предпринять дальше. Не врываться же в баню! Решение пришло само собой.

Тяжелая дверь распахнулась полностью, выскочил совершенно голый толстенный мужичок и вприпрыжку, улюлюкая, побежал к протекающей прямо за баней речке.

Шершень быстро закрыл дверь бани на замок, который висел тут же в петле, повернул ключ, непредусмотрительно оставленный хозяевами в замке и последовал за мужичком, от которого исходило облако пара. Видимо еще кто-то захотел после парилочки окунуться в холодную воду, потому что в дверь тут же начали барабанить, но Шершень на это внимания не обратил, потому что дверь была сработана добротнo, висела на стальных петлях и вряд ли ее так просто можно было выбить.

Мужичок плюхнулся брюхом в ледяную воду реки в специальную ямку рядом с берегом, держась за специальный железный прут, чтобы не снесло сильным течением. Он нырнул прямо вместе с лысой головой и секунд пятнадцать находился под водой, а когда вынырнул,

почувствовал, что в висок ему ткнулся ствол ружья.

Мужик скосил глаза и в свете специального фонаря для освещения купания отдыхающих, увидел незнакомого ему парня, который целился в него из двустволки Чемодана.

— Ты кто? — спросил мужик.

— Я снежный человек, а ты кто? — ответил парень.

Мужик не любил шуток, к тому же ему было холодно, и он решил вылезти. Но удар ботинком по ребрам скинул его снова в ледяную воду, и он едва успел ухватиться за прут, иначе бы его унесло. Принудительное ныряние не входило в число забав этого представительного человека и поэтому, вынырнув, он завопил.

— Я Степа Глушитель! Я тебя порву! Ты че, бя, не знаешь, с кем связался?

— Следи за ситуацией! — ответил снежный человек, которым на самом деле притворился Шершень. — Сейчас ты не Степа Глушитель, а Степа, который сидит зимой в холодной воде и не вякает лишнего!

— Чего тебе надо? — спросил Глушитель.

— Разговор есть, — ответил Шершень.

— Слушай, я вылезу, и поговорим! — дрожа синими губами, более смиренно произнес Глушитель.

— Не надо вылезать! — ласково попросил его Шершень. — Так наш диалог будет более продуктивным.

Он медленно на глазах Глушителя зарядил оба ствола и снова нацелил их ему в лоб.

— Чу-увак, я же заб-болею-ю, — трясся от холода Глушитель.

— Ты не заболеешь, Степа, — ответил Шершень, — потому что ты сейчас умрешь и поплывешь течению, обагрив воды своей поганой кровью. Так что заболеть ты не успеешь.

— Ты ч-что? За ч-что? — растерянно пробормотал Глушитель.

— За то, что убил Дениса Шарандо, моего друга, — ответил Шершень.

— Как-кого Ден-ниса? — заикался Глушитель. — Н-не знаю я н-никакого Ден-ниса!

— Денис Шарандо, юрист комбината, которого недавно зарезали в парке, — подсказал Шершень.

— Мало л-ли к-кого убивают, — отпирался Глушитель, — я то з-здесь при чем?

— Притом, что тебя твой любимый племянник Пистон сдал, — ответил Шершень, — можешь отпираться, сколько хочешь, если тебе нравится в воде сидеть.

— Мн-не не н-нравится, — замотал головой Глушитель, — к-как ты г-говоришь его звали?

— Денис Шарандо, — повторил Шершень.

— Ах, эт-тот, — как будто бы вспомнил Глушитель, — но я его н-не убивал.

— А кто его убивал? — спросил Шершень.

— Я откуда з-знаю? — Глушитель уже весь посинел. — П-пистон это п-придумал у него и спроси.

— Наш диалог не получается продуктивным, — сделал вывод Шершень, — прощай.

Шершень перевернул ружье и прикладом ударил по руке Глушителя, которая держалась за прут.

— А-а! — завопил Глушитель и отпустил прут.

Но второй рукой он еще держался. Течение в этом месте было сильным и, несмотря на то, что Степа был когда-то мастером спорта по плаванию, он бы вряд ли выплыл зимой, да

еще после пяти минут принудительного сидения в ледяной воде. В этот миг он горько пожалел о том, что не занимался зимним плаванием и не закалялся.

Шершень занес ружье, целясь прикладом Степе прямо в лоб. Еще секунда и Шершень ударит, Глушитель потеряет сознание, его накроет вода и он утонет. Его унесет река, его труп будут искать и найдут не скоро. Какой позор, его будут вытаскивать, а он без трусов и все увидят какой у него маленький член! Степа одумался!

— Не бей, эт-то н-не его я-а-а уб-бил, — заблеял Глушитель.

— А кто его убил? — спросил Шершень.

— Я в-все р-раска-жу, только в-выпус-ти из воды, — взмолился Глушитель.

На улице было не очень холодно, что-то около минус пяти, десяти градусов. Вода, как известно, замерзает при ноле градусов. Но она не замерзала, а весело журчала по камням. Значит, в воде было даже теплее, чем просто на морозе на воздухе.

— Вылезай, — скомандовал Шершень.

Степа Глушитель дважды пытался вылезти и дважды падал обратно. Его колотило, как в лихорадке. Наконец, после третьей попытки он выполз и съежился на берегу, закрыв руками свое «хозяйство» между ног.

— Помни, — сказал Шершень, — начнешь отпираться, я засажу тебя обратно в реку. Ясно?

Глушитель поспешно кивнул.

— Хорошо, — согласился Шершень, — в дом бегом, раз, два, три!

Глушитель, подпрыгнул на месте и стремглав помчался к дому, тряся пузом и съежившимся до размера горошины пенисом. Шершень побежал за ним.

Когда Глушитель ворвался в дом, то с ходу схватил со стола початую бутылку водки и заглотнул половину.

— Э, хватит, — сказал Шершень, отобрал у него бутылку и выбросил в снег на улицу.

— Можно я, пожалуйста, накроюсь пледом, — попросил Глушитель.

В данный момент он олицетворял собой образец воспитанности и послушания. Его можно было бы сфотографировать и повесить на стенд «Ими гордится школа».

— Накрывайся, — разрешил Шершень.

Пока Глушитель закутывался в плед, а в бане колотили в дверь, Шершень осмотрелся в доме Глушителя. Его внимание привлек музыкальный центр.

— Записывает? — спросил Шершень.

— Кто? — не понял Глушитель.

— Магнитофон, — ответил Шершень.

— Да, — сказал Глушитель.

— Хорошо, — Шершень на мгновение, отойдя к магнитофону, отвернулся, и чуть было не совершил этим ошибку.

Дрожащий Глушитель выхватил из-под расшитой подушки дивана револьвер. Но, «Увы!», его руки не слушались, и Глушитель позорно с грохотом выронил грозное оружие на пол. Поднять он его не успел, хотя и попытался. Шершень толкнул его к дивану ногой и завладел оружием сам.

— Так, так, — промолвил Шершень, — бунт на корабле? Опять пойдем купаться?

— Нет, нет, только не это, — взмолился Глушитель.

— Иди сюда, — приказал Шершень, — к магнитофону и садись на стул.

Глушитель быстро исполнил приказание, сел и испуганно посмотрел на своего

мучителя. Он не понимал, кто это такой, откуда он взялся такой решительный, и это рождало страх. Шершень не стал связывать трясущегося от холода и кутающегося в плед Глушителя, он и так был жалок и не способен на нападение. Потом взял со стола первую попавшуюся кассету, сунул ее в подкассетник и включил кнопку записи.

— Спой что-нибудь, — сказал он Глушителю, — проверим, как пишет.

— Чего? — не понял тот.

— Говорю спой, — пояснил Шершень.

— Не буду я, — обиделся Глушитель.

Его Крестного отца заставляют петь, как какого-нибудь ресторанного паяца. Это было унижительно. Шершень без предупреждения дал Глушителю затрепину, да такую, что у того искры из глаз посыпались.

— Пой, говорю, — снова приказал Шершень, — не зли меня.

— А что петь-то? — взвизгнул Глушитель.

— Да, что хочешь, — сказал Шершень, — что тебе нравится.

И Глушитель запел, страшно фальшивя и путаясь в мелодии. Что говорить, сам Николай Басков в такой ситуации визжал бы и неверно интонировал. А запел Глушитель вот что:

— Таганка, все ночи полные огня, Таганка, зачем сгубила ты меня...

— Хватит, — сказал Шершень и перемотал пленку.

Затем включил воспроизведение.

— Таганка, — запел магнитофон, — все ночи полные огня...

— Пишет, — резюмировал Шершень, — плохо ты поешь, ну, да ладно, приступим к записи. Я буду задавать вопросы, а ты отвечать, ясно? Будешь отвечать плохо, пойдем снова купаться. Да кто там у тебя в бане так колотится?

В дверь бани и, правда, колотили так, что было слышно даже в доме.

— Там директор универмага Иван Израилевич и две девчонки по вызову, — уныло ответил Глушитель.

— Не пойму, чего ему там не сидится? — пожал плечами Шершень. — Или ему двух девчонок мало? А, я понял. Наверное, у тебя с Израилевичем любовь и он по тебе скучает.

Глушитель снес злую шутку покорно, а что еще оставалось делать в его положении? Шершень включил запись и сказал Глушителю.

— Представься.

Глушитель не хотел представляться, и Шершень снова врезал ему по затылку, после чего амбиции бандита снова растворились без следа.

— Степан Петрович Глушаков, кличка Глушитель, — сказал он безрадостно.

— Я от тебя эмоций не требую, но говори погромче и внятней, — приказал Шершень.

— Степан Петрович Глушаков, кличка Глушитель, — выкрикнул громко, как в армии Глушитель.

— Рассказывай, как ты убивал Дениса Шарандо.

— Я не убивал, это не я, это Д'Артаньян!

— Какой Д'Артаньян? — возмутился Шершень. — Ты что бредишь?

И для ума снова врезал Глушителю по уху. Времени было мало, а Глушитель никак не хотел вступать в переговоры. Шлепок получился звонким и раскатистым.

— Ой, ой, — завопил Глушитель, — хватит драться, я не вру! Д'Артаньян это кличка. Я даже не знаю, как его зовут! Он фехтованием занимался, кого-то еще на воле заколол насмерть своей шпагой, вот его в зоне и прозвали Д'Артаньян.

— Ты его в город пригласил?

— Я, — сознался Глушитель.

— Как ты на него вышел?

— Он родом из областного города, там и живет сейчас после отсидки, мне его один человек присоветовал, — продолжил Глушитель.

— Какой человек, имя, фамилия?

— Я не могу этого сказать, — занял Глушитель.

— Можешь, можешь, — ответил Шершень, — или вставай, пойдем купаться.

— Нет, я скажу, — быстро согласился Глушитель, — это начальник третьего отделения милиции из областного центра Хрюкин Илья Сергеевич.

— Хрюкин, говоришь, — прокомментировал Шершень, — хорош, начальник отделения милиции.

— Я на Хрюкина вышел, попросил у него помощи и через день этот Д'Артаньян сюда приехал, я ему денег дал, и он его завалил.

— Не его, а говори кого конкретно!

— Дениса этого. Шарандо. Убил ножом в спину. В парке.

— Сколько денег ты ему дал?

— Можно этого не говорить?

— Купаться?

— Триста долларов, — выдавил из себя Глушитель.

— За триста долларов человека убить, — покачал головой Шершень, — сволочь, ты Степа!

И Шершень снова дал ему затрепину. Глушитель вздрогнул, и скупая мужская слеза покатила по его гладко выбритой щеке. Он плакал не от чувства вины, и не от стада, а от своего бессилия и злости.

— Кто Дениса заказал? — спросил Шершень.

Вероятно, это был самый мучительный вопрос для Глушителя. Он знал, что если заложит Барина, то тот его убьет. Достанет даже в зоне. Хотя бы если и сам сядет. Взять на себя? На хрена это нужно? И Глушитель решил отовратиться:

— Он братве насолил этот Денис, чего-то там не поделили и поэтому они ко мне пришли...

— Так, я вижу, пора снова в речку окунуться, — глубокомысленно произнес Шершень, — а то пургу какую-то несешь.

— Че ты все в речку, да в речку! — впал в истерику Глушитель. — Не знаю я, кто заказал. Мне письмо пришло по почте...

Шершень спокойно перебил его:

— Я сам знаю, кто заказал Дениса. Ты, Степа, только должен это подтвердить. Я знаю, что заказал его Барин.

— Какой Барин? Не знаю я никакого Барина!

В это время в прихожей дачи раздавался шум.

— Сиди спокойно, — приказал Шершень.

Он нажал паузу на магнитофоне, отошел за шкаф, не отпуская с прицела ружья Глушителя. В комнату ввалился связанный Чемодан с окровавленным носом, а следом за ним Лиза с длинным багром красного цвета в руках.

— Иди, иди, — сказала она, — а то заколю насмерть.

— Ты, чего, Лиза, — спросил Шершень, — я же просил тебя в машине подождать.

— Там холодно, — возмутилась Лиза, — и этот еще очнулся и стал ползать. Пришлось пожарный багор снимать и сюда его вести под конвоем. Он на меня матом ругался и хотел пнуть.

— А ты что? — спросил Шершень.

— Я убежала, туда, где пожарный ящик стоит и щит, — ответила Лиза, — он за мной, я горсть песка зачерпнула из ящика и кинула ему в лицо. Пока он проморгался, я багор сняла и сюда его тащила за шиворот.

Шершень улыбнулся и покачал головой — Лиза давала жару.

— Что это Степа, а? — подал хриплый голос Чемодан. — Я не понял, что это за козел с ружьем и эта сука?

— Сейчас поймешь, — сказал Шершень.

Он шагнул два шага навстречу Чемодану, тот отпрянул, но увернуться не успел — Шершень ударом приклада в лоб свалил сторожа. Тот грохнулся на мягкий диван, сполз с него и впал в состояние оцепенения. Глушитель дернулся было, но Шершень погрозил ему стволом двухстволки и Глушитель снова присел на стул.

— Он своими вопросами мешал бы нам с тобой Степа беседовать, — пояснил свой поступок Шершень, — присаживайся Лиза, погрейся, мы договорим и сейчас уже поедem. Итак, Степан Петрович, продолжим нашу беседу?

— Чаю хочу, — неожиданно сказал Глушитель, — пусть вон она сделает!

— Обойдешься, — ответил Шершень.

— Ты че? Я же заболею! — завопил Глушитель.

— Зря ты Степа о своем здоровье заботишься, — ответил ему Шершень, — жить-то тебе осталось, может, всего пять минут. Все зависит от того, как ты будешь на мои вопросы отвечать! Так что заткнись про чай и отвечай! Видишь, даже стихи получились!

Глушитель скрипнул зубами и покосился на дуло двухстволки. В это время Шершень нажал на запись и спросил:

— Мне помнится, когда мы закончили, ты сказал, что это Барин заказал тебе убить Дениса Шарандо?

— Я не говорил этого, — помотал головой Глушитель.

— Но ведь это так? — спросил снова Шершень.

— Я не знаю, — грубо ответил Глушитель.

Похоже, он слегка согрелся, забылся и страх к холодной речной воде напрочь потерял.

— Все, мне эта комедия надоела, — решительно произнес Шершень, — отвернись, Лиза, Степан Петрович сейчас пойдет купаться. Скидывай плед, Глушитель, будем закаляться!

Перспектива снова оказаться в голом виде на морозе не обрадовала Глушителя. Он бесился внутри себя, но содейть ничего не мог. Согревала мысль, что когда-нибудь он доберется до этой парочки и тогда что он с ними сделает! Он даже не знает пока, что он с ними сделает, но это будет ужасно!

— Черт с тобой, — быстро согласился Глушитель, — расскажу... да, это Барин, заказал этого юриста.

— Зачем?

— Да, откуда мне знать? — возмутился Глушитель. — Я вопросов лишних не задаю, мне сказали грохнуть, я все сделал, как было сказано. А зачем его грохнули, почему, это не

мое дело!

— Теперь рассказывай, как вы алкаша подставили и бабу-лжесвидетельницу в это дело втянули. Все по порядку рассказывай! Ведь вам ноутбук Дениса нужен был?

— Мы ноутбук сразу и забрали, после того, как Д'Артаньян его подсадил на нож.

— Кто это мы?

— Я и мои ребята, — ответил Глушитель.

— «Бультерьеры»? — уточнил Шершень.

— Да, — согласился Степа, — Шарандо в тот день Барин специально задержал на работе, чтобы мы того алкаша до беспамятства напоили. Его Тамерлан споил. Тот падкий на халяву был, вот и стал пить с Тамерланом. А сам он, этот алкаш вообще в тот день из дома не выходил. А когда Д'Артаньян Шарандо резанул, ноутбук взял с собой и передал мне в лично руки. А мы потом алкашу другой ноутбук подкинули пустой.

— То есть Барина интересовал именно ноутбук?

— Выходит, что так, — ответил Глушитель.

— А потом твои бойцы взломали квартиру, где жил Денис и искали там информацию, которую накопал Денис?

— Не хрен ему было совать нос, куда не следует! — с раздражением ответил Глушитель.

— Все, хватит звукозаписи, — сказал Шершень и остановил магнитофон.

Перемотал чуть-чуть, включил и убедился в том, что все, о чем они говорили, записалось. Потом открыл магнитофон, достал оттуда кассету и положил к себе в карман.

— Ну, и что ты будешь делать с этой записью? — с издевкой спросил Глушитель. — В милицию понесешь?

— А что ты милиции не боишься?

— Чувак, зря ты все это затеял, — сказал Глушитель, — даже если и дойдет до суда, в чем я сильно сомневаюсь, я ведь откажусь от этих слов, скажу, что ты меня под дулом ружья заставил говорить. Но будет не так. К утру мои ребята тебя поймают вместе с твоей сучкой и мы вас... Ох, мы вас...

В этом месте Глушитель истерически захохотал, схватил со стола мраморную пепельницу и кинул ее в окно, которое со звóном разбилось вдребезги. Лиза взвизгнула и пригнула голову, закрыв ее руками. Шершень ударом ноги сбил Глушителя со стула. Тот завалился на спину, перекатился и с голым задом рванул на второй этаж по лестнице. Шершень побежал за ним.

Пару раз Глушитель попытался лягнуть Шершня ногой, но тот вовремя отворачивал голову и из-за этого не настиг его вовремя. Глушитель, тем временем, забежал в спальню на втором этаже дачи и закрылся изнутри. Дверь была хлипкой, не предназначенной для долгой осады, Шершень выбил ее одним ударом и ворвался в комнату.

Блеснуло лезвие и Шершень едва успел отпрянуть в сторону. Глушитель кинул в него большой финский нож, который поцарапал левое плечо Шершня. И только. Глушитель нервно похихикивал.

— Че ты? — подзадоривал он Шершня. — За ружье схватился? Давай, как мужики разберемся! На кулаках! Или ссышь?

Лиза поднялась за ними следом и, увидев абсолютно голого Глушителя, произнесла:

— Фу, какой противный!

— Ничего, сука тебе понравится, когда я тебя поимею, — нагло пропел Глушитель, — а потом еще десять человек.

— Закрой свой поганый рот, — спокойно сказал ему Шершень и, протянув ружье назад, добавил, — Лиза, поддержи двустволку.

— Лиза, поцелуй мой пенис, — пропел Глушитель и поскольку был без трусов, то сразу и продемонстрировал, куда его нужно поцеловать, станцевав пару тактов ламбады.

Шершень был невозмутим, что очень выводило из себя этого «Капоне» микрорайона, который уже, видимо, отошел от водных процедур. Он подождал, когда Шершень отпустит приклад ружья, и кинулся в атаку.

Надо сказать, что за свою жизнь Глушитель дрался на улице много-много раз. Он бивал и боксеров, и самбистов, и штангистов, а уж всяких «ботаников» просто укладывал на асфальт штабелями. Поэтому в том, что он одолеет этого незваного ухаля, у Глушителя не было сомнений. Он был почти в два раза шире парня и сноровки своей еще не потерял, потому что три раза в неделю занимался в спортзале рукопашным боем и бивал таких, как этот щенок одной левой.

Оттого-то он так и не понял, что же произошло. Мощные руки Глушителя ни разу не попали в цель, но зато он сам получил и поддых, и по челюсти, и по уху. Рука его в доли секунды оказалась закручена назад, он был согнут пополам, получил ребром ладони по шее, коленом по носу и пинком был отправлен в угол комнаты. Падая, Глушитель больно ударился почками о выпирающийся подоконник и застонал.

Но сдаваться он не хотел, потому что был гордым! Медленно по стене Глушитель поднялся. Да, очевидно он недооценил этого парня. И Степа решил действовать хитро. Он отдышался, сделал вид, что кинулся на Шершню, а сам рванул в коридор, где стояла Лиза с двустволкой.

План был таков — отобрать ружье у девки и замочить на хер этого подонка, который посмел ворваться к нему в дом, купать его в ледяной воде, бить, заставлять петь и потом записывать его откровения на магнитофон. Шершень в два прыжка догнал Глушителя, подсек его ногу и Степа со всего маху ударился головой о косяк двери. Что-то громко треснуло — то ли голова Глушителя, то ли косяк двери. Оказалось, второе. Голова Степы была словно сделана из чугуна.

Но даже этот страшный удар не сломил боевого духа предводителей местных бандитов. Он задался целью уложить Шершню и не мог отказаться от этой идеи. Откуда ему было знать, что перед ним человек, который несколько лет назад победил лучших бойцов в боях без правил России и с того часа отнюдь не потерял своей спортивной формы.

Глушитель, который не смог завладеть ружьем, схватился за нож, который он непредусмотрительно кинул в Шершню и который теперь валялся в коридоре. Все же надо отдать должное и Глушителю. Для своих лет он был ловок и подвижен, поэтому успел вскочить на ноги и принять боевую стойку. Лизы он не боялся и поэтому повернулся к ней задом, а к Шершню передом.

— Зря ты это затеял, парень, — прошипел он, — я таких, как ты на завтрак ем.

— Не подавись, — сказал Шершень, осторожно выходя в коридор.

— Саша, давай я его застрелю, — крикнула сзади Лиза.

— Не надо, он нам живым нужен, — ответил Шершень.

Глушитель кинулся в атаку, бешено размахивая ножом, сверху вниз наискось, нанося удары куда придется, но не попадая в цель. Шершень уходил от него назад по длинному пустому коридору и, когда Глушитель в очередной раз промазал, ударил ладонью по его запястью, отчего бандит по инерции воткнул нож в стену. Всего доля секунды понадобилась

Глушителю, чтобы выдернуть нож из стены, но и этого времени Шершню хватило, чтобы нанести ногой удар сбоку в коленный сгиб, перехватить нож, вывернуть кисть назад и ударом в горло вывести из строя ошарашенного Степу.

Шершень повалил бандита на пол брюхом вниз, прижал коленом, схватил железными пальцами за шею и сдавил. Глушитель застонал от боли.

— Не получилось, Степа? — участливо спросил Шершень.

— Гад, сука, — хрипел Глушитель, — отпусти шею, задушишь.

— А то, что ты меня зарезать хотел, это как, ничего? — поиздевался над ним Шершень. — Еще раз взбрыкнешь, я тебя просто убью! Ты понял это?

— Понял, понял, — прохрипел Глушитель.

— Ну, вот и договорились, — сказал Шершень, но шею Степы не отпустил, — надеюсь, ты будешь честно и без дураков отвечать на мои вопросы.

— Буду, буду, — пообещал Глушитель.

— Тогда скажи-ка мне, где находится сейчас Барин, — сказал Шершень, — где я могу его найти?

Глушитель был настолько раздавлен своими сегодняшними бесконечными поражениями, что разумно посчитал дальнейшее отпирательство попросту глупым и глухо произнес:

— Улица Ленина, дом десять, квартира семь.

— Поедешь с нами! — приказал ему Шершень.

— Это еще зачем? — не понял Глушитель.

— Ты у нас будешь пропуском, — объяснил Шершень, — у поста ГИБДД, и по городу. Мы тебя будем, как пропуск показывать. Ты сейчас позвонишь Барину и скажешь, что у тебя к нему срочное дело и что он тебе нужен прямо сейчас. Понял?

Степа Глушитель сурово молчал, показывая тем самым свое несогласие с планом Шершню. Он не хотел звонить Барину.

— Ей богу ты мне надоел, — со вздохом произнес Шершень, — сейчас я подержу тебя в речке еще минут двадцать, и никакие врачи тебя не спасут, потому что ты безнадежно заболеешь. А умирать будешь, мучительно кашляя и отхаркивая кровью...

Детали этой ужасной картины живо отразились в воспаленном мозгу поверженного негодяя, но он все равно не понимал чего он больше боится — умирать, мучительно кашляя, или мести Барина, которого он предает. Но тут в голову Глушителя пришла мысль, что бог даст ему еще шанс вывернуться из этого унижительного положения и сполна расквитаться с обидчиками. И он согласился:

— Ладно, я позвоню, — прохрипел Глушитель, и Шершень отпустил его шею.

— Молодец, — сказал он, — где здесь телефон?

— Внизу мой сотовый лежит на столике у камина, — ответил Глушитель.

— Где твоя одежда?

— Известно где, в бане, — ответил Глушитель, — я же мыться ходил.

— В баню мы не пойдем, — сказал Шершень, — есть еще в доме одежда?

— Есть, в спальне в комод, — ответил Глушитель, — там, где я упал.

— Где ты в меня нож кидал? — уточнил Шершень.

— Да, там, — согласился Степа.

Шершень попросил Лизу посмотреть одежду для предводителя бандитов и уже через пять минут новооблаченный в спортивный костюм Глушитель был спущен вниз в залу.

Телефон тоже нашелся быстро, оттого, что неугомонный старикашка Чемодан уже пришел в себя и носом (руки были связаны) пытался набрать номер. Выглядело это забавно.

— Куда звоним? — поинтересовался Шершень.

— В милицию! — громко прошепелявил Чемодан.

При падении у него выпала вставная челюсть и поэтому дефект речи стал явственно слышимым. Чтобы прекратить попытки сторожа вызвать стражей порядка, Шершень за шиворот оттащил старика в сторону, но бить не стал, а просто усадил его временно на вычурный диванчик.

— Подпол в доме есть? — спросил Шершень у Глушителя.

— Под ковром, — буркнул Степа.

Шершень отогнул край ковра и увидел деревянную крышку, которая закрывала вход в подвал.

— Что там лежит? — спросил он.

— Барахло всякое, — ответил Глушитель, — надувная лодка, удочки...

— Мы туда посадим этого сторожа, а то он больно шумный, — сказал Шершень.

Степа, которого после попытки убежать, в этот раз предусмотрительно привязали к стулу, не возражал, зато сторож Чемодан такому решению неистово воспротивился.

— Сто? — буйно закричал он, имея в виду не цифру сто, а вопрос «что». — Сто? Сто?

Несмотря на крики, он был все-таки водворен в темный подвал, и задвинут сверху тяжелым диваном.

— В бане у директора универмага случайно сотового телефона не осталось? — спросил Шершень у Глушителя.

— Нет у него телефона, — ответил Степа, — мы же мыться пошли, а не звонить...

— Смотри, обманешь меня, накажу, — сказал Шершень.

Степа Глушитель промолчал, вынашивая в своей низколобой голове план мести.

— Приступим к следующей фазе наших деловых отношений, — сказал Шершень. — Слушай внимательно следующий вопрос. Барин живет один или с семьей? Если с семьей, то с кем?

— Сейчас только с женой, — ответил Глушитель, — дети у него в Москве. Сын работает, дочка учится.

— Допустим, когда ты к нему приезжаешь поговорить, — продолжил Шершень, — где вы говорите?

— У него в кабинете, — ответил Глушитель.

— А жена?

— Жена сидит в зале или в своей комнате, она в его дела не лезет... Но я к нему не езжу по субботам, в субботу барин отдыхает...

— И как же он отдыхает?

— Как все люди, — ответил Глушитель, — пьет, закусывает, песни поет.

— В одиночку что ли?

— Нет, с гостями обычно, мэра обычно зовет с семьей, они друзья...

— А ты, значит, не друг?

— Я на него работаю, а с начальством за одним столом сидеть не сподручно. Тем более в семейном кругу.

— И до какого часа гости у него сидят? — поинтересовался Шершень.

— А я откуда знаю? — пожал плечами Глушитель, — это их личное дело сколько

сидеть.

— Говори номер телефона Барина, — сказал Шершень, который на протяжении всего разговора поигрывал трубкой сотового телефона, — будем назначать встречу.

— Но я за последствия не отвечаю, — возопил Глушитель, — Барин может послать меня куда подальше! Сегодня же суббота!

— А ты будешь убедительным и докажешь, что именно сегодня нужна эта личная встреча, — сказал Шершень, — найдешь аргументы, если не хочешь долго кашлять, пока кишки не выплунешь.

— Слушай, кто ты такой? — наконец додумался спросить Глушитель. — Откуда ты взялся? Ты чего мент? Под Барина копаешь? Или под кого? Так менты не имеют права делать, как ты, я буду жаловаться на тебя!

— Жаловаться будешь рыбам в реке, если еще раз что-нибудь не по теме гавкнешь, — ответил на это Шершень. — Будешь звонить?

— Нет, не буду!!!

— Тогда пойдем, — сказал Шершень.

Он схватил стул к которому был привязан Глушитель сзади за спинку и потащил его к выходу. Глушитель не был настолько тупым, чтобы не понять, куда и зачем его тащат, и он закричал:

— Буду, буду звонить!

— Ты слишком часто меняешь свои решения, — сказал на это Шершень, — это несолидно для главаря районной мафии. Или ты не главарь, а первый заместитель?

— Не знаю вообще о чем ты говоришь, — хмуро ответил Степа.

— Говори номер телефона, — продолжил Шершень, — я наберу его и приложу аппарат к твоему уху. Но смотри, сболтнешь что-нибудь лишнее, пеняй на себя!

Глушитель, у которого выбора в сущности не было, согласно кивнул. Шершень набрал номер, и когда в трубке ответил тяжелый бас, он приложил телефон к уху Степы.

— Алло! — уныло сказал в трубку Глушитель. — Виктор Исаакович? Это Степан Петрович? У меня к тебе дело, срочное. Нужно немедленно встретится.

— Дело? — грозно спросил Виктор Исаакович. — Ты же знаешь, что я не люблю, когда мне по субботам домой звонят!

— Виктор Исаакович, — затараторил Глушитель, ежась от взгляда Шершня, — я знаю, но дело неотлагательное. Я его без тебя решить не могу. Я долго тебя не задержу.

— А по телефону это твое дело решить нельзя? — спросил Виктор Исаакович. — Больно ты мне тут нужен в субботу!

— По телефону никак, — прохрипел Глушитель, — нужна личная встреча. Потому что дело это касается... нет, по телефону я этого не скажу...

— Ха-ха-ха, — пропел в трубке тяжелый бас Барина, — мне уже рассказали тут, что четверых твоих «геркулесов» в «Сабрине» какой-то приезжий лох уделал, как бог черепах. По этому что ли поводу хочешь поговорить?

— Да и по этому тоже, — произвольно кивнул Глушитель и с нескрываемым изумлением посмотрел на Шершня.

Стало быть этот ухарь всю его гвардию раскидал!

— Это дело не срочное, до утра подождет! — ответил Барин.

Шершень многозначительно провел по горлу ребром ладони. Глушитель все понял.

— Исаакович, не телефонный разговор, — взмолился Глушитель, — у меня самого

проблемы и только ты их можешь решить!

— У тебя и проблемы? — удивился Барин. — Ты же у нас самый крутой в городе, какие у тебя могут быть проблемы?

— Самый крутой ты, — нагло подмазал Глушитель, — ну, пожалуйста, я тебя прошу!.

— Ладно, ладно приезжай, — согласился Барин. — Так. У меня сейчас гости. Когда разойдутся, я тебе звякну на трубу. Кстати, ты где?

— Я у себя на даче, — ответил Глушитель, — в баньке мылся.

— Иван Израилевич с тобой?

— Да, со мной, — ответил Степа.

— Привет ему передавай, — покровительственно сказал Барин.

— Передам, Виктор Исаакович, — пообещал Глушитель.

— Да, еще, — Барин сделал паузу, — где твой племянник?

Глушитель вопросительно посмотрел на Шершня и тот знаками показал ему, что племянник тоже здесь, на даче. Типа, мылся в бане, а теперь водку пьет. Видимо Шершень был талантливый пантомимист, потому что Глушитель все понял.

— У меня он, вон на диване сидит, помылся в бане, теперь водку пьет, — соврал Глушитель, а Шершень утвердительно кивнул, — приехал он, чтобы рассказать мне эту историю. Про кафе. Как все случилось, — от себя добавил Глушитель.

— Ну, ладно, ясно, жди звонка, — сказал Барин и положил трубку.

На десять секунд повисла пауза.

— А где Пистон по правде? — уныло спросил Глушитель.

— В багажнике лежит, — ответил Шершень, — в своей машине. Наверное, его можно уже достать, а то как бы он там не задохнулся.

Шершень развернул Глушителя спиной к сидящей Лизе, отдал ей ружье и сказал:

— Начнет трепыхаться, бей прикладом по голове, только не сильно, а то убьешь, а он нам еще сегодня пригодится.

Минут через пять Шершень вернулся вместе с источающим омерзительный запах и чихающим Пистоном. Тот тоже страшно замерз лежа в багажнике своего «Ауди», его зубы стучали, и поэтому ему было позволено переодеться под строгим надзором Шершня, выпить водки и попить чаю. У Пистона так затекли руки, что он не мог держать чашку и хлебал, не поднимая ее со стола, как собака. Отвязали одну руку и Глушителю, и тоже позволили попить чаю. Шершень и Лиза присоединились к этой дурной компании.

— То, что вы нас чаем напоили, это вам зачтется потом, — пробормотал Глушитель Шершню и Лизе, заканчивая чаепитие, — получите оба на один удар меньше. Хотя покойникам это безразлично.

— Опять «оперился»? — спросил Шершень. — Или перед племянником выпендриваешься? Забыл, как бороздил просторы родной речки, капитан Немо?

Глушитель ничего не ответил, отвернулся только, поскрипел зубами и спросил у хлебающего чай Пистона:

— Как же вы четыре здоровых бугая в кафе с одним заезжим лохом справиться не смогли, супермены хреновы?

Пистон немедленно прекратил хлебать горячий чай и завопил:

— Он неожиданно напал на нас, дядя Степа! Мы не ждали этого! Мы его бить не хотели, ты же сказал только поучить его, а он...

— Стоп, — заткнул раздухарившегося Пистона Шершень, — хорошо, что ты мне

напомнил, Пистон. Спасибо. Я как раз об этом и позабыл спросить у нашего любимого дяди Степы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Шершень подошел к Глушителю вплотную, наклонил к нему лицо и спросил:

— А с какого это рожна и с чего бы это незнакомый мне дядя Степа Глушитель хочет, чтобы меня «поучили»? Не иначе кто-то его об этом попросил? Потому как я первый день в этом городе и со Степой Глушителем не знаком! Почему Степа Глушитель посылает своих «бультерьеров» искать меня? Почему они задираются ко мне в кафе? Ответь мне на эти вопросы дядя Степа?

— Я тебе не дядя, — буркнул Глушитель.

— Но и не тетя, — поправил его Шершень, — отвечай на вопросы и не умничай.

Лицо Глушителя приняло надменно-оскорбленно-значительное выражение, он попытался выдержать паузу, но тут увидел, что рука Шершня скользнула и приготовилась для очередной оплеухи. Получать унизительную оплеуху, да еще в присутствии племянника Степа не мог себе позволить, поэтому сразу же лицо его вновь приобрело смиренное выражение католического монаха и ответ нашелся в тыльной черепной коробке Степы почти сразу.

— Мне сказали, что ты лезешь не в свое дело, — ответил Глушитель, — вопросы задаешь всякие неуместные.

— Кто сказал? — спросил Шершень. — Следователь Кузнецова?

— Не важно, — вальяжно ответил Глушитель.

— Она, она, — покачал головой Шершень, — больше никому я никаких вопросов не задавал. Значит, госпожа Кузнецова тоже к большой сиське богатенького Барина приложилась? Хотя, я это сразу понял по тому, как она дырки в собственном расследовании неумело прикрывала. А что касается тебя, Пистон, то не ври. Ты меня первый ударил, за это и получил по ребрам.

— Ой, ой, болит, — заныл Пистон, — дядя он мне ребро сломал.

— Ответит, — пообещал Глушитель, — попозже.

— Мечтать не вредно, — парировал Шершень, — тем более, что я даже по закону не превысил пределов необходимой самообороны.

— Ладно, вы тьюфяки все трое, но Каратель? — возмутился Глушитель. — Он же дважды чемпион области по контактному карате!!!

— Его с одного удара этот вырубил, — кивнул Пистон на Шершня, — вмандил ему так, что Каратель даже пукнуть не успел. Он и Глыбу через себя кинул, я такого раньше не видал.

— А как в кафе он ваших всех уделал, как пацанов, — вмешалась в разговор Лиза, — я такие трюки только в кино и видела!

Пистон и Глушитель с ненавистью посмотрели на Лизу. Какая они после этого Банда, если, теперь полгорода только, наверное, и говорит о том, как их, «бультерьеров» в кафе опустили. И ладно бы хотя бы три человека их, бандитов, побили. Или два. Но один!!!

В это время зазвонил сотовый Глушителя, Шершень сунул его под ухо Глушителю и Барин пригласил его уже приезжать. Стали немедленно собираться. Пистон, хоть и упирался и кричал, но все же был опущен. Но не в том смысле «опущен», о котором многие из вас, наверное, подумали, а просто его опустили в подпол, где уже томился Чемодан. Шершень опять подвинул на крышку диван и для надежности навалил на диван разных тяжелых вещей.

— Поедем на твоей машине, — сказал Шершень Глушителю, — я поведу, а ты будешь

рядом сидеть и если нас остановят возле ГИБДД, и ты начнешь дурить, то я стукну тебя один раз пальцем в определенное место и ты потом всю жизнь будешь какать под себя. Поверь мне, я умею это делать. Показать, чтобы у тебя не было сомнений?

— Не надо показывать, я верю, — буркнул Глушитель.

— Лиза, тебя я высажу в городе у дома, — сказал Шершень, — уже поздно, успокоишь родителей.

— Нет, я с тобой, — твердо промолвила Лиза.

— Давай не будем спорить, — тихо произнес Шершень, — ты обещала меня слушаться.

Отойдем, я тебе что-то важное скажу.

О чем они шептались Глушитель не слышал, хотя и напрягал свои пороссячьи ушки как только мог. Вскоре они выехали и доехали до города без приключений.

Автомобиль Глушителя медленно и неслышно подкатился к подъезду Барина. Лизы в машине уже не было, Шершень высадил ее возле дома, посмотрел, как она вошла в подъезд. И когда через минуту она помахала ему из окна, со спокойной душой двинул машину дальше. Глушитель понуро сидел рядом. Он был привязан за шею к подставке для головы сидения автомобиля, и поэтому не рыпался.

— Охрана у Барина возле дома и или дома есть? — спросил Шершень.

— Зачем ему охрана? — вопросом на вопрос ответил Глушитель. — Этот город его, народ Барина любит. Любой работяга в его защиту станет, если что.

— У меня другие сведения, — сказал Шершень.

— Что ты можешь знать? — ответил Глушитель. — Ты второй день в нашем городе. И если тебе эта секилявка напела что-то, то это не значит, что все, что она говорила правда. Чего ты от Барина-то хочешь?

— Просто поговорить, — ответил Шершень.

Глушитель ничего на это не сказал, сморщился в усмешке. Шершень отвязал веревку и освободил Глушителя. Они подошли к подъезду, поднялись на второй этаж и остановились возле красивой двери обитой красной кожей. Шершень отошел в сторону, чтобы его не было видно в глазок, достал револьвер, который на даче отнял у Глушителя и позвонил в звонок. Мелодичное пение соловьиной трели раздалось в квартире и послышались шаги.

Когда дверь приоткрыли, Шершень резво с силой втолкнул внутрь Глушителя и с размаху ударил его по макушке рукояткой пистолета. Через мгновение дуло револьвера оказалось у носа того, кто открыл дверь. Это была полная женщина средних лет, вероятно жена Барина.

— Ведите себя тихо, — прошептал ей Шершень, — и я не буду стрелять.

Он левой рукой придержал Глушителя за шиворот, чтобы тот медленно упал без особого стука. Степа безжизненно прилег на пол, удерживаемый Шершнем.

— Вы грабитель? — прошептала жена Барина.

— Нет, я неуловимый мститель, — ответил Шершень, — и поэтому предлагаю вам пока посидеть в ванной, чтобы мне не пришлось вас убивать.

— Хорошо, я посижу, — шепотом согласилась жена Барина, — вы пришли убивать моего мужа?

Все это напоминало какую-то дурацкую игру и Шершень ответил:

— Все зависит от обстоятельств.

— Прошу вас, не убивайте его, — попросила жена Барина, — он хороший.

— Жанна, кто там? — раздался откуда-то из глубины квартиры сочный бас.

Шершень знаком показал Жанне, что это, мол, пришел лежащий без памяти на полу Глушитель.

— Это Степан Петрович, — крикнула Жанна.

— Пусть проходит! — скомандовал бас.

— Кто еще есть в квартире? — спросил Шершень.

— Никого нет, — ответила Жанна, — нас двое.

Шершень мягко затолкал Жанну в ванну и закрыл дверь на задвижку.

— Включите, пожалуйста, свет, — прошептала в щель Жанна, — я пока буду

разгадывать сканворды.

Ошарашенный Шершень по очереди защелкал выключателями, сначала зажегся свет в кухне, потом в туалете и, наконец, в ванной.

— Спасибо, — прошептала Жанна.

— Глушитель, ты чего там застрял? — прогремел снова бас.

Квартира у Барина была естественно барской. Обстановка поражала роскошью и избытком маленьких ненужных, но приятных вещей. Шершень заглянул в зал, где работал большой, на половину стены телевизор с плоским экраном. Одна дверь была закрыта, скорее всего, это была спальня, другая приоткрыта. Оттуда струился теплый свет и доносилось негромкое низкое пение. Шершень сделал вывод, что это и есть кабинет.

Пугать одинокого Барина револьвером Шершень не счел нужным, он убрал его в карман дубленки, толкнул дверь и увидел направленное в него из-за стола дуло автомата. Шершень лишь увидел ухмыляющуюся морду и плечи, покрытые погонами майора. В это время во всей квартире погас свет, яркий луч из-за стола блеснул Шершню в лицо, ослепив, а после этого мгновенный удар в затылок чем-то тяжелым сбил его с ног.

Очнулся он оттого, что кто-то плеснул ему в лицо холодную воду. Шершень приподнял голову, с трудом открыл глаза и увидел серую стену. Ледяные струи стекали по лицу на одежду, он сидел на стуле, прикованный наручниками сзади к стулу. Голова раскалывалась, болело все тело, видимо его долго пинали, после того как вырубил. Справа кто-то сидел и громко дышал. Шершень повернул голову и увидел за столом ухмыляющееся широкое лицо с окладистой бородой.

— Узнал? — спросил бородач.

— Узнал, — ответил Шершень.

— Ну, и кто я? — спросил борода с улыбкой.

— Дед Мороз, — ответил Шершень.

— Ты, сука, — завопил откуда-то сзади голос Глушителя, — Барин, дай я его порву! За все порву суку!

— Заглохни, — добрым-добрым басом произнес Барин. — Это гость нашего города, а мы умеем принимать гостей.

— Да, уж умеете, — усмехнулся Шершень.

— Это если гости плохо себя ведут, — продолжил Барин, — мы их воспитываем. Ты зачем ко мне в дом полез?

— Хотел подарок под подушку положить к Новому году, — сказал Шершень.

— Так Новый год уже прошел, — ответил на это Барин.

— Вот и я так подумал, зачем тебе подарок, если Новый год прошел? — сказал Шершень. — И не стал дарить.

— А зря, ведь подарить ты, наверное, хотел мне кассету, на которую Степана Петровича всякой фигни наговорить заставил?

Шершень промолчал.

— Что же ты, Чак Норрис доморощенный, так по-глупому попался? — продолжил свой допрос Барин. — Здесь тебе не Москва и не Питер, где человеку затеряться легко! Мне ведь сразу доложили, о том, что ты в кафе драку учинил. И как от кафе вместе с Пистоном отъехал тоже сразу отрапортовали. А потом на машине Пистона ты мимо поста ГИБДД проехал. Также доложили.

— Благодарю, что ты так интересуешься моей личной жизнью, — ответил Шершень, —

приятно, когда директор комбината так следит за передвижениями гостей города. Но не нужно было так себя отягощать...

— Не паясничай, — приказал Барин, — я не твоей личной жизнью интересуюсь, а своей безопасностью. Таких, как ты дураков хватает, и я давно уже научился себя от них ограждать. Потому я и богатый, что на десять ходов вперед вижу. Когда ты еще только думаешь, я уже знаю, что ты будешь делать. И когда вдруг Глушитель в гости напрашивается в субботу, хотя знает, что я этого не люблю, то я сразу думаю, что что-то здесь не так. Прокол у тебя вышел, мальчик. Кстати, кроме паспорта у тебя в карманах никаких документов мы не нашли. Ты кто вообще?

— Я человек, — ответил Шершень.

— Ты говно, — вставил Глушитель.

— Цыц, — приказал Барин, — что ты не верблюд, я вижу. Зачем к нам в город приехал?

— К другу на свадьбу, — ответил Шершень.

— Что же ты не на свадьбе гулял, а безобразничать начал?

— Жених на кладбище оказался по вашей милости.

— Так уж таки и по моей? — неподдельно удивился Барин. — Люди рождаются и умирают когда им богом положено. Я пока что не бог. Так что, твои наговоры напрасны. А где ты так драться намастрячился?

— В кружке мягкой игрушки, — ответил Шершень.

— Ха-ха — ха, шутник, — загоготал Барин, — люблю шутников. Особенно когда шутят перед смертью. А работаешь где?

— Какая разница? — спросил Шершень. — Это к делу не относится!

— Нет, относится, — голос Барина приобрел стальные нотки, — если ты мент или ФСБешник к нам специально засланный, то один разговор. А если просто дурак в эти разборки ввязался, то другой разговор. Хотя и на просто дурака ты не похож, и для профессионала действуешь глупо. Так что колись, кто ты, раз уж попался.

— Кто бы я ни был, я уже много знаю про ваши дела тут, — ответил Шершень.

— Знаешь, то ты много, в этом-то как раз твоя беда, — добро-добро опять пропел Барин, — а не вина, а кто много знает, тот долго не живет. Вот в чем дело.

— Как Денис Шарандо, — подсказал Шершень, — он тоже много знал.

— А что Денис? — пожал Барин могучими плечами. — Не повезло парню, пошел вечером по парку с работы и его зарезали. Я ему говорил, не ходи по парку, там шушеры много отирается. А он пошел.

— У меня есть другой вариант происшедшего, — сказал Шершень.

— Это то, что тебе Глушитель наговорил на кассету? Так это он со страху наплел. Ты же его мучил, избивал и заставлял повторять свои глупые фантазии ни на чем не основанные, кроме твоих же домыслов? Говорит, что ты его в реке голого держал?

— Держал, — согласился Шершень.

— Нехорошо это, не по-человечески, — назидательно произнес Барин, — кстати, кассетку мы у тебя изъяли из кармана. Сейчас и послушаем. Мне самому интересно, чего там Степа наболтал со страху?

Барин едва заметно повернул свою большую голову в сторону Глушителя и негромко приказал:

— Сгоняй-ка к майору за магнитофоном.

Глушитель громко затопал, скрипнул и хлопнул дверью. Барин в это время молчал и

потирал большой ладонью вспотевший лоб. Степа вернулся секунд через тридцать с раздолбанным магнитофоном-«балалайкой».

— Это что еще за развалюха? — удивился Барин. — Аппаратуры что ли получше не мог найти?

— Это майор из вещдоков взял, — объяснил Глушитель, — у них в милиции вообще нет магнитофона. Что есть, то и дали нам.

— Придется им на следующей неделе прикупить парочку, — по-царски произнес Барин, — за хорошую работу. Ставь кассету, Степа, послушаем чего ты там наблеял.

Глушитель подключился в сеть, потом долго возился с магнитофоном, не знал, как включить и наконец раздалось шипение пленки и неожиданно раздалась бодрая музыка:

— Там-там-там, тру-лю-лю, там-там-там, тру-лю-лю, — это было вступление и детские голоса запели, — вместе весело шагать по просторам, по просторам, по просторам, и конечно, припевать лучше хором, лучше хором, лучше хором...

— Это что? — спросил удивленный Барин.

— Не знаю, — сказал Степа, — я этого не пел. Это не я. Я пел, Таганка все ночи полные огня...

— Ты что там еще и пел? — еще больше изумился Барин. — Ну, Степа, кажись, тебя он очень сильно ударил.

Только сейчас Шершень заметил, что голова Глушителя перебинтована белой марлей, как в песне: «Голова обвязана, кровь на рукаве».

— Надо перемотать, сказал Глушитель, — может дальше записано.

Он перемотал и снова включил. Дети запели:

— Дважды два четыре, дважды два четыре, это всем известно в целом мире...

— Это ты что ли Степа такие песни на даче слушаешь? — раздосадовано спросил Барин. — Что это за херня?

— Нет, это не моя кассета, — ответил Глушитель, но я у кого-то это слышал! Сейчас подумаю, ведь точно слышал! А у кого? А, вспомнил! Это Пистон такие песни крутит в машине. Говорит, что прикольно!

Щелкнул механизм подкассетника, Глушитель вытащил кассету и внимательно осмотрел ее.

— Точно не моя кассета, — произнес он, — это Sony, а я всегда BASF покупаю. Я же говорил, что это не моя кассета.

— А где твоя кассета? — раздражаясь, спросил Барин. — Где кассета, на которую ты херни наговорил?

— Где кассета на которую я наговорил? — заорал в свою очередь на Шершня Глушитель.

— Херни? — переспросил Шершень.

И тут Глушитель не сдержался и со всей дури врезал по уху Шершню кулаком. Удар был сильный, в ушах у Шершня зазвенело.

— Стоять! — крикнул на Глушителя Барин. — Пошел вон и жди за дверью пока позову!

Покорный Степа мигом удалился, плотно закрыв за собой дверь. Барин помолчал немного, вертя в руках паспорт Шершня, и сказал:

— Хороший город Ленинград. Я там учился. Что еще не снесли Казанский собор?

Шершень не ответил на глупый вопрос.

— Это я так спросил, для поддержания разговора, — объяснил Барин и продолжил, — а

давай поговорим как мужик с мужиком начистоту. Хочешь?

Шершень кивнул. Чего не поговорить, если предлагают.

— Вот ты приехал сюда к другу на свадьбу, да? — начал начистотный разговор Барин. — И, допустим, узнаешь, что друга твоего убили. Зарезали. И ты начинаешь строить всякие догадки, слушаешь разные разговоры, сплетни, как бабка на скамейке. И всему этому веришь. А ведь народная молва, она знаешь, все любит преувеличивать и исказить. Народ говорит одно, а на самом деле все обстоит совсем не так. И ты, не разобравшись, начинаешь горы воротить, в драки ввязываешься. А хочешь знать правду, как все было?

Шершень не ответил, но вопросительно посмотрел на Барина. Интересно было бы выслушать его версию.

— Я тебе сейчас расскажу, — пообещал Барин, — только схожу в одно место, а потом приду и расскажу. А уж твое дело верить мне или нет.

Он поднялся из-за стола и медленно прошел в дверь, где ждал его верный Степа и еще один мужик в форме офицера милиции. Это был начальник правоохранительных органов города майор Барашко. Барашко имел усы запорожского казака на которых висели остатки квашеной капусты. Он был маленький, толстенький, круглый и жадный.

— Ну, что Барашкин, — спросил Барин у начальника милиции, — нашел чего-нибудь на этого Рембо?

Барашко не обижался, когда Барин называл его Барашкин или даже Баранкин, а иногда и Овцович или Козлович. Все зависело от настроения Барина. И Барашко ответил:

— Ничего нет, Виктор Исаакович, ни в ментовской базе, ни в уголовной, но мои ребята ищут. Постараемся чего-нибудь накопать.

— Старайтесь, старайтесь, — кивнул Барин, — а то шибко не нравится мне этот тип. Как ни крути, а придется его...

Барин не договорил, но все поняли, что придется сделать. У Глушителя это вызвало восторг, вызванный жаждой мести, а Барашко нахмурился, для него это был лишний ненужный геморрой.

— Да, еще, Степа, чуть не позабыл, — добавил Барин, — мухой лети к семье этого покойного юриста и тащи сюда эту девку с которой он у тебя на даче был. Сдается мне, он ей кассету передал. А если нет, то эта «Дерьмовочка» нам поможет в ее поисках.

— Поможет? — не понял Глушитель.

— При нем прижмем ее хорошенько за упругий зад, потерзаем молодые сиськи, он и расколется, — ответил Барин, — у тебя, кажись, Барануленко, есть парочка ребят, которые любят так порезвиться?

— Есть, — радостно закивал головой Барашко, — даже не парочку найдем, а побольше. Я и сам не прочь!

— Эх, ты старый развратник, — покровительственно произнес Барин, — есть еще порох в пороховницах?

— Есть, — мелко захохотал майор, — на пару палок хватит. Особливо если с особым цинизмом!

— Давай, давай, готовься, — поторопил Барин, — по местам, да, за работу. А я пока попробую с ним по душам поговорить. Может быть, и не придется прибегать к таким жестким методам. Больно уж не хочется этой крови опять...

Майор Барашко и Степа Глушитель побежали исполнять указания, а Барин вернулся в комнату, где находился Шершень. Он степенно прошел за стол, уселся с одышкой и сказал:

— Я, между прочим, твоего друга Дениса Шарандо с улицы взял. Когда он со своим высшим юридическим образованием тут никому не нужен был, работал сначала грузчиком в магазине, а потом болтался где придется. У меня мест не было, а я его взял. Зарплату положил ему по высшей тарифной ставке. Обманывать не буду, голова у него была светлая, любые вопросы решал, как орехи щелкал. Старательный был, допоздна засиживался. Все уже уйдут, а он все сидит над бумагами. И вот однажды в благодарность за все, что я для него сделал, зародился в этой светлой голове отнюдь не светлый план.

Барин помолчал и продолжил:

— Я свой бизнес с ноля начинал. Всякое тогда бывало. Время-то было начало девяностых, потом приходилось хитрить тоже, от налогов уходили, чтобы хоть как-то предприятие поднять. Да, бывало, преступали закон, но победителей не судят. И вот Денис Шарандо, которого я по глупости к себе очень близко подпустил, стал под меня копать. И ты думаешь зачем? Справедливости захотел? Как бы не так!

Шершень не ответил, потому что понял, что вопрос задан затем, чтобы самому на него и ответить. Барин и не ждал от него ответа.

— Однажды как-то вечером, я работал у себя в кабинете, — продолжил он, — Шарандо мне позвонил и сказал, что у него важный вопрос ко мне есть. Я предложил зайти минут через тридцать, он зашел, когда никого уже не было, и положил на стол компакт-диск. Говорит, что, мол, вот эта кругляшка стоит двести тысяч долларов и она продается. Я сразу не понял, что за дурацкие шутки он шутит, и тогда он предложил мне этот диск поставить в компьютер и самому посмотреть. Поставил я его и понял, чем он вечерами занимался на работе. В архиве, в бухгалтерии...

Барин замолк и бросил взгляд на Шершня. Тот сидел молча, неподвижный, как каменное изваяние.

— Двести тысяч долларов захотел, — по слогам повторил Барин, — нашел способ по легкому приподняться. Не пыхтеть, не сопеть носом над документами, а раз и в дамки. Мне говорили его коллеги, что он мечтал насовсем уехать в Москву. Говорил, что, мол, с его светлой головой тут в дыре нашей делать нечего. Переоценил свою значимость. Неожиданно двести тысяч долларов захотел на квартиру, на машину, на мягкую мебель. Все срубить одним махом решил, зажадничал. И так нагло мне говорит. Если, мол, денег через неделю не будет, то я отправлю копию этого диска в соответствующие органы. И предложил мне не скупердяйничать. Говорит, что, мол, лучше потерять часть, чем целое. Вот такой у тебя был друг...

Барин замолчал и опять посмотрел на глаза Шершня.

— Не верю я тебе, — сказал Шершень, — я этого парня с детства знаю. Не мог он этого сделать...

— Время такое гадское, сынок, — покровительственно сказал Барин, — людей оно перемальвает. Когда ты его знал? Когда вы вместе с ним в один горшок писали? Так сколько лет уже прошло? А тут случай такой подвернулся, разом срубить кипу зеленых и в козыри пролезть из шестерок.

— И ты решил его убить, чтобы не целое не потерять, ни части от него? — спросил Шершень. — А заодно и гнилые свои дела похоронить!

— О, парень, это было нелегкое решение, — ответил Барин, — я сначала притворился, что согласен. Даже предложил ему часть дела общего. Часть комбината. То есть, как бы не долларами трясти, а передать ему часть своих акции на двести тысяч. Он, как человек

разумный, согласился. Мы выпили с ним мировую. Я пообещал ему в течение месяца все сделать, потому что дело это нелегкое, все-таки сумма большая, а его попросил не сильно сверкать своим диском и пока его никуда не девать. Он его с собой, дурашка, так и носил в ноутбуке. Кстати, купил ноутбук себе с зарплаты. Каждый ли служащий в России может купить себе ноутбук с зарплаты?

— И вы его с Глушителем убили с помощью Д'Артаньяна, — подсказал Шершень, — и подставили алкаша, который в это время мирно спал.

— Это тебе Глушитель наболтал на кассету? — спросил Барин.

— Да, он, — кивнул Шершень.

— Я всегда подозревал, что он мальчиш-плохиш, — сказал Барин, — проблема маленьких городов. Нет профессиональных кадров. Одни дилетанты. Никому нельзя доверять. Одни данные воруют, другие тайны выдают. А где кассета-то? Зачем она тебе? Я же тебе рассказал, все. И ты должен был понять, что иначе я не мог поступить. Предательства я не терплю. Особенно от тех людей, которым я бесконечно доверяю. Еще и жадность Дениса сгубила. Ну, попросил бы десять тысяч или пять. А-то двести!

— Не за это ты его убил, — сказал Шершень, — не за деньги. Ты за свою хорошо пригретую задницу испугался. Видно, было там, на диске что-то из-за чего тебе кранты настали бы. Потому что в городе про тебя многие знают, что подонок ты, да только доказать не могут. А Денис все это в одну папку собрал и систематизировал. А это такой валун получился, что раздавил бы тебя на месте. Вот это тебя и напугало!

— Короче так, — Барин стал суровым и жестким, — вернешь кассету и уябывай отсюда по добру, по здорову. Потому, что доказательств у тебя на сегодняшний день против меня только одно — эта кассета. Не будет у тебя ее и ты сам нам не нужен. А словам твоим никто не поверит. А если не отдашь кассету, то тогда и не выживешь. Убью я тебя. Хоть и не хочется, а придется. Но и на этом не закончится. Все это святое семейство, в которое хотел Денис родственником влезть, после того как тебя прикончат, я повыведу. Отца невесты Дениса на хер с работы выгоню, мать у них, итак, безработная, через полгода подохнут от голода. Беременная эта сучка загнется у меня в роддоме при родах. Это запросто устрою. У врачей зарплата маленькая, они с радостью за это возьмутся. Скальпелем не там чиркнут и кранты! А козьяку твою, с которой ты в кафе ходил, будут мои «бультерьеры» ежедневно насиловать и наркоту колоть ей. Станет она как шлюха подзаборная. Последняя тварь в городе! Но ты этого не увидишь, потому что будешь гнить где-нибудь в помойке. Даже не в земле, а среди отбросов. А крысы будут твое лицо жрать! Этого хочешь? На хрена ты вообще приехал? Ты же людей подставил! Семью Шарандо всю подставил! Погоревали бы они годик и забыли твоего Дениса, телка его замуж бы снова вышла и вся история. А теперь вот я опять вынужден вот этим дерьмом заниматься! А могла бы быть все тихо и мирно, если бы ты мне кассету отдал!

— А ты не врешь? — тихо спросил Шершень.

— Что не вру? — переспросил Барин.

— Если я отдам кассету, то ты никого не тронешь?

— Да на хрена вы мне все нужны? — стукнул ладонью по столу Барин, — думаешь, у меня дел нет, кроме как с тобой тут в бирюльки играть.

— Ладно я согласен, — кивнул Шершень, — отдам я тебе кассету, у меня теперь похоже и выбора нет.

— Вот это разговор, — улыбнулся Барин, — ты на меня не сердчай, я же тем, кто хорошо

работает, кто служит верно, всегда помогаю и деньгами, и делами. У нас тут в городке свои законы и не надо лезть со своим уставом в чужой монастырь. Ты приехал, уехал, а мы тут живем и как-нибудь сами разберемся кто прав, а кто виноват. Правильно я говорю?

— Правильно, — подтвердил Шершень.

— А чего? Я вижу ты парень нормальный, — примирительно сказал Барин, — сколько ты там у себя в Питере зарабатываешь? Долларов двести-триста? Сколько? Ну, говори.

— Где-то так, — кивнул Шершень, — двести пятьдесят в среднем.

— Хо, это не зарплата при твоих способностях, — покачал головой Барин, — и ты доволен такой зарплатой?

— Вообще-то не очень, — ответил Шершень.

— Так, давай ко мне вместо Глушителя, — предложил Барин, — он опозорился и не раз уже, его я все равно сниму с должности. А ты будешь иметь в десять раз больше. Квартиру сразу, машину. Ты кем там работаешь?

— Вышибалой в баре, — ответил Шершень.

— Ну, что это за работа? — махнул рукой Барин. — Для нормального мужика унизительно. В армии драться научился?

— Морская пехота, — ответил Шершень.

— Ну, вот видишь, получается у нас диалог, — довольно сказал Барин, — а если надумаешь у меня работать, то все равно придется «грязью» заниматься. Где большие деньги, там и кровь. Не воевал?

— Не пришлось, — ответил Шершень.

— Жаль, пригодилось бы, — сказал Барин, — образование есть?

— Среднее специальное, — ответил Шершень.

— Пойдет, — кивнул Барин, — будешь на меня работать, я тебе высшее устрою без проблем. В любой ВУЗ страны, хоть в МГИМО. Сейчас без образования не пробиться в жизни? Ну, как перспектива?

— Нормально, — ответил Шершень, — мне нравится.

— Ты же не быдло, которое у меня на комбинате корячится за сто баксов в месяц, продолжил Барин, — уважать себя надо. А тебе есть за что себя уважать. Ты и не дурак и за себя постоять сможешь, и мне подсобить, ежели что. Опять же реально семью Дениса поддержишь, если захочешь. Ведь они теперь жить будут бедно. На три рта один кормилец — батя. Бросай свой Питер и приезжай. Ну, чего, сговорились?

— Надо, подумать, — ответил Шершень.

— Ты думай до утра, а кассету верни, она теперь тебе без надобности, — сказал Барин, — где она?

В дверь заглянул Глушитель и с одышкой закричал:

— Нету ее дома, сучки! Там только ее предки и сестра брюхастая. Я там оставил Тамерлана и Карателя сторожить! А Глыба ко мне на дачу поехал всех выручать, кого этот урод позакрывал где попало!

Барин медленно повернулся к двери и, незаметно для Шершня подмигнув Глушителю, сказал:

— Снимай охрану с квартиры, это больше нам не нужно. И девушку эту Лизу пусть не ищут. Мы миром договорились все решить.

Глушитель тупыми глазами, открыв рот, посмотрел на шефа и только когда Барин подмигнул второй раз до него, наконец, дошло, и он сказал:

— Понял. Хорошо. Снимаю охрану. И девушку пусть не ищут.

— Погоди, не уходи, — остановил Глушителя Барин и обратился к Шершню, — так, где кассета?

— В почтовом ящике, на воротах на даче у Степы Глушителя, — ответил Шершень.

— Давай, Степан Петрович, гони мухой, — приказал Барин, — привезешь мне кассету, а я послушаю.

Глушитель исчез в дверях, а Шершень спросил:

— А правда что ты автокатастрофу устроил, где погиб твой предшественник, а ты его место занял?

— А кто тебе это сказал? — склонил голову Барин.

— Денис говорил, когда мы в Москве встретились, — соврал Шершень.

— Нет, я тут ни при чем, — в свою очередь соврал Барин, — была комиссия, все расследовали. Это был несчастный случай. Воистину у Дениса был слишком длинный язык. А что он тебе еще рассказывал?

— Да, ничего такого больше, — ответил Шершень.

— И второе, если собираешься у нас работать, то меня нужно звать на «вы», — объяснил Барин, — Виктор Исаакович меня зовут.

— Извините, Виктор Исаакович, — изрек Шершень, — мне в туалет очень хочется. И по большому, и по маленькому. Я уже давно терплю.

Барин брезгливо сморщился и сказал:

— Сейчас позову бойцов, они тебя сопровождают в сортир.

Он вышел за дверь, прошел по коридору и зашел в комнату, где майор Барашко гладил потной ладонью под столом толстую секретаршу, а она что-то искала в компьютере и взвизгивала игриво:

— Ну, хватит, товарищ майор!

Барашко сопел и пускал слюни. Томные его глазки закатились, а ножки подрагивали в конвульсиях. Увидев Барина, оба вскочили.

— Ничего не найдено, Виктор Исаакович, — отрапортовал Барашко.

— Не там ищешь, — сказал ему на это Барин, и секретарша густо покраснела, — выйди, девушка, я ему что-то скажу.

Секретарша колобком выкатилась из комнаты, Барин плюхнулся на стул и произнес:

— Дурак этот парень. Купился на мое предложение. Я ему работать на себя предложил, он и раскололся. Но может быть и хитрит. Пока непонятно. С другой стороны у него теперь никакого выхода нет, кроме этого. Понятно?

И хотя Барин просто рассуждал вслух, майор Барашко торопливо закивал головой.

— У вас пиджак сзади запачкался, Виктор Исаакович, — сказал он, — надо протереть щеточкой.

— Протри, — разрешил Барин.

Майор Барашко засуетился, полез в ящик стола, достал щетку и стал по лакейски старательно тереть рукав пиджака Барина, который где-то прикоснулся к побелке. А Барин продолжал рассуждать:

— Сейчас Глушитель съездит за кассетой, привезет ее, послушаем и сожжем ее. А потом по-тихому погрузим этого Питерского «орла» в воронок и на очистных спустишь его в трубу. Да, возьми с собой Глушителя, ему приятно будет видеть, как поддыхает этот Джон Рембо. Он то его в речке голого держал, пусть и Степа над ним поглумиться! Ясно?

— Ясно, все сделаем, — воскликнул верный пес Барашко.

— Утром же вызовешь всю эту семейку покойного Дениса Шарандо, — продолжил Барин, — мать, отца и двух сестер и хорошенько попресуешь. Ну, ты это умеешь, что тебя учить. Чтоб заглохли и не вякали. Понял, Барановский?

— Так точно, — ответил майор Барашко, — все сделаем. Только на очистных могут случайно найти ноги и руки отдельно. Зачем нам лишние разговоры, лучше мы ему камень на шею и по-тихому опустим в хвосты.

— Или так, — согласился Барин, — как хочешь. Хотя в трубе было бы поучительнее. Эх, жизнь, штука сложная. Был человек и пропал. Куда делся никто не знает ни милиция, ни врачи, ни свидетели. Где его искать? Неизвестно. Правильно Барнаульский?

— Правильно, — согласился майор Барашко, — так сделаем, что никто не подкопается!

— А потом на завтрашний день, продолжил Барин, — на его паспорт возьмешь билет до Питера, пусть пройдет по ихней базе, что он от нас благополучно уехал и пропал по дороге отсюда до Питера. С нас тогда вообще спроса никакого!

— Так точно, — отчеканил Барашко, — все исполним в лучшем виде! Пиджачок ваш чист, как новый!

— Молодец, Барашко, хвалю за службу, — торжественно произнес Барин.

Майор просиял. От Барина не было большей благодарности, чем то, что он назвал его фамилию правильно, без издевательства. Это был хороший знак, и майор испытал чувство глубокого удовлетворения.

В этом месте необходимо сделать отступление и объяснить, что такое «труба» о которой говорил выше Барин и что такое «очистные». Труба — это желоб диаметром около трех метров, где текут со скоростью двух метров в секунду отходы из цехов комбината. А качают все это супермощные моторы, которые крутят четыре огромные лопасти. Общая длина трубы триста с лишним метров. Если запустить человека с самого начала трубы и до конца, то человек поплывет почти по поверхности, потому, что отходы представляют собой густую взвесь, которая человека держит и не дает ему утонуть.

Вот плывет этот несчастливчик, цепляется за скользкие гладкие стены и слышит вдали рев лопастей, которые порубят его на мелкие кусочки, как капусту. А ближе уже видит, как все это крутится с бешеной скоростью. Ужас! Доли секунды проходят и бац! — был человек и нет человека. А потом выкинет из лопастей отдельно руку или ногу и валяется она на поверхности, потому что легкая и утонуть в этой жиже не может. Увидят работяги и пойдут лишние разговоры. Этого и боялся Барашко.

А хвосты — это те самые отходы, что текут в трубе, только в форме болота. Тонуть в них тоже не сладко, но все-таки не так долго, как в трубе. Хотя, как на это посмотреть. С какой точки зрения. Взвесь отходов в легкие идет медленно, как густой клей. Захлебываться этой грязью тоже перспективка не радостная, и очень пугающая. Но Барина это совершенно не волновало.

— И еще Барашко, — добавил Барин, — сейчас же возьми двух надежных бойцов с оружием и отведи этого парня в туалет писать и какать. Наручники с него не снимайте, пусть так испражняется. А секретарше своей толстозадой скажи, чтобы чаю мне сделала с печеньем.

— Все исполним в пять секунд! — пообещал Барашко и рванулся выполнять высочайшее повеление.

— Пупкиова, где ты, бегом ко мне, — закричал майор, выскочив в коридор, — Пупкиова, ты где?

При этом он испуганно озирался, суетился и вращал глазами в поисках Пупкиовой. Толстозадая секретарша лениво выплыла из соседнего кабинета и протянула гнусаво:

— Ну, чего?

— Быстро чаю с печеньем Виктору Исааковичу! — майор дрожал от возбуждения при выполнении поставленной задачи.

Казалось он вот-вот испытает оргазм.

— Где я печения-то возьму? — прогнусавила секретарша. — У меня печения нет!

— Быстро заслать бойцов в магазин, купить лучшего печения, лучшего чаю и лучшего сахара, — приказал Барашко.

— Сахар весь одинаковый, — ответила секретарша Пупкиова, — деньги давайте.

Майор Барашко полез в карман, наскреб там два рубля, повертел их в ладонях и сказал:

— Возьми на свои, я потом верну.

Пупкиова тяжело вздохнула, потому что майор обладал свойством не исполнять своих обещаний, но спорить с начальством не имела права и поэтому медленно пошла к бойцам с поручением.

— Быстрее, Пупкиова, — закричал начальник милиции, — быстрее, Виктор Исаакович ждет чаю с печеньем.

Он заглянул в кабинет, в котором были свалены в груды грязные чашки лучшего в их отделении чайного сервиза, и крикнул вдогонку Пупкиовой:

— И помой-ка ты вот это, само собой!

Пупкиова медленно обернулась, и глаза ее метнули молнии. Еще бы, ведь она услышала эту фразу в следующей интерпретации: «И помойка ты, вот это само собой!». То есть, как бы она, Пупкиова — помойка!

— Что ты сказал? — возмущенно пропела Пупкиова.

— Я сказал, помой-ка! — разгневался начальник.

— Ах, так, — закричала Пупкиова, — как за сиськи меня щипать и по коленкам гладить, так я киска и солнышко! А как теперь, так помойка! Я, значит, помойка, само собой! А ты тогда старый похотливый козел и импотент!

— Что-о? — вскипел майор Барашко. — Ты как разговариваешь с начальством? Да, я тебя...

— Что? Что ты меня? — глумливо насмехаясь, спросила Пупкиова. — Что ты мне сделаешь, скотина? Только тронь меня, и я твоей жене расскажу, что ты под своим столом в кабинете ежедневно нализываешь!

И она многозначительно похлопала себя пухленькой ладонью по тому месту, о котором в приличных местах не упоминают. Барашко побагровел и стал шумно пыхтеть, как паровоз на растопке. Показалось даже, что сейчас из его ушей со свистом повалит пар. Пупкиова презрительно взглянула на морально раздавленного начальника милиции. Он был похож на блин, который придавила тяжелая сковородка нравственной вины перед обманутой супругой.

Барашко так и не понял, отчего вдруг Пупкиова так оскорбилась и ушла. Но ни это его

тревожило сейчас. Главное, чтобы Барин не слышал весь этот их спор в коридоре. Хрен с ней с Пупиковой, он и сам сможет посуду помыть и сделать хозяину чаю.

По натуре своей майор Барашко был плебеем с лакейскими прихватами, к тому же дело свое знал хреново, руководил милицией через пень-колоду, оттого и в городе творилось невесть что. Но зато он хорошо целовал начальству попу и поэтому начальство на своем посту устраивал. А что до простых смертных, так какое дело сильным мира сего до простых смертных. Повременив пока с первым поручением, Барашко принялся за второе.

— Петров и Стяжкин, — снова закричал майор, — быстро ко мне бегом!

Незамедлительно появились два милиционера, экипированные по полной программе — с дубинами, газовыми баллончиками и пистолетами. Не хватало только автоматов Калашникова наперевес. Они построились в шеренгу перед начальником и вытянулись по струнке.

— Задача у нас такая, — сказал майор, — шагая взад-вперед перед строем из двух человек. Сводить в туалет задержанного.

Петров и Стяжкин разочарованно вздохнули. Они-то думали, что будут выполнять боевую задачу, а тут такая унижительная работа.

— Но, но, — прикрикнул майор Барашко, — не думайте, что это также легко, как гусей пасти!

Начальник милиции любил образы и сравнения. Он постоянно говорил:

— Не думайте, что это так же легко, как на скрипке играть!

Или по другому:

— Не думайте, что это так же легко, как картины писать!

Но сегодня он остановился на хотя бы гусях, хотя представления не имел о том, как пасти гусей и где, вообще, их пасут.

— Наручники с него не снимайте, а то он буйный, — приказал вдогонку Петрову и Стяжкину начальник, и бросился контролировать исполнение первого поручения Барина, которое посчитал несомненно более достойным внимания, чем второе.

Два навороченных милиционера только ухмыльнулись, слушая указания майора Барашко. Это происходило оттого, что бывалых милиционеров переполняло тяжелое провинциальное самомнение. Петров и Стяжкин считали, что если они без труда справляются с местными алкашами и шантрапой, то нет на свете такого богатыря, который бы мог победить Петрова и Стяжкина. Не родился такой, а если родился, то на бой еще не сгодился.

Поскольку Петров и Стяжкин уже были наслышаны о том, что этот парень, который сидел прикованный к стулу раскидал в кафе «бультерьеров» Глушителя, то это добавляло еще более презрения и высокомерия их по отношению к Шершню. Петров и Стяжкин вошли в комнату, где томился в ожидании туалета Шершень, и нагло уставились на него.

— Этот что ли «доход» в кафе «бультерьерам» рыло начистил? — спросил, как бы не зная вопиющего факта, Петров.

— Этот пидар, — поддержал диалог Стяжкин.

— Че, крутой, мудила? — нараспев произнес Петров, — только у нас не закрутеешь, быстро на звездюли раскрутишься. Мы и не таких ломали...

— Меня ломать не надо, — миролюбиво произнес Шершень, — только бы в туалет отвести...

— Ты, заткнись, козлиная рожа, — прикрикнул Петров, — пойдешь, когда мы тебе

разрешим, скотина. Ишь, раскукарекался.

И при этих словах, в которых Петров перечислил половину скотного двора, он с размаху ударил резиновой дубиной Шершня по спине в область шеи. Шершень сморщился от боли, и у Петрова это вызвало смех, похожий на бляение овцы и хрюканье свиньи одновременно.

— Стяжкин, снимай с этого «зефира» наручники, — отсмеявшись, сурово приказал Петров.

Он был по званию старшина, а Стяжкин только лишь сержант, поэтому Петров и командовал Стяжкиным.

— Майор сказал наручники не снимать, — попытался воспротивиться Стяжкин, — этот «зефир» буйный.

— Мы его быстро усмирим, — усмехнулся Петров и погрозил дубиной мировому пространству.

Петрову очень хотелось, чтобы этот «буйный» кинулся на них в драку, и они вдвоем со Стяжкиным уделали его своими резиновыми дубинами, а потом сказали начальству с гордостью:

— Че там эти ваши «бультерьеры»? Вчетвером не смогли с одним козлом справиться! А вот мы вдвоем его отхерачили за милую душу!!!

Естественно, что милиция недолюбливала «бультерьеров», а «бультерьеры» милицию. Но поскольку они все-таки были двумя руками одного организма, то в прямое противоборство не вступали, но все-таки каждая из сторон стремилась подчеркнуть Барину, что именно она сильнее и надежнее хранит его великие интересы.

Вот поэтому, повинаясь старшему по званию, Стяжкин отстегнул наручники, а Петров прокомментировал это так:

— Хорошее дело наручники не снимать! А кто ему писю будет держать, я что ли? Может ему еще и попку подтереть?

Стяжкин, согнувшись пополам захихикал, затем отстегнул от стула задержанному одну руку и принялся снимать наручник со второй. Вдруг Шершень резко вскочил, схватил Стяжкина за шиворот и с силой направил его, как ракету, полусогнутого головой в живот стоящему в позе римского патриция старшине Петрову. Летящий, как истребитель Стяжкин протаранил растерявшегося Петрова, и это на мгновение привело их стройные ряды в замешательство.

Но, не забываяем о том, что Петров только что и ждал возможности отличиться, прогнаться и заслужить похвалу начальства, поэтому оттолкнув несчастного Стяжкина так, что тот негегло упал, бравый милиционер кинулся в атаку на Шершня с дубиной наголо. Петров был чемпионом города по ударянию дубиной кого попало. Если бы по этому виду спорта проводились мировые чемпионаты, то Петров, возможно, занял бы первое место. Но поскольку не проводились, то Петров держал первенство только в своем маленьком городе.

Но Шершня тоже долго и нудно учили обороняться не только от дубины, но и от сабли, и даже от вил. Поэтому Петров впервые в жизни неожиданно для себя позорно промазал. Кроме того, что он промахнулся, быстрый Шершень его руку с дубиной жестко перехватил.

Обычно Петров при изнурительных ежедневных тренировках на дежурстве, от нечего делать ударял дубиной по воздуху и твердо останавливал свою кисть на высоте собственного пупка. А тут его кулак принудительно заставили двигаться дальше, и вся рука Петрова описала полный круг в сто восемьдесят градусов, а тело, подчиняясь законам физики и кинематики, тоже пришло в движение. Из-за этого Петров мягко оказался на полу,

прокрутившись вокруг собственной оси, как юла и позорно сел на попу.

Шершень отпустил его руку, схватил Петрова за правый погон и на мгновение рука Шершня превратилась в иголку от швейной машинки — кулак отлетал от изумленного лица Петрова с такой скоростью, что за ним невозможно было уследить. Погон оторвался, Петров с искореженной мордой мягко опустился на спину и уплыл в мир снов.

Стяжкин, видя такое дело, попытался встать и почему-то достал не пистолет, а металлический никелированный свисток. Он уже было собрался свистнуть, как вдруг свисток от удара ноги Шершня прошел сквозь зубы Стяжкина и застрял в районе неба. А от удара по шее выскочил изо рта и упал на пол. А потом было еще несколько ударов Шершня, от которых сознание милиционера помутилось, и он быстро догнал Петрова в мире снов. Там в мире снов, Петров и Стяжкин были с крыльями, и они летели вдвоем по вечнозеленому саду навстречу великой мечте.

Шершень забрал у милиционеров оба пистолета, вместе с одной кобурой и двумя запасными обоймами. Он вышел из кабинета, закрыл пребывающих в мире снов милиционеров на ключ, который торчал из двери и, повернувшись, столкнулся с майором Барашко, который держал в руках поднос с чашечкой горячего ароматного чая и тремя вазочками печенья. Барашко остолбенел.

— О, чаек, спасибо, — сказал Шершень и отхлебнул из чашки.

— Много сахара, — констатировал он и поставил чашку обратно на поднос.

— Барин... так... любит, — изрек озадаченный майор и спросил, — а чего это ты, а?

— Дай-ка я ему сам чай отнесу, — предложил Шершень и взялся за поднос руками, чтобы он не упал, когда Шершень двинет по яйцам майору.

— Ай, — сказал Барашко, получив точно в промежность носком ноги.

Он, и так-то испытывал проблемы с эрекцией, а тут его еще бьют ногой по яйцам! Но выразить свое возмущение майор уже не мог. Лицо его стало белым, как свадебная фата невесты, его перекосило от бровей к ушам, и Барашко сполз по серой стене на заплеванный пол.

Шершень отворил дверь и вошел с подносом в кабинет, где восседал Барин. Хозяин города в это время как всегда с надменным видом разговаривал по телефону. Он только бросил взгляд на вошедшего, ожидая, по-видимому, Барашко, но когда он увидел, кто вошел, то в глазах его мелькнуло изумление и даже испуг. Но только на доли секунды. На то он был и хозяин. Барин положил трубку, и лицо его приняло покровительственно гордое выражение.

— Молодец, — произнес он, — хвалю. Умешь...

— Заткнись, — сказал ему Шершень, поставил поднос на стол, достал из кобуры пистолет и приставил к затылку Барина сзади, обойдя стул.

Барин непроизвольно поднял руки.

— Что такое, — неподдельно удивился Барин, — а как же наше соглашение о том, что ты будешь у меня работать?

— Соглашение? — усмехнулся Шершень. — Я с такими, как ты, соглашений не заключаю! Потому что если тебе поверить, то можно здорово поплатиться за это. Как с Денисом и получилось!

— Но то был другой случай, — попытался отпираться Барин, — у нас с тобой был честный договор.

— Честный? — усмехнулся Шершень.

— Да, честный, — подтвердил Барин, — зарплата, квартира, машина, все остается в силе. Так, что перестань уже, это не смешно!

— Я долгое время занимался ушу, — задумчиво произнес Шершень, — изучал психологию, и поэтому на девяносто процентов могу определить, когда человек врет, а когда говорит правду. Сегодня вечером ты врал почти постоянно. И неужели ты думаешь, что у меня с тобой могло быть какое-то соглашение?

В это время в кабинет по стеночке вполз майор Барашко. В руках он сжимал пистолет, дуло которого гуляло слева-направо.

— Руки вверх! — прохрипел он, потирая левой рукой ушибленные яйца.

— В одном ты не врал, — сказал Шершень, — у тебя действительно одни дебилы работают. Майор, кому ты говоришь руки вверх?

— Тебе! — ответил майор.

— Пошел вон отсюда! — гаркнул на него Барин. — Не видишь, что он пистолет к моей голове приставил?

— А-а, — понял майор и поспешил удалиться, пятась задним ходом на четвереньках, как рак.

— Стоять! — приказал ему Шершень и обратился к Барину. — Скажи своим подхалимам, что мы с тобой сейчас выйдем, чтобы все стояли лицом к стене, до той поры, пока мы не сядем в машину, а то я ей богу прострелю твою огромную башку.

— И куда мы пойдём? — спросил Барин.

— Мы не пойдём, а поедем, — объяснил Шершень, — у тебя какая машина?

— Джип, — ответил Барин, — черная «Тойота».

— Годится, — кивнул Шершень, — спокойно, без лишних движений встаем, выходим из здания, садимся в машину и едем. Ты за рулем, а я сзади. Никакой автомобиль, никакой человек не приближается к нам ближе, чем на десять метров. И помни, я всегда успею тебя застрелить. Даже умирая, мне хватит на это времени.

— Я понял, — согласился Барин.

Так его давно не унижали и поэтому, чувствуя себя неловко, он прикрикнул на майора Барашко:

— Чего стал безмозглая тупая скотина! Делай, что тебе говорят!

Через полминуты Шершень появился внизу возле дежурки, толкая впереди себя Барина, которого держал левой рукой за шиворот, а правой прижимал к его затылку пистолет. Все присутствующие в отделении милиционеры, включая и самого Барашко и секретаршу Пупикову стояли лицом к стене не препятствуя выходу Шершня и его заложника из здания.

Время было позднее, народу на улицах почти не было, и поэтому никто не обратил внимания на то, как хозяина города тащат по улице с пистолетом приставленным к голове. Машина Барина была не закрыта, за рулем сидел шофер. Увидев такую неожиданную картину, он от удивления открыл рот.

— На землю, лицом вниз, руки за голову, — приказал ему Шершень и шофер с быстротой молнии исполнил приказание. Уселись в автомобиль, как и договаривались — Шершень сзади, а Барин впереди за рулем.

— Телефон есть? — спросил Шершень.

— Есть, — ответил Барин.

— Дай мне его, я буду звонить, а ты поезжай на улицу Космонавтики к дому напротив магазина «Ночной».

Барин протянул Шершню телефон, нажал на газ и выехал на дорогу.

— Ну и что дальше-то? — спросил он. — Что ты будешь делать, я не пойму? Кассета, которую Глушитель наговорил, он же и заберет со своей дачи. А я тебе не скажу ничего, хоть ты меня на части режь.

— Да, нету там никакой кассеты у Глушителя на даче, — спокойно ответил Шершень, — я ее в другом месте спрятал.

— Сука ты, — Барин вопреки своему спокойствию даже вышел из себя.

Шершень не обратил внимания на ругательство Барина. Тем временем они подъехали к дому, где жила Лиза с семьей. По правде говоря, у Шершню плана никакого не было, кроме того, чтобы защитить семью Дениса. В зеркало заднего вида Шершню заметил, что за ними следует милицейский «козлик». Но такой эскорт Шершню не испугал. Он набрал номер родителей Лизы, и к его радости, ответила она сама.

— Привет, — сказал Шершень, — ты где была?

— Я? — Лиза явно замялась с ответом. — А ты где?

— Я в машине под твоим окном, — ответил Шершень, — у вас там «бультерьеры»?

— Да, тут рядом стоят, — ответила Лиза.

Ее голос удалился и трубку схватил Каратель. Шершень услышал, как он грубо спросил у Лизы о том, кто это звонит, и заорал в трубку:

— Ты, бля, ты где, я тебя отутюжу!

— Заткнись, «утюг» хренов, — прервал поток брани Шершень, — а то спирали перегорит от натуги, сейчас с тобой Барин будет говорить.

— А чего я ему скажу? — не понял Барин.

— Скажи, чтобы Лизу выпустили на улицу, — пояснил Шершень, — пусть она подойдет и в машину сядет.

Барин в точности исполнил указание. Все-таки становишься послушным, когда тебе в голову упирается дуло пистолета. Лиза выскочила на улицу секунд через пятнадцать, растерялась, ища машину, увидела черный джип, из которого махал ей рукой Шершень. Увидела, улыбнулась, подбежала и села к Шершню на заднее сидение. Осмотрелась и спросила:

— Ты чего Барина к себе в шоферы взял?

— Пришлось, хотя он хреново ездит, — ответил Шершень, — мы тут чуть не застряли на повороте.

— Это потому, что ты мне своей пушкой в затылок тычешь, — объяснил Барин, — это меня отвлекает. Да и не ездил я давно за рулем.

— Тренируйся, — сказал Шершень, — на лесоповале в зоне пригодится. Может быть, в шофера возьмут.

— Пошел ты со своими шутками, — ответил Барин, — сам первой сядешь.

— Ты, ты, сядешь, Барин, — сказала Лиза, — теперь уже ты ни от чего не отвертишься! Лиза ерзала на сидении, и было видно, что ей что-то хочется Шершню рассказать.

— Ты что-то узнала? — поинтересовался Шершень.

— Кое-что узнала, но этот мешать будет, лучше бы он не слышал, — ответила Лиза.

Шершень пальцем руки несильно ударил в шею Барину, тот обмяк и уронил буйную голову на грудь.

— Все, можешь говорить, — сказал он Лизе.

— Ни фиги себе, — удивилась Лиза, — это что можно любого так вырубить?

Шершень утвердительно кивнул.

— И что он не очнется?

— Минут десять точно будет отсутствовать, — ответил Шершень.

— Научишь меня? — попросила Лиза.

— Научу, но не сейчас, — пообещал Шершень, — сначала расскажи, чего ты узнала.

— Короче дело было так, — начала рассказ Лиза, — я пришла домой, когда ты меня высадил. Мама ругалась, что, я, мол, долго хожу, и что им звонили, рассказали о драке этой в кафе. Но я ее слушать не стала, пошла к Таньке в комнату. Та, как обычно, плачет. Начала она все вспоминать, как они с Денисом познакомились на первом курсе, как дружили. И что ей жить не хочется, говорила, и что только ребенок ее на этом свете и держит. Короче, депрессия у нее по полной!

— Надо думать, — согласился Шершень.

— Потому я постаралась разговор на другую тему перевести, — продолжила Лиза, — на тот материал, который Денис накопал. А она говорить отказалась. Ничего говорит не знаю и знать не хочу. Ну, я давай вспоминать, как мы в Интернете копались вместе, все втроем. И тут Татьяна лягнула про страничку в сети. Что, мол, Денис делал себе страничку и туда закачивал свои документы. Меня как током ударило! Я подумала, точно, все это, что нам нужно, в сети лежит! Ведь, если он где и прятал еще один дубль того, что на Барина нарыл, то только в Интернете! Но где, на каком сайте?

— Где? — автоматически спросил Шершень.

— Я спросила у Танюхи адрес сайта, она говорит, что не помнит. Помнит только, что «ру», а что даст это «ру», если все русские сайты на «ру» заканчиваются. Потом она просекла мое любопытство и закрылась. Вообще замолчала. Сказала мне, что из-за всего этого мужа потеряла, а теперь еще и сестру терять ей не хочется. Ну, я ноги в руки и бегом к Пню. Мать, правда, орала!

— погоди, погоди, не части, — остановил ее Шершень, — ничего не пойму. К какому Пню?

— Это кликуха такая у парня, — объяснила Лиза, — Пень его зовут.

— Тупой, что ли? — не понял Шершень.

— Нет, что ты, наоборот, — пояснила Лиза, — он лучший компьютерщик в городе, любой сайт может взломать. Ну, из-за болезни его компьютерами его и прозвали сначала Пентиум, потом Пентюх, а потом сократили до Пня.

— А, — понял Шершень, — ну, и что этот Пень-Пентиум?

— Между прочим, в меня влюблен, — кокетливо сказала Лиза.

— Это хорошо, но давай ближе к делу, — поторопил Лизу Шершень.

Все-таки они сидели в машине Барина в окружении уже двух милицейских «козлов».

— Да, ну, тебя на фиг, — обиделась Лиза, — ты как чурбан деревянный.

— Это почему? — не понял Шершень. — Что я такого сказал?

— Да, ничего, — махнула рукой Лиза, — так вот, я прибежала к этому Пню и говорю ему ищи в поисковиках имя Денис Шарандо.

— В каких поисковиках? — спросил Шершень.

— Ты чего, совсем в компьютерах не шарить? — спросила Лиза.

— Нет, — честно признался Шершень.

— Тогда я тебе как ребенку буду объяснять, — сказала Лиза, — поисковики, это такие специальные сайты...

— Кто, кто? — переспросил Шершень.

— Сайты, — ответила Лиза, — ты, что и этого даже не знаешь? Слушай, ну, у нас тут не курсы компьютерной грамотности, поэтому я тебе передам только самую суть. Попробую без терминов. Значит, мы искали имя Денис Шарандо в Интернете. На удивление нашлось достаточно Денисов Шарандо, мы фильтровали, отсеивали. Ну, Пень, он в этом разбирается, молодец! Хорошо еще, что у Дениса такая редкая фамилия, а если бы была какая-нибудь распространенная Иванов, Петров, Сидоров, точно не нашли бы. Сидели больше часа, работали и отыскивали его сайт, где он может и хранит нужные нам данные.

— И вы посмотрели?

— И ни фиги туда не войти, — ответила Лиза, — потому что поставлен пароль. Логин Пень быстро подобрал, а вот пароль.

— Логин это что? — спросил Шершень.

— Это имя интернетовского пользователя, — объяснила Лиза, — мы его фамилию написали латинскими буквами, получилось «sharando» и подошло сразу же. А вот с паролем мучались, мучались и не узнали.

— Плохо, — покачал головой Шершень.

— Но это еще не все, — продолжила Лиза, — так есть такая функция специальная. Называется «Если вы забыли пароль». Например, ты забыл пароль, тебе задают специальный вопрос, ты отвечаешь, тебе присылают новый пароль, и ты снова можешь работать.

— Ну и что там за вопрос? — спросил Шершень.

— Ваше прозвище в школе, — ответила Лиза, — откуда я знаю, какое у него было прозвище в школе. Я сначала расстроилась, а потом подумала, что ты-то, наверняка, должен его помнить!

— Помню, конечно, — улыбнулся Шершень, — его звали Струя. Он длинный был в детстве и худой. Кто-то сказал «струя», так и приклеилось.

— Здорово! — обрадовалась Лиза. — Эх, если бы я знала его прозвище, мы бы уже начали информацию скачивать! Слушай, а что теперь делать будем? Поехали к Пню, залезем в Интернет, посмотрим, что там лежит на сайте.

— погоди, — остановил Лизу Шершень, — не надо твоего друга больше засвечивать. Сделаем по-другому. Как ты думаешь, у вас в городе сотовые милицией не прослушиваются?

— Я думаю, нет, — ответила Лиза, — связь через областной город, поэтому руки у наших ментов и службы безопасности коротки.

— Тогда позвоним в Питер моему брату Мише, — сказал Шершень, — он занимается компьютерным дизайном и в Интернете тоже регулярно ползает. Пусть он там, в Питере и посмотрит. Только ты ему объяснишь все сама.

— Хорошо, — согласилась Лиза.

Шершень набрал номер и в телефоне Барина ответил знакомый голос брата.

— Привет, Миша, — сказал с улыбкой Шершень, — как дела?

— О-о, брательник, здорово, — закричал в трубку Михаил, — ты откуда? Как на свадьбе погулял?

— Потом расскажу, Миша, дело есть, — прервал его Шершень, — я тебе дам сейчас Лизу, она все объяснит.

— Лизу, — переспросил Миша, — это хорошо, что у тебя Лиза завелась.

— Сам ты завелся, — ответила ему Лиза, — привет.

— Привет, мамзель, — поздоровался Михаил.

— У тебя Интернет есть? — спросила Лиза.

— А как же, — ответил Михаил, — без него никак.

— Пиши адрес, — Лиза продиктовала Мише адрес латинскими буквами, — записал?

— Записал, — ответил Миша, — а что это?

— Теперь запиши логин, — Лиза продиктовала логин, — а пароль доступа узнаешь следующим образом. Напишешь там, на сайте, что забыл пароль, тебя спросят контрольный вопрос «Ваше прозвище в школе», а ты ответишь «Струя». Запомнил?

— Что это вы чужие сайты взламываете? — удивился Миша.

— Ты все запомнил? — переспросила Лиза.

— Да все запомнил, — ответил Миша, логин «sharando», пароль узанаю, когда отвечу на вопрос. Ответ «Струя».

— Молодец, — сказала Лиза и отдала трубку Шершню.

— Тут, Михаил, такое дело закрутилось, — объяснил Шершень, — Дениса убили, а на этом сайте должны быть документы обличающие его убийц. Постарайся открыть.

— Да ты что? — удивился Михаил. — Конечно, помогу, не вопрос! Позвони мне через час на мой сотовый, потому что свой домашний я сейчас займу под Интернет.

— Хорошо, перезвоню, — пообещал Шершень.

Он отключился и посмотрел на Лизу:

— Что будем делать теперь? В машине ждать?

— Давай этого борова затащим к нам домой, и займем круговую оборону, — предложила Лиза.

— Слишком много шума может подняться, — не согласился Шершень, — надо уехать из города куда-нибудь в пустынное место, только куда? В лес сейчас не проедешь, потому что зима, дороги все снегом завалило. Твоих родителей и Таню с собой мы бы взяли, переждали бы пока Михаил информацию скачает, и нужным людям передаст. Главное, чтобы она там была эта информация.

— В лес, говоришь, поехать? — задумчиво произнесла Лиза. — А если полететь?

— Что ты имеешь в виду? — не понял Шершень.

— У Барина в лесу есть заимка, — начала повествование Лиза, — где он любит «зависать» по выходным с друзьями. Там из простых смертных никто не был. Но поговаривают, что там у него целый дворец, рыба, специально разведенная, сама из реки в руки прыгает, кабаны, зайцы олени прикормлены для охоты. Даже, говорят, бассейн есть. Для полетов туда за городом «под парами» всегда приготовлен вертолет, ждет, когда Барин соблаговолит полететь. Давай его разбудим и заставим нас везти туда. Отсидимся в лесу, пока все это дело не примет форму нашей победы над несправедливостью.

— Слушай, а это идея, — кивнул Шершень, — сейчас позвоним твоим, а пока я этого толстяка разбужу.

Шершень движением кисти привел Барина в чувство, тот очнулся, испугался:

— Что это? Где это я? Заснул? Надо выходить? — забормотал он.

— Сидеть, — приказал ему Шершень. — Еще не приехали.

— А-а, — вспомнил Барин, — это ты. Что это я вырубился?

— Перенервничал, наверное, — предположил Шершень, — хороший отдых в лесу не помешал бы. Скажем, на заимке. Как ты насчет такой идеи?

— На какой заимке? — переспросил Барин.

— А на твоей, — ответил Шершень, — в лесочке с рыбой в реке, с бассейном и

животными в лесу. Полетели?

— Слушай, — сказал Барин, — сколько веревочке ни виться, а кончику быть. Ну, слетаем мы на заимку, посидим там, а что дальше то? Рано или поздно тебе придется сдаться. После того, что ты наделал, тебе срок светит. И очень длинный.

— Вместе будем сидеть, — пообещал Шершень, — ты не обо мне пекись сейчас, а о себе, потому что положение твое незавидно. Отдавай указание, чтобы через час вертолет был готов.

— И не подумаю, — сказал Барин, — меня ты не убьешь, потому что я тебе нужен. Не было бы сейчас меня здесь в машине, то ее бы давно из автоматов изрешетили. Так что я твой щит, и ты меня не тронешь.

— Убивать я действительно тебя не намерен, — ответил Шершень, — потому что я хочу отдать тебя в руки правосудия. А вот колена, например, я тебе могу прострелить. А это очень и очень больно.

В это время в руках Лизы зазвонил сотовый Барина. Шершень взял его и отдал хозяину, на всякий случай предупредив:

— Ты знаешь, что говорить.

Барин приложил трубку к уху и буркнул: «Алле!».

— Виктор Исаакович, как вы? — Шершень узнал испуганный голос начальника милиции майора Барашко.

— Я нормально, — буркнул Барин.

— Может быть, начать штурм и освободить вас? — предложил майор.

— Ты чего говоришь, дебил? — рассердился Барин. — Он же рядом и все слышит! Не выпускайте никого больше из квартиры! Будем менять их на меня!

Шершень врезал Барину по уху и отнял телефон. Барин, которого никто не смел ударить с самого детства и до седины был очень возмущен! Он вскипел:

— Ты что делаешь, паскуда? Ты кого бьешь?

— Знаешь, что Барин, — спокойно сказал Шершень, — я устал с тобой торговаться.

Он коротко размахнулся и ударил Барина пальцем в область шейных позвонков. Тот ойкнул и сморщился от боли.

— А теперь открывай дверь и вали отсюда, — разрешил Шершень.

— Ты что делаешь, — испугалась Лиза, — нас же без него убьют?

Шершень лишь сжал кисть ее руки в знак того, что все идет, как надо. Барин не шевелился и не спешил уходить. Он просто заплакал. Натурально заныл:

— А-а-а, что ты сделал? Я не могу шевелиться... У меня руки и ноги отказали...

— Это для примера, я тебе объясняю, — объяснил Шершень, — еще раз ударю, отнимется речь и начнется непроизвольное мочеиспускание, а потом последним ударом закреплю все это на твой остаток жизни. Мы обменяем тебя на родственников Лизы, но до самой смерти ты останешься растением? Хочешь быть растением?

— Нет, нет, нет, — испуганно промямлил Барин, — я все понял.

Барин действительно испугался. Он никогда не видел такого фокуса, чтобы удар пальца приводил человека в такое оцепенение. Ему не хотелось весь остаток жизни провести в инвалидном кресле, какая и писая в утку.

— Вылечи меня, — попросил он Шершня, — мне страшно. У меня руки не шевелятся... и ноги... трудно дышать...

— Вылечу, — пообещал Шершень, — дай команду, чтобы родственников Лизы

отпустили и доставили к нам в автомобиль. И запомни, я стреляю так же метко, как бью. Так, что без лишних телодвижений. Но перед тем, как их посадят к нам в машину, ты дашь указание готовить вертолет.

Барин так был напуган собственным неожиданным параличом, что в точности исполнил предписания Шершня, когда тот набрал ему номер, который Барин указал. Торопливо и испуганно Барин приказал готовить вертолет и вывести пленников в целости и сохранности. Барина никто не смел ослушаться и поэтому уже через десять минут все — мама Лизы, ее отец и Таня сидели в машине.

— Что вы затеяли? — спросил отец, адресуя вопрос в основном Шершню. — Вы втравили нас в неприятности! Бал у нас один убитый, а теперь нас всех прикончат!

— Послушай, что мудрый человек говорит, — вставил Барин.

— У тебя уже прошел паралич? — спросил Шершень.

Барин моментально заткнулся на эту тему и начал новую:

— Ты обещал меня вылечить!

— Само пройдет минут через пять, — сказал ему Шершень и объяснил родственникам Лизы, — у нас есть доказательства вины Барина в убийстве Дениса. И он понесет наказание. А нам необходимо отсидеться пока около суток, чтобы охрана Барина до нас не добралась. Тем более, что Барин приглашает нас к себе в гости на заимку и мы не можем от такого заманчивого предложения отказаться.

Барин шевельнул рукой.

— Вы умеете водить машину? — спросил Шершень у отца Лизы.

— Умею, — ответил он, — у нас же «Нива» была. Потом мы ее продали. А гараж остался.

— Это хорошо, — прервал словоохотливого рассказчика Шершень, — садитесь за руль, а ты, Барин, перелезай на сидение пассажира.

Толстого Барина с трудом стали перемещать в салоне, а отец Лизы вышел и оббежал джип со стороны капота. И в это время из милицейской машины, стоящей впереди зачем-то выстрелили из пистолета. Естественно, не попали, но напугали женщин и отца Лизы, да и самого Барина сильно. Он схватился за телефон, набрал номер и стал орать:

— Кто стрелял? Поубиваю всех! Дебилы! Недоноски! А если бы вы в меня попали?

— Вертолет готов? — спросил Шершень.

— Вертолет готов? — продублировал в телефон вопрос Барин. — Готов! Отлично!

— И чтоб в округе никого в пятидесяти метрах, — приказал Шершень, — и в салоне только пилот!

Барин слово в слово продублировал то, что сказал Шершень и буркнул, что можно ехать. Он, как ребенок радовался вновь обретенной подвижности суставов и конечностей. Отец Лизы нажал на газ, и они поехали в сторону «карманного» аэропорта Барина. Две милицейские машины проследовали за ними.

— Кто там, на заимке у тебя есть? — спросил Шершень.

— Сторож и егерь, — ответил Барин.

— Продукты? — спросил Шершень.

— Хватит на год, — буркнул Барин.

— Год мы у тебя гостить не собираемся, — сказал Шершень, — побудем пару дней.

— Я надеюсь, — ответил на это Барин.

— Точно туда никаких дорог не ведет? — спросил Шершень.

— Только на вертолете, — ответил Барин, — специально так сделано, чтобы никто лишней там не шляется.

— Ну, вот и хорошо, — подытожил Шершень, — отдохнем.

Он забрал у Барина телефон и набрал номер Михаила. Тот ответил сразу же.

— Ну, что, брательник, — спросил Шершень, — получилось что-нибудь.

— Все о-кей, — радостно воскликнул Миша, — ответ на вопрос принял, выдал мне новый пароль и я получил допуск к файлам. Уже скачал и открыл парочку.

— И что там? — с волнением спросил Шершень.

— Я, конечно, не юрист, — ответил Миша, — но тут данные по финансовым махинациям, факты воровства в комбинате, потом информация о том, как незаконно проводилась акционирование. Короче, лет на десять хватит, тому, кто там, у власти сидит.

— Молодец, Миха, — обрадовался Шершень, — слушай, ты меня так выручил!

— Ну, что ты, какие могут быть счеты, — ответил Михаил, — ты меня от смерти спас, помнишь?

— Ладно тебе, ты же мой брат, — тихо произнес Шершень, — да и когда это было.

— Я уже поставил на закачку информацию, — сказал Миша, — но тут ее много, какие-то звуковые файлы и графические. Все качать?

— Да, да, все качай, — подтвердил Шершень, — когда закончишь?

— Часа через три-четыре не раньше, — ответил Мишка, — хреновая сегодня скорость, надо провайдера менять.

— Слушай, я этих слов не понимаю, — ответил Шершень, — я лучше ближе к утру тебе перезвоню и скажу, что дальше делать. Все равно сейчас уже глубокая ночь и выходной к тому же. Поэтому нужного нам человека ты на работе не найдешь. Пока, конец связи.

Шершень отключил телефон и улыбнулся Лизе, которая сидела из-за тесноты плотно прижавшись к нему.

— Получилось? — радостно воскликнула Лиза. — Получилось, я слышала! Ура!

Барин тоже все слышал и поэтому впал в депрессию.

— Как я не догадался сеть проверить? — покачал головой он. — Как же я не догадался?

— Да, Барин, прокололся ты, — сочувственно покачал головой Шершень, — проиграл, пора стреляться.

— Еще нет, — буркнул Барин.

— А на что ты надеешься? — спросил Шершень.

— На удачу, — ответил Барин.

Тем временем подъехали к аэродрому, на котором стоял маленький синий вертолет. В округе, как и приказал Шершень, никого не было. Пилот вертолета сидел на своем месте. Прежде чем начать загрузку в вертолет, Шершень сковал запястья Барина наручниками, которые стырил у Петрова и Стяжкина. Затем он проверил салон фендибоберного вертолета, и только после этого все быстро перегрузились из машины в вертолет. Шершень отогнал машину подальше, чтобы не помешала взлету, вернулся и подсел к пилоту.

— Сколько лететь до заимки? — спросил Шершень.

— Через полчаса будем на месте, — хмуро ответил пилот, недовольный тем, что Шершень первым делом обыскал его.

— Ладно, лети, я через минут двадцать подойду, — сказал Шершень и прошел в салон.

Это был не обычный вертолет, а вертолет Барина, поэтому его отделка и убранство поражали взгляд роскошью и изысками. Кресла стояли вдоль бортов, вокруг большого стола,

был в салоне чайник, микроволновка и видеодвойка. Была уже ночь и, несмотря на пережитые волнения, хотелось спать.

Барин, который сидел в дальнем углу салона в отгороженной от всего салона комнатке, подозвал к себе Шершня.

— Слушай, — сказал он, — есть разговор.

Шершень подсел к нему и превратился в слух. Барин мял свои толстые губы, не зная с чего начать. И, наконец, родил следующий абзац:

— А я ведь могу заплатить деньги за свою свободу. Хорошо заплатить. Я дам тебе денег и отпущу на все четыре стороны. Я дам тебе много денег. Хватит не только тебе, но и твоим детям. Ну, подумай, что ты поимеешь оттого, что посадишь меня в тюрьму? Ничего. Ровным счетом ничего!

— Я получу моральное удовлетворение, что такая гадина, как ты сидит в тюрьме, — ответил Шершень.

— Это не стоит ни копейки, — сказал Барин.

— Мне этого хватит, — ответил Шершень.

— Понимаешь, что ты в России живешь? — спросил на это Барин, — в России, где все схвачено, за все заплачено! Ну, сколько, ты думаешь, я в тюрьме посижу? Даже если посадят меня, в чем я сильно сомневаюсь? У меня депутатов знакомых пучок, в органах друзей море! Там взятку дам, сям взятку дам, и выпустят меня! Ну, не будь таким наивным! Сидеть я не буду, просто шума лишнего не хочу вокруг своего имени!

— Вот я и думаю, раз все в России так плохо, как ты говоришь, — задумчиво произнес Шершень, — может мне прямо сейчас тебя вниз скинуть, чтобы до суда не доводить дела.

— А много ты выиграешь в результате? — спросил Барин. — Вас всех посадят на зону и дадут, поверь, на полную катушку! Потому что я в области, да и в России человек не последний, а ты кто такой? Мелкая сошка, которая хорошо машет кулаками. Это без обид, потому что это правда. Скажи, зачем тебе все это? Ну, заварил ты кашу, поигрались в казаки-разбойники, да и хватит уже! Ты же разумный человек! Я дам тебе двести тысяч долларов...

— Я уже слышал сегодня от тебя про такую сумму, — усмехнулся Шершень, — тебе осталось предложить мне их акциями комбината. Ты, чего, Барин, совсем за дурака меня держишь?

— Нет, я серьезно, — сделал откровенные глаза Барин, — заведем тебе счет, на него я скину всю сумму или наличкой заплачу, чтобы не было проблем с налоговой. А ты отдашь мне информацию из Интернета. Договоримся? Пойми ты, двести тысяч долларов, это очень большие деньги! Это другая жизнь! Ну, хочешь двести пятьдесят? А?

— Что-то ты очень дешево ценишь свою шкуру, — покачал головой Шершень, — пятьсот, вот моя цена.

— Пятьсот? — изумился Барин. — Это полмиллиона долларов! Ты с ума сошел! Столько я не заплачу! Ну, давай триста тысяч и по рукам? Триста тысяч, а? Я помогу тебе отмыть деньги. За пятнадцать процентов люди сделают их чистыми, никто не прикопается! Ни налоговая, ни менты! Купишь себе машину крутую! Тысяч за тридцать! Представляешь, а? Ты за рулем, рядом море. Купишь виллу!

— Вилы куплю, — передразнил его Шершень, — и буду навоз грузить! Знаешь, какие сейчас цены на дома в Москве? Я тебе говорю пятьсот тысяч, значит пятьсот тысяч «зеленых». По-моему, торг в ваших условиях неуместен!

— Пятьсот? — задумался Барин. — Пятьсот? Ну, хорошо, по рукам, договорились!

Поворачиваем вертолет и летим оформлять наши отношения...

— В ЗАГС, — подсказал Шершень.

— Почему в ЗАГС? — растерялся Барин. — Ну, а как ты хочешь? Мы теперь должны друг другу доверять. Мы же партнеры! А-а, ты мне не веришь? Думаешь, я тебя обману! Это зря. Это зря. Слушай, ну, давай сделаем так. Ты со своими вот этими, вы поживете на заимке, а я в это время в городе займусь деньгами. Мне же надо их выдоить с производства, это займет некоторое время. Вы пока поживете, я прикажу, чтобы вас на рыбалку сводили, на охоту, там у меня сауна есть, бассейн. Живите, мне не жалко. Я подготовлю сумму необходимую, прилечу за вами, а ты пока скажи своему брату, чтобы он ту информацию, которую скачает... чтобы он никому. Не надо этого. Ты и с братом поделишься ведь деньгами...

— Как это? — возмутился Шершень. — Буду я делиться? Вот еще! Брату ты еще сто тысяч баксов подкинешь за то, чтобы он информацию придержал!

Барин выпучил глаза:

— Да, ты что, это же грабеж среди белого дня! Имей, совесть! Пятьсот тысяч большие деньги! Ну, дай ему тысяч тридцать из своих, да и будет с него!

— Нет, он не согласится, — сказал Шершень, — он жадный до денег. Как увидит деньги, так его начинает колотить.

— Слушай, — наконец-то дошло до Барина, — сдастся мне, что ты надо мной издеваешься?

— А ты, что опять подумал, что я в переговоры с тобой вступил? — спросил Шершень.

— Ты дурак, парень, — удрученно сказал Барин, — я тебе серьезно деньги предлагал. Ты бы мог жизнь свою изменить! Какое тебе дело до нашего города? Ну, уберут меня, придет другой, еще хуже меня! Быдлу нужен кнут и нужен страх, чтобы они работали. В большом бизнесе нужны жертвы, без этого нельзя. Ты этого не понимаешь. А если бы понимал, то не делал бы сейчас поступка, о котором потом будешь жалеть.

— Я буду жалеть только об одном, — ответил Шершень, — что не имею права тебя своими руками наказать. Вот об этом я буду жалеть. А пока сиди и не вякай, а я пойду к пилоту.

У Барина такая злость в этот момент разыгралась, что он чуть было с кресла не вскочил, чтобы врезать, как следует этому молодому наглomu сучонку. Но, во-первых, Барин был прикован наручниками к креслу, а во-вторых, он боялся получить в лоб. Поэтому он только плюнул вслед Шершню, когда тот ушел.

Вертолет приземлился на специальную бетонированную, тщательно очищенную от снега площадку. Она была ярко освещена по периметру четырьмя мощными прожекторами на металлических стойках, метров по семь высотой. Барина встречали его местные слуги — сторож и егерь. Кто из них кто догадаться было трудно, потому что оба были в одинаковых куртках, одинаковых валенках и шапках. Стояли они поодаль.

Шершень подтащил за шиворот Барина к двери вертолета и приказал ему сказать обслуге, чтобы те подошли поближе. Барин так и сделал, он и не перечил теперь, получив пару раз по шее. Обслуга тоже вела себя спокойно, наверняка предупрежденная из города о том кто прибудет на геликоптере.

Шершень, приставил пистолет к голове Барина и заставил и сторожа, и егеря залезть внутрь вертолета, а своих пассажиров попросил выгрузиться. Сначала, естественно, из вертолета выпрыгнули Лиза, ее сестра, мама и отец, а потом туда проследовали егерь и сторож.

При посадке один из обслуги, неизвестно сторож или егерь сказал:

— Виктор Исаакович, мы вас не покинем, мы найдем способ...

— Ладно, ладно, вали, — прервал Барин это плебейское проявление любви и верности.

А Шершень сказал всем троим, севшим в вертолет — егерю, пилоту и сторожу:

— Без моего указания по телефону чтобы вертолет сюда не возвращался. Предупреждаю вас, это кончится плохо. Передайте это тем, кто, возможно, захочет «навестить» нас здесь. К тому же я отключу освещение посадочной площадки. А в темноте вы не сядете. И никаких лишних движений сейчас при взлете. Ну, все! Счастливого полета!

Шершень, Барин и все остальные отошли метров на десять от вертолета. Машина взревела лопастями и, медленно поднявшись в небо, скрылась над черными зубами приземистого леса.

— Веди нас в дом, хозяин, — сказал Барину Шершень, — принимай гостей хлебом-солью.

— В гости зовут, а я вас не звал, сами приперлись, — ответил Барин.

— Ну, ну, не хамя, — сказал на это Шершень и дал легкого пинка коленом Барину, идущему по тропинке к дому первым.

Барин, который и представить не мог, что он подвергнут будет подобному унижению, остановился и сказал начальственным тоном:

— Слушай, прекрати себя вести, а то я...

— Не забывайся, Барин, — ответил Шершень, — «я» твое осталось там, в городе, а здесь оно ничего не стоит, так что иди и молись, чтобы я тебе не наподдал хорошенько для ума.

Наконец из темноты показался большой, хорошо срубленный трехэтажный дом. Снаружи он выглядел, как крестьянская изба, только был значительно больше и выше. Возле порога их встретили четыре дворняжки, махающие хвостами так усердно, что попы их скользили по снегу.

— Подождите здесь, — сказал Шершень, — я проверю, нет ли никого лишнего там внутри в доме.

Он быстро отворил дверь, нырнул внутрь. Минуту стояла тишина, потом Шершень выглянул и сказал:

— Все чисто, заходите.

Изнутри дом выглядел совсем не так как крестьянская изба. Камин из зеленого мрамора, евроремонт от пола до потолка, фаянсовая посуда, мебель в стиле барокко и супермодная аппаратура напоминали о том, что этот дом — дача самого богатого человека в регионе. У всех вновь прибывших непроизвольно вырвался вздох восхищения.

— Богато живут работники комбината, — сказал Шершень.

— Не все, — прокомментировал Барин, — только лучшие его представители.

Он по-хозяйски прошел и плюхнулся в большое кожаное кресло. Зал был весь уставлен мягкой мебелью. Все расселись кто где. Огонь в камине горел, растопленный уехавшим сторожем, рядом с ним лежала большая связка дров, заготовленная радивыми слугами Барина. Шершень быстро пробежался по комнатам первого этажа и нашел отличную полупустую кладовочку с запасами гречки, риса и консервов и крепкой дверью в которую немедленно и запер Барин. Из этой кладовочки, очевидно, питалась прислуга Барина. Сам же хозяин в кладовочке сидеть не хотел и по пути следования к месту заключения, упирался и вопил, что он будет вести себя хорошо. А стало быть и запирает в темное место его незачем.

— Привыкай к камере, — ответил на это Шершень и запер тяжелый амбарный замок.

Предварительно он кинул в кладовку одеяло и подушку, которую принес сверху из спальни. Тем временем ночь утекла далеко за полночь, Лиза и Таня заснули на огромном диване. Их мама не спала, тревожно поглядывая на Шершня, не спал и отец Лизы. Прошло уже больше часа с того времени, как они прибыли на заимку. Они уже успели неплохо перекусить из персонального холодильника Барина, мама Лизы помыла посуду, а Шершень, тем временем принес сверху всем одеяла и подушки.

Они договорились с отцом Лизы, что будут менять друг друга на посту каждые четыре часа, чтобы оба успели хотя бы понемногу поспать за ночь. Первым сторожить сон всех остальных начал Шершень. Он вышел на крыльцо, вдохнул свежий морозный ночной воздух. Над невысокими холмами светила яркая Луна, чистое черное небо мерцало редкими звездами. Свет на четырех башнях вертолетной площадки уже не горел, потому что Шершень нашел рубильник освещения и отключил его. Дворняжки улеглись полукругом около крыльца и поглядывали умными глазами на стоящего Шершня. Он достал из кармана сотовый телефон и набрал номер Михаила.

— Ну, как дела, брат? — спросил Шершень.

— Тут такая чума, братан! — воскликнул Миша. — Твой друг молодец, ему бы шпионом работать. Он на все важные компьютеры комбината поставил «троянов» и они ему всю информацию собирали обо всех сделках.

— Слушай, Миша, говори человеческим языком, — попросил Шершень, — каких «троянов»? Я не знаю что это.

— Это такой вирус специальный, — объяснил Миша, — ты например по электронной почте оплачиваешь что-то, а мне все эти данные поступают. Или написал кому-то письмо, а оно и ко мне приходит. Денис таким образом часть работы комбината отслеживал, потому что основная часть все-таки шла по телефону. Но он и это учел, потому что «жуков» понаставил и к Барину на телефон и к начальнику милиции. Слушай, этот Денис просто агент 007!

— За это его и убили, — тяжело произнес Шершень.

— Он прокололся, его заметили, — сказал Миша, — но он, наверное, этого не знал. Его

отследила служба безопасности, по всей вероятности, потому что в его последних письмах тоже ему «трояна» подкинули. Он даже и вылечить его не успел, потому, что его убили. Хорошо, еще, что он всю переписку вел со своего ноутбука и с другого адреса, а не с того, где всю информацию располагал, иначе бы и этот сайт вычислили и подтерли. Но теперь уже все! Я себе все скачал и компашку нарезал!

— Погоди, — прервал брата Шершень, — мне Барин сказал, что Денис сам к нему пришел с такой же компашкой и пытался ее продать ему за двести тысяч баксов, а ты говоришь, что его вычислили и поэтому убили.

— Я тебе говорю, что примерно за неделю до того, как его убили, кто-то обнаружил этих «троянов», которые Денис нацеплял на электронную почту в комбинате, и подцепили ему самому такого же, только другого варианта. А ходил ли Денис к Барину или не ходил, продавал ли он ему данные или нет, об этом тут ни слова. Так что не знаю. А я бы, честно говоря, тоже попытался продать все это Барину, потому что информация того стоит.

— Не говори «тоже», — сказал Шершень, — я не уверен, что Денис пытался все это продать, это Барин мне так сказал.

— А чего же Денису тогда нужно было? Мир хотел изменить? Глупо! Ты знаешь, что я тут наковырял? Ужас, триллер! Представляешь, у них на станции переливания крови сидела тетка, которая занималась черной магией и колдовством. Допустим, ты им стал неуютен, они тебя отправляют на профосмотр, где берут кровь из вены. А потом эта бабка с твоей кровью всякие манипуляции делает, колдует, что бы ты загнулся.

— И что, много так загнулось? — спросил Шершень.

— Не знаю, тут этих данных нет, но сам факт интересен.

— Не верю я в эти дела, чушь это, — сказал Шершень.

— И напрасно, — ответил ему Миша, — вполне можно нацеплять на ауру человека всяких гадостей, чтобы потом он долго-долго чах и засох совсем. Ты же сам занимался ушу и не веришь в это? Глупо?

— Почему же они тогда Дениса банально ножом в спину, а не со всякой магией? — спросил Шершень.

— Колдовать, это ж долгий процесс, а в этом деле с убийством Дениса быстрота была нужна, — ответил Миша, — слушай, тут еще такой факт любопытный есть... хотя ты откуда звонишь? Денег-то хватит переговоры оплатить?

— Не бойся, мои переговоры Барин оплачивает, — ответил Шершень.

— А у меня входящие звонки бесплатно, — усмехнувшись, ответил Миша, — слушай тогда. У этого самого Барина есть сын. И вот влюбился этот представитель «золотой» провинциальной молодежи в простую девушку. Ну, понимаешь, из простой русской семьи — мама учительница, папа плотник. Барин против этого дела воспротивился, а сын ни в какую, женюсь, говорит и все тут! А она еще и забеременела. Тогда Барин сделал вид, что согласен на их отношения, но, мол, ребенок ни кстате, еще надо учиться. А потом уж детей заводить. И уговорил сына своего его благоверную на аборт отправить. А там рука хирурга дрогнула и опачки, молодая женщина осталась бесплодная, да еще и с осложнениями. Барин своего сынка быстро собрал и в Москву на учебу отправил. А в столице уже богатую евреечку ему подсунули из семьи по социальному статусу и по национальности подходящей. Та подставная быстро залетела, и про любовь свою провинциальную сынок забыл. А та, которую он бросил и благодаря своей любви изуродовал, не забыла о нем. Ей часто напоминали «добрые» люди. И кончилось все тем, что она в ванной повесилась.

— История печальная, но за это Барина не посадишь — прокомментировал Шершень, — разве только что врачей, которые аборт делали.

— Да, не посадишь, — согласился Миша, — в этой истории и доказательств прямых вовсе нет, все это народная молва, которую Денис просто записал как рассказ. Но есть и факты с доказательствами. Например, запись телефонного разговора Барина с начальником милиции, когда он спрашивается о смерти какого-то коммерсанта, который им мешал. Так вот его этот Барашко скинул в какую-то трубу, где его размолотило на куски. И об этом прямым текстом он и говорит. Длинный такой звуковой файл получился, я его долго качал. А уж фотографий всяких тут «интересных» просто куча. Барин в бане с девками и с губернатором области! Есть даже одна, где он самолично какому-то человеку из ружья в голову целится! Слушай, он, что ли, дурак совсем, такие фотографии делать и хранить?

— Нет, Миша, он просто обнаглел и ошалел тут от собственной безнаказанности, — ответил Шершень.

— Ну, и дела творятся в провинции, а говорят, что Питер бандитский город, — задумчиво произнес Миша.

И в это время чуткий слух Шершня уловил приближающийся рев вертолетных лопастей.

— погоди, Миша, я тебе перезвоню, — сказал Шершень и отключился.

Он взгляделся в темноту ночи. Низко над лесом летел, судя по звуку, и приближался вертолет. Его пока не было видно.

— Черт, — ругнулся Шершень, — я же предупреждал их, чтобы не совались сюда. Ну, сами виноваты.

Он рванул с места и побежал на вертолетную площадку.

В это время в вертолете майор Барашко проводил последний инструктаж перед четырьмя одетыми в бронежилеты и каски милиционерами, среди которых находились со злобно суровыми лицами уже знакомые нам Петров и Стяжкин, которым не терпелось отомстить за свое унижение. Взять матч реванш, если говорить спортивным языком. Барашко тоже напялил на себя бронежилет, а в руках сжимал автомат Калашникова (модернизированный).

— Итак, — начал инструктаж Барашко, — сейчас уже времени четыре часа утра. Наверняка они все спят в доме без задних ног. Мы с вами стремительно садимся на площадку и начинаем атаку, пользуясь замешательством противника.

— Можно вопрос? — поднял руку Стяжкин.

Барашко кивнул.

— А как мы сядем, если так темно. Вдруг мы сядем на лес и уьемся?

— Для тупых объясняю, — продолжил Барашко, — на днище вертолета мы закрепили два прожектора, которыми пилот и осветит предполагаемое место посадки. Мы сядем, выскочим и бегом направляемся к дому. Все они сейчас спят, поэтому быстро не сориентируются. Пленных не брать. Тому, кто убьет этого парня, премия в тысячу рублей гарантирована. Если не дай бог кто-то даже ранит Виктора Исааковича, то того я уволю или посажу.

— А если этот супермен схватит опять Виктора Исааковича, как в отделении и приставит ему пистолет к голове? — спросил назойливый Стяжкин.

— Наша задача этого не допустить! — отчеканил Барашко.

План майора трещал по всем швам из-за незнания им вопросов стратегического планирования, но из-за того, что из шестерых присутствующих никто, включая пилота,

никогда и нигде не участвовал в боевых операциях, поэтому всем присутствующим план понравился. Им казалось, что все так и будет, как в кино. Они выскочат из самолета, побегут к дому. А дальше произойдет вот что. Так им казалось.

Глупый Шершень будет отстреливаться из своего пистолета, ни в кого из них не попадет, а они его порвут на куски автоматными очередями. Потом с триумфом они освободят своего хозяина, который в награду за свое освобождение разрешит им трахнуть трех теток, которые будут плакать и умолять о пощаде, а они злостно надругаются над ними и голыми выкинут на снег. Милиционеры подкрепили свою отвагу тем, что раскатали перед вылетом литровую бутылку водки.

— Петров и Стяжкин пойдут первыми, — продолжил инструктаж Барашко, — их задача заключается в том, чтобы закинуть в окна гранаты со слезоточивым газом. Все взяли противогазы?

— Все, — отрапортовали милиционеры.

— Газом мы подавим их сопротивление, — воскликнул Барашко, — потом заскакиваем в дом. Стрелять только по этому парню. Остальные не опасны. Мы с ними позже разберемся.

— А можно потом будет трахнуть эту беременную, которая с ними? — спросил третий милиционер с лицом гоблина. — Она мне со школы нравилась, но внимания не обращала на меня. Вся деловая была, такая, сука!

— Можешь трахнуть хоть их папу, все равно им подышать, — захохотал Барашко, — потом трупы в вертолет и скинем где-нибудь над лесом. К весне их звери сожрут и костей не оставят.

Подонки в форме захохотали, а Петров вспомнил, как они год назад топили в «хвостах» предпринимателя, который поссорился с Бариним и назвал его нехорошим словом.

— Помните, это я придумал ему ноги цементом залить, — сказал Петров, — я видел в кино это дело. Он медленно тонул, хватило времени подумать.

— Давно мы так не веселились, — воспрянул четвертый милиционер, до этого сурово молчавший.

— Сейчас повеселитесь, — сказал Барашко, открывая дверь вертолета, — приготовьтесь, уже садимся!

Милиционеры обхватили своими не мозолистыми руками приклады автоматов, а пилот включил прожектора под днищем. Он был хорошим пилотом, иначе бы Барин не взял его на работу. Вертолет даже в полной темноте завис прямо над вертолетной площадкой и быстро пошел вниз. Нездоровое оживание охватило нестройные ряды «десантников», адренолин хлынул в их неблагородную кровь.

Вертолет опускался, и в это время что-то подозрительное мелькнуло и смутило натренированный взгляд пилота. Но что он так и не смог понять, потому что вертолет резко пошел носом вниз, лопасть черпнула снег, вторая врезалась в землю, вертолет крутануло со страшной силой и бросило на землю. Хвост отвалился, загорелся и через секунду раздался страшный взрыв, разбросавший осколки вертолета на много метров вокруг. В доме вылетело пара стекол.

— На землю, — скомандовал Шершень, стоящим у крыльца Лизе, ее маме, Тане и отцу.

Все, кроме Тани, упали и закрыли головы руками. Беременную Таню Шершень прикрыл своим телом. Но, к счастью, никакие осколки вертолета не достигли того места, где они стояли.

— Какой ужас! — испуганно сказала мама Лизы, поднимаясь с земли.

— Класс, взорвался, как в кино! — воскликнула Лиза.

— Дочка, там же люди, наверное, погибли, — покачала головой мама, — никакого сострадания.

— А кому мне сострадать, мама? — спросила Лиза. — Бандитам? Ты что не понимаешь, что они летели, чтобы нас убить!

В зарешеченное окно кладовочки изнутри забарабанил Барин.

— Что такое, — закричал он, расплющив нос по стеклу, — что это взорвалось?

— Это салют, — ответил Шершень, — уберись внутрь!

Барин повиновался. Видимо, его пронзил с ног до головы ужасный шок, потому что он понял что это был никакой не фейрверк...

— Как ты сделал, что вертолет упал? — спросила удивленная Лиза, отряхивая снег со штанов.

— Ничего я не делал, — ответил Шершень, — просто пилот не справился с управлением.

— Не ври, я видела, что ты ползал там по стойкам вертолетной площадки и что-то прицеплял, — твердо потребовала объяснений Лиза.

— Ладно, расскажу, раз уж ты все видела, — объяснил Шершень, — я привязал между стойками освещения металлический трос, они его зацепили хвостом, когда садились.

— Умно, — кивнула Лиза, — сам придумал?

— В журнале «Юный техник» прочитал, — ответил Шершень, — идите-ка лучше все в дом, а я пойду посмотрю, кто там к нам летел.

— Может быть, это были спасатели? — спросила мама Лизы.

— Мама, — откликнулась Лиза, — какие спасатели, у нас в округе был только один этот вертолет, а спасателей никаких вообще нет!

— Лиза, права, — ответил Шершень, — когда они летели сюда, то думали, что мы уже спим, хотели напасть неожиданно.

— А я и не слышал, что вертолет прилетел, — сказал отец, — так замотался за день, что уснул, как убитый.

— Если бы мы все спали, то и не услышали бы, — ответил Шершень, — а когда услышали бы, то пока очухались, возможно, было бы уже поздно что-то предпринимать.

Все, кроме Шершня пошли в дом, а Шершень направился на вертолетную площадку. Барин снова забарабанил изнутри в дверь кладовки.

— Мой вертолет! — заорал он. — Мой вертолет взорвался! Как взорвался мой вертолет?

Никто не ответил Барину, хотя все проходили мимо двери в кладовку. Шершень же, заранее включив свет на вертолетной площадке, осторожно подошел к горящим останкам вертолета. Картина была ужасной. Искореженный металл сильно горел, потому что вертолет был заправлен полным баком, бак взорвался, разбрызгав горючее вокруг. Горел даже снег. Подойти ближе, чем на десять метров Шершень не решился. Недалеко от себя он заметил лежащее навзничь тело и направился к нему.

Через минут двадцать он вернулся в дом, неся в руках автомат Калашникова. Никто из присутствующих снова не лег спать, все его ждали. Шершень поставил автомат рядом с собой, сел в кресло и сказал:

— Это автомат начальника милиции.

После паузы добавил:

— Покойного. Видимо он вылетел в открытую дверь вертолета, когда тот зацепился лопастью за землю, поэтому один и оказался снаружи.

— Ужас! Ужас! — покачала головой мама Лизы. — Какая ужасная смерть!

— Они экипировались, как на войну, — сказал Шершень, — начальник милиции был в каске, в бронежилете, с автоматом, как видите. От всех остальных, кто был в вертолете, остались только угольки, они все сгорели. Но пока не посчитать, сколько их было, вертолет еще сильно горит, не подойти. Теперь на площадку никакому геликоптеру пока больше не сесть. Да, и вертолетов больше нет в округе, как Лиза говорит, которая у нас все знает.

— А чего ты иронизируешь, — возмущенно спросила Лиза, — я, и правда, знаю, что больше вертолетов в округе нет. По крайней мере, я не видела. Всегда только этот везде летал.

— Я верю тебе, Лиза, — сказал Шершень, — даже если бы и был еще какой-то воздушный транспорт, то все равно сесть сюда он бы не смог, потому что, как я говорил, площадка завалена. А вот как мы сами будем выбираться отсюда, я пока не знаю.

— Сюда еще можно на вездеходе добраться, — сказал отец Лизы, — и просека для этого дела специальная есть. Ведь это только Барин сюда на вертолете летал, а простые смертные по земле сюда обычно ездят.

— Ага, — сказал Шершень, — новые тайны открываются, стало быть, можно еще гостей ждть. Которые на вездеходе приедут.

— Можно, — кивнул отец, — только вряд ли они ночью поедут, выедут с утра, ехать долго, почти весь день, так что пока бояться нечего.

— А откуда вы все это знаете? — спросил Шершень.

— Мы с мужиками на этом самом вездеходе как-то года три назад ездили на рыбалку, — ответил отец, — скинулись на бензин, заплатили водителю и поехали. Рыбачили вниз по реке недалеко отсюда.

— Полезные познания, — согласился Шершень.

— Да, — согласился отец Лизы, — никогда не знаешь, что в жизни пригодиться может.

— Надо поискать эту просеку, — сказал Шершень, — скорее всего займусь, когда рассветет...

— Ты поспи пока, — предложил Шершню отец Лизы, — а я подежурю. Утром поищем дорогу, откуда к нам «гости» на вездеходе появиться могут.

В это же время в городе сидел в своем офисе над телефоном рассерженный донельзя Глушитель. Он только что порожняком вернулся со своей дачи. Там никакой кассеты с его предательским монологом в почтовом ящике ворот не оказалось. Он перерыл весь песок в пожарной коробке, облазил вокруг ворот раз десять и ничего не нашел. Поиски усложнялись тем, что же уже сказывались последствия принудительного купания в холодной воде — появилась боль в груди, и сухой кашель сотрясал мощное тело Глушителя.

Просидевший почти шесть часов в бане с девками директор универмага при освобождении вид имел жалкий. Запертые в бане, от нечего делать проститутки терзали пушистый петушок Ивана Израилевича, который никак не хотел «кукарекать» и затерзали его до того, что он стал похож на увядший стручок гороха. Ивана Израилевича ждала дома жена Соня и при появлении дома один из «отцов города» был жестоко избит. Когда же Соня увидела состояние его «петушка», то схватилась за ножницы и только случайность спасла неудачливого «Дон Жуана» от преждевременной кастрации.

Итак, прошло еще какое-то время, Глушитель в нетерпении сидел над телефоном, и понуро ждал звонка от майора Барашко, который отправился на вертолете на опасную операцию. Глушитель напрасно ждал как начальник милиции рассказал бы ему о быстрой и легкой победе над похитителями и избавлении Барина. Судя по времени, операция должна была завершиться уже давно полным триумфом до зубов вооруженных милиционеров и освобождением хозяина. Но звонка все не было, и не было, и от этого Глушитель приходил в ярость и, то и дело бил кулаком по полированному столу.

В офисе, кроме Глушителя находились еще все его «бультерьеры» — больной Пистон, который тоже кашлял и потирал поврежденное ребро, надеясь в дальнейшем на поблажки в несении службы. Но он был наказан за предательство и поэтому поблажек ему никто не обещал. Хмурый Тамерлан сидел на диване, чистил ножом желтые ногти и громко сопел. Каратель в коридоре наносил удары стене, представляя, что это Шершень и приговаривал про себя, чтобы никто не слышал:

— Что, сука, получил! Думаешь ты крутой? А вот этот удар как тебе? А падла, не ждал этого приема? Получай! Получай!

В мечтах Карателя Шершень корчился от боли и просил о пощаде, но бандит не щадил его и в результате отбил кусок штукатурки от стены и чуть не сломал себе руку.

Глыба уже давно засел в туалете и, громко пукая, то и дело шуршал газетой. Из всех присутствующих он изредка читал какие-то периодические издания, хотя бы не в библиотеке, а в туалете, но все-таки читал и этим вызывал насмешки своих корешей, которые принципиально никогда и ничего в своей жизни не читали. Они со школьных лет считали постыдными любые знания. А тех, кто читал или учился в институте, называли «ботаниками» и относились к таким людям с нескрываемым пренебрежением.

И было с чего. Любой работяга, даже с самой низкой квалификацией, получал в зарплату больше, чем какой-нибудь заучка с высшим образованием, например, врач или учитель. И стоило ли тогда корячиться, не спать ночами, писать конспекты. Кроме того, в любом научном споре тот же Глыба всегда одерживал верх. Например, кто-нибудь из «ботаников» скажет:

— Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы!

А Глыба ему в ответ:

— Нет, не равна.

Тот давай что-то на листке чертить, доказывать свою правоту, а Глыба возьмет «ботаника» за шкуру, потрясет и умник соглашается, что, мол, и правда, не равна сумма квадратов катете квадрату гипотенузы. Вот и весь научный подход. Глыба со вкусом отосрался и вытащился из туалета, наполнив коридор нестерпимой вонью.

— Представляешь, — сказал он сморщившемуся от смрада Карателю, — я тут прочитал, что мы умрем, потом воскреснем, а праведники наследуют землю и будут жить на ней вечно.

— Ты чего, опять какой-то херни начитался? — спросил Каратель, потирая ушибленный кулак. — Завязывал бы ты с этим! Вредно много читать! Слишком умным станешь! Че у тебя там за журнал? Голые бабы есть?

Глыба глянул на обложку журнала, который держал в руках и ответил:

— Называется «Возбудитесь», — ответил он, но, вчитавшись, исправился, — нет, не «Возбудитесь», а «Пробудитесь». Голых баб нет, но картинки красивые. Тут люди тигров гладят и львов.

— Жаль, что «Пробудитесь» называется, — сказал Каратель, — мы, итак, не спим, лучше бы был «Возбудитесь». Мы бы возбудились.

— А чего толку возбуждаться, — вздохнул Глыба, — все равно сегодня всю ночь тут сидеть. Ждать звонка от Барашко. Смотри, тут в журнале написано, что Христос, оказывается, не на кресте был распят, а на древе...

— Слушай, где ты взял эту парашу? — с насмешкой спросил Каратель.

— Мне на улице его дали, — ответил Глыба, — бесплатно. Смотри, он цветастый какой с яркими картинками. «Свидетели Иеговы» издают, — прочитал Глыба, — это про изучение Библии написано.

— Ну, ты Глыба, совсем моросишь, — усмехнулся Каратель, — в монахи что ли собрался?

— Не, — ответил Глыба, — я просто так читаю в туалете, чтобы не скучно было.

Он, стесняясь своей тяги к знаниям, демонстративно кинул журнал в урну, чтобы не дай бог не прослыть эрудированным и начитанным. Тогда карьере конец!

В это время Глушитель в очередной раз стукнул кулаком по столу, так, что мраморная пепельница подпрыгнула и свалилась на пол, а окурки рассыпались.

— Ну, чего они там? — не на шутку рассердился он. — Не звонят! Тогда я сам позвоню и все выясню!

Он решительно взял трубку и набрал номер телефона своего сотового, который дал на время операции майору Барашко. Телефон упорно не отвечал, говорила телефонистка, что аппарат либо отключен, либо находится вне зоны действия сети. После минуты раздумья Глушитель набрал номер телефона Барина. Послышался гудок, и телефон сняли.

— Алло, — узнал Глушитель голос Шершня и сам онемел.

— Я слушаю, — еще раз повторил Шершень.

— Это че? Это ты? — спросил Глушитель.

Шершень тоже узнал голос Глушителя и ответил:

— Как горло? Не болит после купания?

— Сука, ты чего жив еще? — продолжил череду вопросов Глушитель. — Где Барин?

— Сидит в кладовке, — ответил Шершень. — Не волнуйся, мы его покормили, и в туалете он был уже.

— Ты, бля, не шути со мной, дошутишься, — Глушитель стал снова очень смелым, находясь на безопасном расстоянии от Шершня.

Он помолчал какое-то время, а потом все-таки решился спросить:

— А где... а где вертолет?

— Он упал и разбился, — спокойно ответил Шершень.

— Как упал? — задохнулся от неожиданности Глушитель. — Как разбился?

— Вдребезги, — ответил Шершень.

— А майор Барашко? — спросил Глушитель.

— Лежит тут на снегу какой-то майор, — ответил Шершень, — а Барашко или не Барашко, спросить не могу, потому что он умер.

— Ты чего, убил его? — заговорил стихами Глушитель.

— Он сам умер, — ответил Шершень, — упал с большой высоты головой прямо в снег. Вроде бы ему еще и лопастью попало, потому что неважно выглядит.

— А остальные четверо? — спросил Глушитель. — И пилот? Где они?

— Как ни жаль, но они сгорели вместе с вертолетом, — ответил Шершень, — я же предупреждал, чтобы никто не прилетал сюда без моего разрешения.

— Ну, сучара, ну, пидар гнойный, — расвирепел Глушитель, — ты в жопу впихнутый, я до тебя доберусь и тогда! Ух, что тогда я с тобой сделаю! Лучше бы мама тебя не рожала!

— Я дам тебе шанс, — ответил Шершень, — до меня добраться. У тебя есть еще сутки, чтобы достать меня здесь. Рано утром я отправляю информацию, за которую вы убили моего друга туда, где ее очень ждут. Пока суть, да дело, ты еще сможешь приехать сюда и убить меня. Потому что по истечении суток приедут за тобой.

— Какую информацию? Откуда ты ее взял? — заорал удивленный Глушитель.

— Оттуда, откуда у вас мозгов не хватило ее найти, — усмехнулся Шершень, — факт тот, что она уже в Питере. А утром будет там, где надо.

— Я собственноручно тебя задушу, — пригрозил Глушитель, — сука, а сикуху твою...

— Смотри не обкакайся там от злости, — сказал напоследок Глушителю Шершень и отключил трубку.

Глушитель швырнул телефонный аппарат в стену.

— Вертолет разбился, все погибли, а этот сука над нами надсмехается!!! — заорал он так, что все присутствующие пригнули головы. — А-а, бля, уморщ! Сокрушу и укатаю! Утрамбу и зарю! Раскопаю и...

Все ждали продолжения, но словарный запас Степы кончился.

— И... — повторил Глушитель. — И... снова закопаю! — наконец разродился он и все вздохнули с облегчением, а Пистон даже чуть было не захлопал в ладоши.

— Ты хочешь войны, сука, — Глушитель забегал по офису, — ты ее получишь! Я тебя достану! Джон Рембо, тоже мне! Мы придем оттуда, откуда ты нас не ждешь! Где вездеход? Где вездеход?

Он орал на всех присутствующих по очереди, вопрошая: «Где вездеход?». С таким же успехом можно было спрашивать у стола и у стульев, потому что никто не знал где вездеход.

— Так, короче, — Степа склонился над столом, как над картой военных действий, — это дом на заимке.

Он поставил на середину стола большие настольные каменные часы с канцелярским набором, на которых красовалась надпись: «С юбилеем дорогой Степан Петрович! Коллектив комбината».

— А это сарай и лодочный гараж, — Степа подвинул к импровизированному «дому» пачку сигарет и коробку канцелярских кнопок, после этого еще добавил, подумав, стирательную резинку, — а это баня. Не в масштабе, ну, да ладно.

Все «бультерьеры» сгрудились вокруг стола и в напряженном молчании слушали план своего шефа, касающийся праведной с их позиции мести за нанесенное им всем оскорбление.

— Мы подъезжаем на вездеходе прямо к дому, — продолжил Глушитель свой Наполеоновский план, в котором в качестве вездехода участвовала блестящая бензиновая зажигалка, — и бросаемся в атаку! Ура-а-а!

— Степан Петрович, а может его выманить из дома? — предложил Тамерлан. — Пусть он выйдет один, а мы его грохнем.

— Как мы его выманим? — спросил Степа Глушитель.

— Мы подъедем по просеке, остановимся метрах в двухстах, — продолжил свой вариант плана Тамерлан. — И чего-нибудь сделаем для привлечения внимания...

— Например, громко пукнем все вместе, — предложил Пистон.

— Заткнись, придурок, — сказал ему Глушитель, — допустим, мы выстрелим, и он побежит узнавать в чем дело, и нарвется на засаду.

— А если он не побежит? — спросил Каратель. — Что ж он совсем дурной, чтобы бежать на выстрел? Я предлагаю сделать не так.

Все обернулись на Карателя, который единственный из присутствующей молодежи служил в армии, да еще и в десантных войсках. Глушитель служил уже давно, тем более в стройбате, так что к военной науке отношение имел весьма далекое. Поэтому Каратель был единственным, кто, как говорится, нюхнул пороху.

— На мосту через реку мы остановимся, — предложил Каратель, — там я и Тамерлан вылезем из вездехода, а вы поедете дальше. Подъедете так, чтобы они вас увидели на сторону вертолетной площадки, чтобы отвлечь их внимание от реки.

— Зачем нам отвлекать внимание от реки? — не понял Глушитель.

— Затем, что мы с Тамерланом в это время по реке на надувной лодке спустимся вниз до лодочного гаража и быстро добежим до дома, — объяснил Каратель, — а там заляжем у входа. К тому времени будет уже темно, так что он и никто нас не увидит. Надо чтобы мы даже раньше залегли, чем вы подъехали, потому что этот чувак телками своими рисковать не будет, стрелять из окон тоже. Он выйдет на улицу, а мы с Тамерланом его и грохнем прямо на крылечке!

— Умно, — согласился Глушитель, — а еще умнее вообще не светить вездеход, а подъехать по-тихому на лодке, подождать, кто выйдет первым из дома. Если этот чувак, то его грохнуть сразу, а если какая-нибудь из баб, то захватить ее и обменять на Барина. А как обменяем, так и можно на хер всех их кончить!

— А зачем им вообще из дома выходить? — резонно задал вопрос Пистон. — Туалет там в доме есть, рыбу ловить они не пойдут...

— Поэтому я и предлагаю какой-нибудь отвлекающий маневр, — объяснил Каратель, — например Глыба пробежится около вертолетной площадки так, что бы его заметили.

— А этот чувак с первого раза его и подстрелит, — добавил Тамерлан.

— Да, уж, — согласился Глыба, — тем более с моими габаритами. Пусть лучше Пистон бегаёт.

— Я раненный, — завопил Пистон, — я бегать не могу!

— Слушайте, ослы, — вдруг хлопнул себя по лбу Глушитель, — а если мы сначала Барина освободим? Он в кладовке сидит на первом этаже, как я понял. Там решетка в окне, мы ее херак ломиком, он вылезет, а этих всех мы перестреляем.

— Он не пролезет в это окно, — сказал Каратель, — там рамы узкие, к тому же мы столько шума наделаем!

— Давайте просто пошумим, этот Рембо выйдет, а мы его грохнем, — предложил Пистон, — возле лодочного гаража пошумим. Постучим по нему палкой. Он подумает: «Кто там стучит?» и выйдет.

— По голове себя постучи, — ругнулся Степа на племянника, — он и проверять не будет, бабахнет на хер из пистолета из окна и все! Ясно же что это не собаки приبلудные стучат...

— Собаки! — встрепенулся Каратель. — Точно собаки! Мы с Тамерланом заляжем у крыльца, а вы все будете за гаражом лаять по-собачьи. Он пойдет посмотреть, тут мы его и грохнем.

— Я не буду лаять, — сказал Пистон, — мне в падлу лаять.

— Не будешь лаять, будешь бляеть на зоне, — сказал Каратель, — попадешь в крем-анальные круги.

— Чего? Сам ты бля... — возбухнул Пистон. — Ты чего, Каратель, забылся?

— Заткнитесь оба, — приказал Глушитель, — надо так сделать, чтобы он нас вообще не ждал, — додумался Глушитель, — я ему позволю и скажу, что он мне на хер не нужен, чтобы его по лесу ловить. Правда, он говорит, что нашел информацию, из-за которой юриста грохнули и она уже в Питере.

— Пиздит он! — воскликнули все хором.

— Мы же всех трясли, — закричал Пистон, — и квартиру его обшарили полностью. Не могла нигде больше быть этой информации!

— Как она так быстро, эта информация могла оказаться в Питере? — поддержал общее настроение Тамерлан. — Самолетом что ли он ее отправил? Так от нас самолеты не летают! Свистит он, сука! Хочет нас взять на понт!

Про высокие технологии никто из них не вспомнил, по той причине, что Интернет, как и чтение, был принадлежностью «ботаников» и поэтому суровыми бандитами отвергался. А о возможностях его «бультерьеры» даже не догадывались.

— Выручим Барина, — в торжественной тишине произнес срывающимся голосом Глушитель, — он нам этого никогда не забудет. Наградит по царски.

На том и порешили.

Шершень проснулся, открыл глаза и огляделся. Он уснул на диване возле камина, в котором Лиза поддерживала огонь. Никого больше в зале не было. За окном рассвело и это значило, что он проспал немного дольше того, сколько намечал.

— Привет, — увидев, что он проснулся, сказала Лиза, — доброе утро. Как спалось на новом месте?

— Нормально, — ответил Шершень, — а ты как?

— Я тоже выспалась, — ответила Лиза, — приготовить завтрак? Мы уже поели, не хотели тебя будить.

— Приготовь, если не трудно, — кивнул Шершень, — а где Барин?

— Сидит в кладовке, — ответила Лиза, — он стучался, просился в туалет, но мы его не открыли. На фиг, еще учудит что-нибудь.

Шершень улыбнулся, встал и пошел открывать Барина. Тот пулей выскочил из кладовки и побежал в туалет. Шершень подождал его, отправил умыться и снова потащил в кладовку.

— Слушай, — взмолился Барин, — ну, оставь меня тут. Чего я сделаю?

— Правда, пусть он сидит тут, — заступилась за Барина Лиза, — а то мы как-то не по-человечески поступаем.

Шершень пожал плечами и согласился. Есть сели вместе с Бариним. Лиза приготовила яичницу с кетчупом, сделала салат из свежих помидоров и огурцов. Открыли баночку черной икры и баночку красной. Нарезали ветчины и семги. В общем, опустошали холодильник Барина как хотели.

— Где все остальные? Таня, мать, отец? — спросил Шершень у Лизы.

— Таня пошла прогуляться, — ответила Лиза, — мама и папа сейчас в сауне, пытаются ее растопить. Раз уж приехали, нужно опробовать барскую баню. Там все автоматическое, они не знают, как включить.

— Вон хозяин сейчас посмотрит, — кивнул на Барина Шершень, — включит нам все.

— Ты чего, думаешь, я знаю, как все это включается, — усмехнулся Барин, — я только парится туда ходил.

— Конечно, за тебя все слуги делали, — сказал Шершень, — ты лишь повелевал.

— Я это заслужил, — ответил Барин.

— Знаем, чем ты заслужил, — сказал ему Шершень.

Барин промолчал, потому что спорить в его положении было бы глупо. Когда Шершень поел, он заново, несмотря на уговоры Лизы, засадил Барина в кладовку, а сам вышел на улицу, чтобы позвонить в Питер. Миша ответил сразу же.

— Как ты там, — спросил Шершень, — скачал всю информацию?

— Все, отлично, брателла, — ответил Миша, — не только скачал, но еще и болванки нарезал две штуки.

— Какие болванки? — не понял Шершень. — Зачем?

— Ну, компакт диски записал с информацией, — объяснил Миша, — две штуки.

— Так и говори, — понял Шершень, — а то говоришь, что «болванки нарезал». Мне это не понятно. Слушая, оставшуюся часть отпуска посвящу изучению компьютера, а то я и правда какой-то темный в этом деле.

— Я тебе помогу все освоить, — пообещал Миша, — будешь у меня шарить во всем, как

Билл Гейтс.

— Ага, — согласился Шершень, хотя представления не имел, кто такой этот самый Билл Гейтс.

— Ну, вот и договорились, — сказал Миша, — чего мне дальше делать с этим всем материалом?

— Я тебе скажу сейчас номер, — продолжил диалог Шершень, — ты свяжешься с человеком и обрисуешь ему ситуацию, а он подскажет как тебе дальше действовать.

— Что за человек? — спросил Миша.

— Он как раз по таким делам специализируется, — ответил Шершень, — мы с ним одно время вместе в зале тренировались. Так что надеюсь на тебя.

— Я стопроцентно все оформлю как надо, так что за это не переживай, — сказал Миша. — Как ты-то там? Где ты сейчас?

— Мы на даче отдыхаем у Барина, — ответил Шершень, — и сам хозяин с нами. Правда, он в кладовке сидит.

— А девушка Лиза? — лукаво спросил Миша. — Тоже с вами?

— Лизе шестнадцать лет, — ответил Шершень, — она еще совсем ребенок.

— О, братец! — сказал на это Миша, — нынче девушки в шестнадцать лет дают жару. А потом вспомни Джульетту, ей и вовсе четырнадцать лет было.

— Ладно, ладно, Миша, — прервал его Шершень, — сел на своего любимого конька. Я перезвоню тебе через часок. Скажешь мне как дела.

— Хорошо, — согласился Миша.

Как только Шершень положил трубку, телефон зазвонил почти сразу. Это был Глушитель.

— Здорово, супермен хренов, — сказал он как можно равнодушной, — долго еще собираешься на заимке сидеть?

— Пока за тобой не приедут и тебя не арестуют, — ответил Шершень.

— Ты что-то путаешь, парень, — сказал Глушитель, — приедут за тобой и арестуют тебя. Мы сообщили в региональное управление, что ты похитил директора комбината и требуешь выкуп. Ох, и не любят этого ОМОНовцы. Будут бить тебя нещадно! Так что может быть лучше одумаешься? Помни, добровольное признание смягчает вину!

— Все сказал? — спросил Шершень.

— Я за тобой гоняться не буду, — глухо произнес Глушитель, — пусть тебя ОМОНовцы ловят. К обеду они подъедут к нам, а завтра с утра жди гостей. Только воевать тебе с ними не советую. Себе дороже.

Глушитель отключился и сунул трубку в карман овчинного тулупа. Он блефовал. Уже три часа вездеход отмерял заснеженную просеку по направлению к заимке. К темноте они должны были подъехать и начать осуществлять свой план, разработанный с такой скрупулезностью на столе в офисе Глушителя. Естественно, Глушитель никому ничего не сообщал. Во-первых, без указания Барина он даже пукнуть боялся, во-вторых, вмешивать область в их внутренние дела не хотел, в-третьих, надеялся, что они и сами, наконец-то, справятся с зарвавшимся гостем их города.

Шершень сунул телефон в карман дубленки и тоже задумался. Что-то мутит этот Глушитель. В любом случае, он подготовится к встрече любых гостей, будь то хоть ОМОН, хоть сам Глушитель. Вряд ли Глушитель будет выносить сор из избы, самим им это не выгодно.

Шершень увидел Татьяну, которая сидела на козлах возле лодочного гаража и смотрела на воду. Быстрая речка с шумом текла по камням и не замерзала.

— Это не та ли самая речка, что и возле вашего города течет? — спросил Шершень, подойдя к Татьяне.

Таня оглянулась, посмотрела на Шершня и сказала:

— У нас здесь только одна речка течет, петляет между холмов.

— Можно я присяду? — спросил Шершень.

— Садись, — ответила Таня и подвинулась.

Шершень сел с ней рядом, помолчал и решил поинтересоваться:

— Таня, мне Барин сказал одну вещь, когда я его спрашивал... Даже не знаю как сказать... с чего начать, дело такое необычное...

— Насчет денег, наверное, — подсказала Таня.

— Да, — кивнул Шершень, — насчет денег. Ты все про это знаешь. Значит, это правда, что Денис у Барина деньги вымогал за те данные, которые он насобирав. Двести тысяч американских долларов хотел с него поиметь.

Таня смотрела на прозрачную речку и молчала.

— Значит, правда, — вздохнул Шершень, — спасибо.

Он приподнялся и собрался идти.

— Да, погоди ты, — Татьяна ухватила его за рукав, — Денис тут ни при чем, это я во всем виновата. Я виновата в том, что Дениса убили. Это я его надоумила, чтобы мы Барину этот материал продали, а не в милицию отнесли. Это я во всем виновата!

— Погоди, — прервал ее Шершень, — не торопись, давай сначала и до конца, все по порядку. Как все было, расскажи.

— Началось с того, — начала говорить Таня, — что Денис в каких-то документах какую-то незначительную ерунду на Барина нашел. Накопил какие-то финансовые махинации, которые Барин проворачивал. Тогда Денис пришел с работы такой возбужденный и сказал, что за одно это Барина можно лет на пять засадить. И у него после этой находки как мания началась! Потом он покопался в архиве и раскопал документы, что приватизация предприятия проведена незаконно, и что у Барина по суду можно все это отсудить. И пошло, и поехало. Чем больше копался, тем больше находил всякой грязи. Оказалось, что этот Барин и в убийствах замешан, и во взятках. Страшный человек. Вот он в доме сидит взаперти и в наручниках, а я боюсь. В доме находится не могу, потому что боюсь его!

Татьяна помолчала и продолжила.

— А жили мы с Денисом знаешь как, от зарплаты до зарплаты еле дотягивали. И свадьбу потому откладывали, что не было денег ее справить. Пока откладывать стало совсем невозможно из-за живота. Мне на работу никак было не устроится, хотя я тоже юрист. Нет мест и не сунешься никуда. В магазине работала продавцом, на дому шила. Мама не работает тоже, нет работы, отец семью кормил да Денис. А еще Лиза растет. Ее тоже и учить надо, и одевать.

— Погоди, — перебил Таню Шершень, — а мне Барин сказал, что у Дениса зарплата была большая. Что он ноутбук себе купил...

— Да? — Лиза даже рассмеялась. — Он на дом работу брал, всякие пустяковые дела, даже тексты набирал для рефератов, ночью гаражи с мужиками строил и купил этот ноутбук подержанный. Никак не на зарплату.

— Так, я не понял, Денис для того собирал компромат, чтобы Барин у него его выкупил? Из-за этого он все это дело затеял?

— Нет, — отрицательно помотала головой Татьяна, — сначала он хотел Барина засадить в тюрьму! Его и всю банду, которая в городе у нас бесчинствует! Начальника милиции Барашко — взяточника и подхалима, Степу Глушителя — откровенного бандита, директора универсама — ворюгу, каких свет не видывал, на мэра нашего тоже был материал еще какой. Мэр наш пригрел тут азербайджанцев. Целую диаспору. Житья от них нет. Юридически они не имеют права покупать у нас в России жилье, потому что граждане другого государства, а фактически покупают! Дадут взятку мэру и скупают квартиры целыми подъездами. Водкой на дому торгуют, краденые вещи скупают, мусор не в помойку выносят, а за окно кидают. Одно слово — дикари. На рынке, в ларьках везде одни азербайджанцы.

— Погоди, а мне Лиза говорила, что Барин всю торговлю под себя подмял?

— А азеры косвенно под ним и есть, потому что дань платят и ему, и мэру, и Барашко, — объяснила Татьяна, — ну, Барашко уже отплатили, он мертвый. Так все равно, придет новый начальник и так же будет взятки брать, такой же бардак в городе останется. «Отцам города», им это выгодно. В мутной водичке легко рыбку ловить.

— Да, город у вас, прямо скажем, интересный, — сказал Шершень.

— Таких городов по всей России знаешь сколько! — покачала головой Татьяна. — Не пересчитать! Начальники жируют, воруют, народ бедствует и пьет!

— Погоди, мы отвлеклись с тобой на общероссийские темы, — сказал Шершень, — ушли от конкретно нашего случая. Так значит на диске был компрометирующий материал на всю вашу городскую верхушку, а не только на Барина?

— Конечно, они все тут повязаны в один пучок, — ответила Татьяна, — там столько было компромата, что прямо всю их начальственную когорту можно было снимать и в тюрьму, снимать и в тюрьму!

— Так, и что же вас остановило? — спросил Шершень. — Что вы этому материалу хода не дали?

— Дальше? Дальше мы с Денисом долго думали и говорили. Вечерами, ночами прикидывали, что к чему. Я его убеждала, что затея эта его напрасна, что в нашей стране их не посадят. У нас такая коррупция закоренелая, рука руку моет. Везде взятки, круговая порука. Они выкрутятся. Ну, в крайнем случае дадут им условное наказание, а мы всю свою жизнь загубим. Это ведь простой работяга украдет моток медной проволоки, а его в тюрьму лет на восемь! А начальник упрет вагон меди, его поймают и ничего с ним не станется. Переведут с одного «рыбного» места на другое, а он как воровал, так воровать и продолжает! Знаешь, там, на диске было материала разного очень много. Только нам с Денисом проку не было, оттого, что всю эту банду пересажали бы. Нам о себе надо было думать. И уговорила я Дениса весь этот материал показать Барину и предложить купить.

— И Денис согласился и пошел продавать, — подытожил Шершень.

— Нет, он сначала очень долго отказывался, — продолжила Таня, — и что, мол, не для того он это все собирал. Он патриот был, хотел, чтобы в России порядок был, чтобы воровать перестали. Умный вроде, а утопист, мечтатель. В этой стране воровать никогда не перестанут и порядок никому не нужен.

— При чем тут наша страна? — спросил Шершень. — Россия великая держава. Мы в ней живем и кроме нас некому в ней все вещи на свои места поставить. Нам самим здесь нужно порядок наводить!

— Ты тоже мечтатель, — ответила Таня, — голыми руками горы не свернешь. Не о всеобщем счастье нужно заботиться, а о своем личном. Если каждый о своем личном счастье позаботится, тогда и всем будет житья легче.

— С этим я согласен, — сказал Шершень, — но мы опять отвлеклись с тобой от основной темы нашего разговора. Так когда Денис решил идти к Барину с компакт диском?

— Как-то вечером, придя с работы, — продолжила свой рассказ Таня, — Денис мне сказал, что кто-то в комбинате его в сети засек, еще немного и его совсем заметут. И тогда он решил, что пора либо в органы материал переправлять, либо продавать. Я его убеждала, чтобы Денис о нас подумал, о нашем будущем. Полагала, ну, неужели Барин пожалеет двести тысяч за свое спокойствие и свободу? И Денис согласился. Тогда, когда он из Москвы вернулся и сказал, все, говорит, пойду к Барину. Вот, мол, получим деньги и навсегда жить в столицу уедем. Купим там квартиру, машину, юристами будем работать. Офис снимем, назовем фирму «ШАРАНДО и К». Мечтали, что жить будем по-другому...

— А почему именно двести тысяч? — спросил Шершень.

— А сколько? — вопросом на вопрос ответила Таня. — Разве мало? Почему-то мы во столько оценили труд Дениса. Он долго работал, почти два года. Материал был на двух компакт дисках и в ноутбуке. Один диск Денис сразу Барину отдал для ознакомления. Еще была в Интернете информация. Но он даже мне об этом не говорил. Я знала, что он в сети сидел, что-то делал. Лизе сказала, она догадалась, а я и не думала об этом. Иначе бы, когда меня «бультерьеры» пытали, я бы им рассказала.

— Они тебя пытали? — спросил Шершень.

— Прижигали сигаретами, — ответила Таня, — вот.

Таня закатала рукав свитера по локоть и показала руку. Она была вся в маленьких язвочках от ожогов сигареты.

— Сволочи, — сказал Шершень.

— Я не за себя боялась, за ребенка, — вздохнула Таня, — они такие страшные слова говорили. Угрожали, что на спину положат и будут по животу прыгать. Говорили, что я тут в городе все равно не рожу, потому, что акушерка ребенка уронит или меня по-тихому прикончат при родах. А это в нашем городе сделать проще простого. Запугали они меня. У меня тогда оставался еще один диск спрятанный за шкафом, я его отдала. Потом сколько не мучили, я ничего не сказала, потому что даже и не знала про этот Интернетовский сайт. А знала бы, так рассказала. Они хотели меня изнасиловать.

— И где это было? — мрачно спросил Шершень.

— В машину затащили возле подъезда, — ответила Таня, — и стали пытаться. Я домой сходила и им диск вынесла, а они опять меня в машину. Излапали всю. Били. А потом выкинули на снег и уехали. Я не знаю, что там с ребенком. Я боюсь идти к врачам, потому что все врачи под Бариним. Зарежут и спишут, как мусор. Я хочу умереть, я не хочу жить.

— Не надо, Татьяна, даже допускать до себя подобные мысли, — сказал Шершень, — живи и не волнуйся. Тебе надо жить. Ради себя, ради ребенка. Закончим с этими подонками, поедим в Питер, у меня сейчас деньги есть, будешь жить у меня, а я у брата перекантуюсь. Лучшим врачам тебя покажем, все будет нормально. Вот покончим с бандой Барина и поедим. Я тебе обещаю, а я слово свое держу.

— А ты думаешь, мы сможем с ними справиться? — с недоверием спросила Татьяна. — У Барина весь город на побегушках, а мы тут засели и как выберемся?

— А нам спешить некуда, вся информация, итак, уже в Питере, — сказал Шершень, — а

там у меня надежные люди этим займутся! Нам только ночь простоять, да день продержаться, а потом забудешь все это, как страшный сон.

В это время подошла Лиза и с надутыми губками спросила:

— Что это вы тут шепчетесь вдвоем уже целый час?

— Говорили, что тебя пора скоро замуж отдавать, — сказала Таня, — красивая девочка выросла.

— Да, ну тебя! — смутилась Лиза. — Скажешь тоже! Пойдемте-ка лучше в дом, папа с мамой баню затопили. Там такая сауна, ребята! Это кино! Бассейн огромный с гидромассажем! Классика!

— Идите, — согласился Шершень, — вы попаритесь пока, а я ловушки поставлю для неожиданных гостей. Чтобы нас врасплох не застали.

— Я могу помочь ловушки поставить, — сказала Лиза, — заодно и поучусь как это делается. Все в жизни может пригодиться.

— И я могу помочь, — присоединилась Таня, — мне греться нельзя в сауне.

— Нет, девчонки, — Шершень помотал головой, — я сам. Не надо вам по снегу лазить. Следите лучше, чтобы Барин не сбежал от нас. Если что бейте его по голове. Заваливайте.

Девчонки рассмеялись:

— Да, его завалишь, такого борова!

Через полчаса Шершень, облизав все подвалы дома Барина в поисках нужных для диверсанта работы вещей, вышел на улицу, неся на спине огромный рюкзак. У крыльца он одел на ноги широкие охотничьи лыжи. Чтобы скоротать время по пути к лесу решил позвонить Мише. Брат ждал его звонка и сразу же рассказал о том, что весь материал передал человеку, о котором говорил Шершень.

— У меня идея возникла, — добавил Миша, — если дело не двинется с места, я этот материал передам в прессу. У меня одна знакомая журналистка есть, она за такой материал что хочешь сделает!

— Ты сам-то будь осторожен, — посоветовал Шершень, — понимаешь в какие дела впряглись. Деньги замешаны немалые!

— Понимаю, братан, — ответил Миша, — за меня не бойся, я справлюсь! А ты мне позвони через часа три, я тебе скажу когда этих злодеев арестовывать придут.

Шершень закончил разговор и осмотрелся. Он уже пришел в лес на то место, где просека выходит прямо к заимке. Снег был рыхлый, свежие следы были на нем видны сразу, только держались недолго. Новые снежинки покрывали землю очень быстро. Деревья, как в сказочном лесу покрылись инеем и все бы было хорошо, если бы не надо было готовить засаду, а можно было бы просто погулять по снегу.

Шершень прошел на лыжах около километра вглубь просеки и оценил диспозицию с точки зрения врага. Итак, супостат может придти только по суше, потому что вертолетная площадка засорена останками разбившегося вертолета, а поблизости нигде нет ровной поверхности, полянки какой-нибудь, чтобы вертолет мог сесть. Но даже, если и есть такая поляна, то без шума вертолет не сядет, заметит его Шершень. Но это вряд ли случится. Скорее всего «враги» придут по суше, по лесу или по реке. Позади метрах в пятистах остался деревянный мост, через который обязательно проедет вездеход, если поедет на заимку.

Шершень остановился и подумал о том, что его противники едва ли будут действовать хитроумно, но и недооценивать врага, он себе позволить не мог. Такой у него был боевой принцип и он ни раз выручал Шершня в экстремальных ситуациях. Он достал из рюкзака самую толстую леску, которую нашел в доме Барина и ракетницу, которую отыскал в сарае.

Привязав леску поперек дороги, он закрепил ее так, что если кто-то заденет леску, то ракетница выстрелит. Была, конечно, опасность, что леску заденут не противники, а звери, которых, судя по следам, вокруг было немало. Но леска была на уровне груди и поэтому ни кабан, ни заяц ее задеть не могли, если только олень или лось.

Удовлетворенный работой Шершень, проверил ловушку на незаряженной ракетнице. Она сработала и тогда Шершень зарядил красную ракету, а сам отправился к мосту. У моста достал из рюкзака пилу по дереву и топор. Трудился около часа, затем ногой проверил прочность своего капкана и все его удовлетворило. Конечно, Шершень мог бы работать и быстрее, но спешить ему было некуда — до вечера гостей ждать не приходилось.

Далее Шершень проверил другие подходы к заимке. Они были совершенно не подходящими для атаки. Если «врагам» и придет в голову лезть по глубокому снегу, обойдя по опушке леса заимку с просеки, то до дома они доберутся совершенно вымотанными. Но и этот случай Шершень предусмотрел.

Осталось поставить еще парочку капканов на тот случай, если противники придут со

стороны реки. Этим Шершень и занялся по возвращении к дому. За сохранность Барина в плену Шершень не беспокоился, потому что перед тем как уйти в лес, он зарядил отцу Лизы охотничье ружье и сказал застрелить Барина, если тот хотя бы пикнет. Барин это слышал.

Вернулся в дом Шершень, когда уже темнело. Он поужинал вместе со всеми, сходил один в натопленную баню и решил немного отдохнуть. В это время на улице дежурил отец Лизы. Таня и Лиза чувствовали себя на даче Барина, как дома. Они снова растопили камин, включили телевизор и смотрели сериалы одни за другими вместе со своей мамой. Шершень присоединился к ним, хотя терпеть не мог все эти мыльные оперы. Он сел на край дивана и стал смотреть как разнообразные Педро и Марии одинаково страдают на протяжении пятисот серий.

В это время к заимке медленно, но верно приближался мощный вездеход на трех парах толстых колес. Вездеход трясло и качало, но он полз вперед с упрямством тупой черепахи. Продуманный и выверенный до мелочей план засел в квадратных головах «бультерьеров» Глушителя, которые сидели внутри вездехода. Все они изрядно устали трястись по ухабам, но долг и желание мести звали их вперед. Пистон со сломанным ребром хотел остаться дома на тахте, но его не пожалели и теперь он бледный и грустный жался в угол, сжимая в руках охотничье ружье. К слову сказать, банда «бультерьеров» была в военном смысле экипирована гораздо хуже, чем отряд милиционеров, неудачно прилетевший на вертолете.

Тамерлан и Каратель имели револьверы, как и сам их предводитель Степа Глушитель, а Глыба был вооружен ружьем. Ничем не был вооружен лишь водитель вездехода, но он и не собирался принимать участия в боевых действиях.

— Скоро будет мост, — сказал водитель, который ездил по этой дороге раз двести, — а там метров пятьсот и заимка.

— Перед мостом остановишь, — скомандовал Глушитель.

Водитель кивнул и даже не заметил как его мощная машина порвала натянутую поперек дороги леску. Позади вездехода взвилась вверх ракета. Никто этого не заметил кроме Глыбы, который смотрел в заднее окошко кузова.

— Че там? — пригляделся он. — Кто-то в лесу из ракетницы стреляет.

— Где? — спросили все разом, обернувшись.

— Да проехали уже, — махнул рукой Глыба, — чего вы ракетницы никогда не видели?

— Придурок, это же предупреждают, что мы едем, — сказал Глушитель, — значит кто-то в лесу нас ждал. Быстро все на то место откуда стреляли, далеко не уйдет.

Пистон застонал и Глушитель, посмотрев на него сказал:

— Ладно, ты останься!

Полчаса бесплодных поисков с фонариками по лесу ничего не дали, только измотали глупых следопытов. Не нашли они даже лески, ни говоря уже о ракетнице, которую Шершень привязал почти на макушку самой высокой сосны. Обескураженная «бригада» погрузилась в вездеход и двинулась дальше.

За полчаса до того как «бультерьеры» снова сели в вездеход отец Лизы, увидевший взлетевшую ракету, вбежал в дом и сказал Шершню:

— Ракетница сработала, кажись едут!

— Хорошо, я их встречу, — ответил Шершень, — вы берите женщин и прячьтесь наверху, а я пока их погоняю. Старайтесь себя не обнаруживать, хотя я думаю до дома они не дойдут.

Он накинул на плечи телогрейку уехавшего егеря сунул за пояс пистолет и взял с собой

еще двустволку. Когда он уходил, Лиза тревожно окликнула его:

— Саша! — и смутилась.

Шершень остановился, обернулся и спросил:

— Что?

— Ничего, — ответила Лиза, — будь осторожен.

— Хорошо, — пообещал Шершень и вышел в темноту зимнего вечера.

— О-о, да ты влюбилась, моя девочка, — улыбнувшись, сказала мама.

Лиза ничего не ответила, повернулась и побежала наверх.

— Влюбилась, влюбилась, — подтвердила сестра.

— А чего мне такой зять бы понравился, — добавил отец, — нормальный мужик.

— Лиза еще слишком мала, — сказала мама, — чтобы об этом думать. Да и разница в возрасте слишком большая.

— Через пару лет этой разницы никто не заметит, — ответила на это Таня и пошла наверх вслед за Лизой.

Остановившись у моста «бультерьеры» достали из чрева вездехода резиновую лодку.

— Напоминаю план, — начал говорить Глушитель, пока лодку надували, — Тамерлан, Каратель и Глыба доплывают на лодке до мостков, тихо вылезают на берег. Потом Тамерлан и Каратель залегают возле крыльца, а Глыба начинает лаять. То, что ракетница выстрелила даже хорошо, потому что это значит, что они нас со стороны просеки будут ждать. А мы им подыграем. Подъедем на вездеходе поближе, отвлечем на себя внимание этого супермена. А ваша задача, Тамерлан и Каратель, в это время Барина выручить. Вытащим Барина, можно их всех убивать. Никого не жалеете.

— Ясно, — покачали головами «бультерьеры».

На Тамерлане и Карателе были надеты тяжелые бронежилеты. Глыба, поскольку его задачей было гавкать за сараем был одет попроще — без бронежилета.

— Ну, все, братва, — сказал Глушитель, — с богом.

Лодку опустили на воду, в нее уселись трое Тамерлан, Каратель и Глыба, и отчалили от берега, управляя маленьким веслом.

— Я плавать не умею, — шепотом сказал Тамерлан.

— Тогда выйдешь на берег первым, — разрешил Каратель, который был в этой подгруппе командиром.

— Тут без разницы, умеешь плавать или нет, — добавил Глыба, — вода холодная, судорогой ноги сведет и пойдешь ко дну.

— Тут мелко, — сказал Каратель.

— Захлебнуться хватит, — ответил Глыба.

— Заткнись ты, накаркаешь, — шепотом прикрикнул на него Тамерлан.

— Я этого козла живым хочу взять, — сказал Каратель, — постараюсь не убивать, чтобы потом поиздеваться хорошенько над ним.

— Да ну его, он слишком опасен, — сказал более разумный Тамерлан, — лучше кончить сразу. Отыграешься на бабах. Их и мучить приятнее.

Все трое тихо заржали, представляя, как будут мучить баб. За поворотом из-за леса показались освещенные окна дачи Барина.

— Гребь к берегу, — приказал Каратель Глыбе, который был у них за рулевого, — а то мосток пропустим.

Свет фонаря над крыльцом обрисовал четкий силуэт маленького причала. Кажется их

не заметили. Они осторожно подплыли прямо к мостку, Каратель ухватился рукой за его край и сказал Тамерлану:

— Вылезай, ты первым, потом за тобой Глыба, а потом и я, а лодку отпустим, некогда нам с ней возится, привязывать ее. Да и не понадобится она нам здесь больше.

Мосток уходил в русло речки метра на два, под ними бурлил поток. Пока что все складывалось хорошо. Сейчас они незаметно выйдут, тихо проползут к дому и начнут осуществлять свой зловещий план.

Глушитель, отправив своих «диверсантов» вниз по реке, залез в вездеход и приказал водителю ехать по мосту вперед.

— Можешь не выключать фары, даже включи так, чтобы нас заметили, — сказал он, — будем отвлекать внимание на себя.

— А если он начнет по нам палить? — испуганно спросил Пистон.

— Не ссы, племяш, отобьемся, — самоуверенно произнес Глушитель, проверяя хорошо ли заряжен его револьвер.

Но, вдруг дернувшись, вездеход резко остановился так, что Глушитель рассыпал свои патроны по полу.

— Ты чего, лох? — закричал Глушитель на шофера. — Ездить не умеешь что ли?

— Мост разобран, — спокойно сказал водитель, — хорошо, что заметил, а то бы рухнули в реку.

— Что, никак не проехать? — удивился Степа, взглядываясь вперед, где в свете фар зияла огромная дыра на мосту. — Можно же проехать!

— А если ваш умник балки подпилил? — спросил водитель. — Тогда вообще перевернемся на крышу в реке и потонем!

— Езжай, я тебе говорю, — рассвирепел Глушитель.

— Хоть стреляй, не поеду! — наотрез отказался водитель. — Если мост разрушится или вездеход потопим, мы обратно не выберемся, будем тут куковать хрен знает сколько!

Степа Глушитель прикинул — перекинул слова водителя в своей голове и понял, что тот прав.

— Ладно, — согласился Глушитель, — жди с вездеходом нас тут, а мы с племянником пойдем в разведку пешком.

— Может ты один? — с надеждой спросил Пистон. — А то у меня ведь бок болит!

— Да не ссы ты! — прикрикнул на племянника дядя. — Или ты хочешь, чтобы он меня замочил! Хочешь, да?

— А ты хочешь, чтобы меня замочил? — тоже спросил Пистон. — Мне насрать большую кучу на Барина, я жить хочу! Я мужика этого в деле видел, он нас всех сожрет и не подавится!

— Ну, бля, мудила, вернемся домой, пойдешь на комбинат работать, — совсем разозлился Глушитель, — будешь в грязи по пояс ползать!

«Лучше ползать в грязи по пояс, чем совсем не ползать нигде, а лежать с пулей в башке», — резонно рассудил Пистон и отвернулся от разъяренного лица дорогого дяди. Тогда Глушитель вылез один и, пригибаясь, пошел по направлению к заимке. Он ожидал, что вот-вот безжалостная пуля вылетит из темноты ночи и прервет его доселе безбедную жизнь. Напряженно вслушивался он в тишину, чтобы успеть, услышав выстрел, залечь на землю.

И вот когда выстрел грохнул, он незамедлительно рухнул рылом в снег и откатился в

сторону леса. И только через секунд десять понял, что стреляли где-то далеко, в стороне дома, а не в бедного Степу. А произошло у дома вот что.

Когда Тамерлан ступил на мосток и сделал второй шаг, доска под его ногой провалилась, а весь мосток под тяжестью его тела стал заваливаться на бок, потому что стойки, на которых он держался, были подпилены. Тамерлан не удержался на мосту, нелепо взмахнул руками и, сорвавшись, рухнул в ледяную воду.

Тяжелый бронежилет сразу же утащил его на дно, а течение поволокло, переворачивая, по дну. Натянулась тонкая веревка, привязанная к ломающемуся мостку и включила рубильник в лодочном гараже. Вспыхнули два ярких фонаря, освещая причал. Каратель зажмурился, отпустил руку, которой держался за балку мостка и закрылся ей от света. Лодку понесло вниз по течению. А поскольку от неожиданности Глыба выронил весло, то транспорт стал неуправляемым. Только дважды после падения над бурлящей водой показалась захлебывающаяся голова Тамерлана и больше у него не хватило сил сопротивляться ледяной стихии. До берега было метра три, а до лодки расстояние стремительно увеличивалось. Товарищи по несчастью помочь ему не смогли, потому что им самим в данный момент нужна была помощь...

Шершень честно говоря, не ожидал такой хитроумности с заходом в тыл от прямолинейных «бультерьеров», а ловушку на берегу поставил на тот случай, если и правда Глушитель вызвал ОМОН. Он широкими прыжками побежал к тому месту, где только что наткнулись на его ловушку плохо водоплавающие «бультерьеры». Сам Шершень процентов на восемьдесят ожидал, что они появятся со стороны просеки пешком, если до этого не свалятся вместе с вездеходом в реку.

Он рассчитывал, что «булики» увидят, что мост сломан и даже у них хватит ума, чтобы не поехать на вездеходе по разрушенному мосту. К тому же их вездеход был ему нужен по той самой причине, что именно на нем Шершень хотел вместе с Лизой и ее родственниками выбраться отсюда, а уцелевших «бультерьеров» заточить где-нибудь на даче.

Резиновую лодку нещадно крутило по быстрой воде. Ее тщетно пытался выправить своими лопатоподобными ладонями Глыба. Но руки его мерзли и попытки заменить весло руками ни к чему не приводили. В это время Каратель то ли от отчаяния, то ли от досады стал палить из револьвера по окнам дома, но ни разу не попал.

В это время Шершень залег за бугор снега и прицелился. Лодка находилась прямо посередине реки, грянул выстрел, надувные бока лодки обмякли, воздух со свистом стал вылетать из огромной дырки. Глыба пытался закрыть ранение лодки озябшими руками, но не смог — рана была для лодки смертельной и ее смятые бока все глубже и глубже уходили под воду. Каратель, видевший как утонул Тамерлан из-за того, что на нем был тяжелый бронежилет, попытался расстегнуть и скинуть в воду свои доспехи, но потерял равновесие, не удержался в лодке и упал в воду. Сначала он довольно уверенно даже в бронежилете поплыл к берегу, но все чаще и чаще стал заныривать, пару раз пытался встать на скользкие донные камни, течение сносило его, он снова плыл, но вскоре вовсе пропал под водой.

Глыбу в это время унесло на остатках тонущей лодки за поворот реки и Шершень не увидел что с ним дальше случилось. В это время Глушитель вылез из снега, куда он спрятался от выстрела и побежал в сторону заимки. Автоматически он бежал по утоптанной тропинке, освещая ее фонариком и, не думая о том, кто и когда натоптал эту тропинку и не может ли быть такая натоптанная тропинка среди непроходимого леса ловушкой. Вдруг под ногой что-то щелкнуло, адская боль пронзила голень, медвежий капкан своими стальными

челюстями сдавил и поломал ногу, но и это еще было не все.

Глушителя потащило по снегу со скоростью звука, потому что Степа кричал и сам себя не слышал, толстое дерево выпрямилось и подкинуло Степу вверх ногами, вернее одной ногой, закованной в капкан. Они конец веревки был привязан к капкану, другой к верхушке дерева. Глушитель, который выронил и фонарик, и пистолет, повиснув вниз головой, потерял сознание.

— Наверное, это Глушитель только что орал там впереди, — сказал Пистону водитель вездехода, услышав ор из леса.

— Я слышал, — испуганно ответил ему любимый племянник Степы, — а я-то что? Я-то что сделаю?

— Пойди посмотри, может помощь нужна, — предложил водитель.

— Нет, я не пойду, — откликнулся Пистон, — мне подышать еще рано. Поехали назад, а? На хрена нам все это надо? Чтоб нас убили ни за что ни про что? Поехали?

— А Барин? — спросил водитель.

— Да фиг с ним с Баринем! — завопил Пистон. — Кто такой этот Барин, чтобы я из-за него жизнью рисковал! Ты знаешь этого чувака, который Барина в заложники взял? А я его знаю, он нас всех покрошит, как капусту!

Водитель был суровым бесстрашным мужчиной, старым охотником и рыболовом. Повадки леса знал хорошо, от этого и не боялся. Он с презрением оглядел струхнувшего бандита и сказал:

— Дай-ка свое ружье, я схожу проверю где Глушитель, может быть ему помощь нужна. Если смогу его спасти, то сюда приволоку.

— Нет, нет, — закричал Пистон, — тебе отдам ружье, а я с чем останусь? А вдруг этот Рембо сюда придет и будет в меня стрелять? А я без ружья!!!

— Да, хрен с тобой, придурок, — раздраженно произнес водитель.

Он достал из-за голенища унт большой охотничий нож, открыл дверь кабины и выпрыгнул на снег. Пистон хотел возмутиться, что какой-то шоферюга его, городского «авторитета» так зачмарил, но решил, что в нынешней ситуации не будет впадать в ненужные споры, а вот по возвращении в город он ему покажет кто есть кто. Пистон уже и подзабыл, что не далее как десять минут назад он был собственным дядей вычеркнут из числа уголовных «авторитетов» и определен в разнорабочие на комбинат.

Водитель ушел, Пистон остался в одиночестве, сжался в углу, то и дело, поводя ружьем в разные стороны. Так прошло минут пять или десять. Кромешная тьма и оглушительная тишина наводили на дрожащего Пистона космический ужас. Ему мерещились тени, крадущиеся к нему со всех сторон, вампиры с окровавленными клыками, зловещие скелеты с остатками тлеющей одежды на костлявых плечах.

— Мама, мама, — повторял Пистон и дрожал еще больше.

Его потные пальцы судорожно тряслись на спусковом крючке ружья, готовые в любую минуту нажать на курок при малейшей попытке напасть на него с любой стороны. Внезапно позади вездехода послышалось легкое постукивание.

— Кто там? — срывающимся голосом воскликнул Пистон, — водила, это ты?

Но никто ему не ответил, а постукивание послышалось уже со стороны кабины. Кто-то ходил вокруг вездехода и не отвечал ему. Пистона обуяла поистине вселенская жуть.

— Кто там, а? — заорал Пистон. — Кто там ходит?

— Вылезай из кузова, — спокойно сказал ему голос Шершня откуда-то со стороны

кабины.

— Нет!!! — крикнул Пистон.

— Я сам к тебе залезу, — пригрозил Шершень.

— Давай, сука, залезай, я тебя застрелю!!! — захохотал Пистон.

Он сидел, прижавшись к борту, и нацелился на дверь кузова. Он успеет выстрелить первым. Шершень в это время замолчал, вероятно обдумывал как ему выманить Пистона наружу. И вдруг он резко распахнул дверь кузова и спросил:

— Что ты тут...

Пистон ждать не стал, а разрядил оба ствола почти одновременно в мелькнувший силуэт. В дыму пороха нападавший, отброшенный выстрелом, рухнул на снег.

— Ага! — заорал Пистон. — Получил недоносок! Как я тебя! Тоже мне Рембо гребаный! Ну, бля, я герой!

Радостный победитель победно дополз до дверей и глянул на поверженного Шершня. Но к своему великому удивлению, он увидел не Шершня, а лежащего на дороге водителя вездехода с окровавленной грудью.

— Ты что... сделал-то... гнида? — произнес водитель выплевывая кровь изо рта и моментально умер.

В это время мощный рывок выдернул Пистона за шиворот из машины и бросил на землю. Пистон оглянулся и увидел Шершня, который стоял, поигрывая двустволкой. А его, Пистона разряженная двустволка осталась там, в вездеходе.

— Не убивай, — заплакал Пистон, — я не хотел сюда ехать, меня заставили. Не убивай, я стану хорошим. Пойду в цех работать, я ПТУ закончил, у меня специальность слесарь-механик станков с ручным управлением. Я больше не буду. Не убивай, у меня мама больная, я у нее один.

— Раньше о маме надо было думать, — сказал Шершень, — а работать ты точно теперь в цех пойдешь. В швейный. В зоне. Ты только что человека убил.

— А-а, — закричал Пистон, — это не я! Этого никто не видел! Я скажу, что это ты его убил! Никто не видел!

— Я видела, — сказала Лиза, выходя из-за деревьев.

— И я видела, — подтвердила Таня, которая была с ней.

— Вы зачем из дома вышли? — спросил Шершень. — Я же просил вас сидеть наверху. Не хватало, чтобы эти отморозки вас застрелили.

— Мы пришли тебе помочь, — обиделись Лиза и Таня.

— Хорошо, что пришли, — с улыбкой кивнул Шершень, — спасибо.

Здорово, что не прибыли еще раньше, а то ведь и правда сдуру Пистон мог и их застрелить. Лиза сурово надвинулась на лежащего на снегу Пистона.

— Помнишь, как ты меня бил головой о стену в туалете? — спросила Лиза.

— Я? — искренне удивился Пистон, отползая по снегу. — Нет, не помню! Это был не я! Ты меня с кем-то спутала!

— Саша, дай мне ружье, я его застрелю, — попросила Лиза.

Шершень протянул Лизе ружье.

— Нет, это несправедливо, — закричал Пистон, когда Лиза нацелилась в него, — я тебя два раза только стукнул и то не сильно, а ты хочешь меня убить! За это не убивают!

— Убивают, убивают, — кивнула Лиза, — вы со своей бандой за всякий пустяк людей до полусмерти избивали. Квартиру нашу всю разломали, всю мебель!

— Нам приказали, — защищался Пистон, — я сам очень добрый и всегда им говорил, что не надо никого трогать. А они меня не слушали. Работа у них такая. Поймите меня!

— А когда ты Пентиума избил на дискотеке ни за что, ни про что? — спросила Лиза, надвигаясь на негодея. — Это тоже твоя работа была?

— Какого Пентиума, я не помню? — закричал Пистон, отползая. — Не знаю я никакого Пентиума!

— Такой худенький в очках, — подсказала Лиза, — компьютерщик.

— А-а, «ботаник», — понял Пистон, — я шибко умных не люблю!

— А я не люблю шибко тупых, таких, как ты, — сказала Лиза.

— Она ведь стрельнет, — испуганно сказала Таня и дернула Шершня за рукав.

— Пусть стреляет, — спокойно сказал Шершень.

И Лиза выстрелила, но правда не в Пистона, а вверх. Подняла ствол и выстрелила. Пистон заверещал со страху, упал, закрыл голову руками.

— Зря мы тебя еще тогда с моста не скинули, — сказала Лиза, держа ружье наперевес, — надо было скинуть, ну, ладно, живи, гнида.

Лиза отдала ружье Шершню и с чувством выполненного долга встала рядом с ним. Пистон откровенно плакал, лежа на снегу. Он был слабохарактерным.

— Вставай, — приказал ему Шершень, — пойдешь с нами.

Пистон встал на карачки и снова омерзительно запахло деревенским туалетом.

— Фу, — возмутилась Лиза, — ты что, опять обкакался?

— А в нем дерьма много, — ответил Шершень, — вот оно и выползает наружу то и дело.

Пистон ничего не ответил, снова сел на снег, утирая хлюпающий нос рукавом куртки. Что он мог поделывать с тем если его желудок в минуты опасности срабатывал именно так и никак иначе? В это время телефон Барина зазвонил, Шершень достал его из кармана и поднес к уху.

— Александр Иванович? — спросили в трубке.

— Да, — ответил он и сразу понял, что это те самые люди, которым он адресовал информацию о Барине.

— Это майор Козловский, — представились в трубке, — мы по твоей наводке прибыли. Да, матерьяльчик ты нам подкинул веселенький!

— Да, мы сами тут обхохотались! — усмехнулся Шершень.

— Как вы там? — спросил майор. — Смотрите, держитесь пока? Вас бандиты на вездеходе доставать поехали!

— Уже приехали, — спокойно ответил Шершень, — мы их встретили. Трое утонули, один висит на дереве, другой сидит на снегу. Тот, который на снегу сидит, он водителя вездехода застрелил. Насмерть.

— А вертолет куда подевался? — спросил майор.

— Упал при посадке, — спокойно рассказал Шершень, — темно было, видимо, пилот не справился с управлением, когда пытался сесть.

— Живые остались? — хмуро спросил майор.

— Никого, — ответил Шершень, — все погибли.

— Барин где? — поинтересовался майор.

— Взаперти, — ответил Шершень.

— Береги его, — сказал майор, — мы через эту «птицу» на такие высоты выйдем, таким

«орлам» крылья пообрезаем!

— Хорошо, сберегу, — пообещал Шершень.

— За вами вертолет вышлю, — пообещал майор.

— Садитесь некуда, — ответил Шершень, — на вертолетной площадке останки вертолета. Мы хотели обратно на вездеходе...

— Не надо, это долго, — сказал майор, — оставьте все, как есть и ждите вертолет. Он зависнет рядом с домом. Мои ребята спрыгнут, помогут мне поднять на борт сначала Барина. А за вами мы попозже вернемся, если не возражаете.

— Хорошо, — согласился Шершень, — но у нас раненые. Как их будем поднимать?

— Что это за раненые? — не понял майор. — Откуда?

— Из вездехода, — объяснил Шершень, — двое их. У одного ребро сломано, а у другого нога. Боюсь, что мы их на вертолет не поднимем. К тому же со мной три женщины, одна из них беременная. Как они будут карабкаться по веревочной лестнице наверх, я слабо представляю.

— На месте разберемся с этим вопросом, — ответил на это майор, — мы вылетаем через полчаса, значит, у вас будем где-то, через час. Ждите. Пока, до связи.

Майор отключился, а Шершень сразу же хотел перезвонить Мише. Но телефон уже не работал. Это было подозрительным явлением.

— Это кто звонил? — спросила Лиза.

— Майор Козловский, — ответил Шершень, — он со своими людьми через час за нами прилетит.

— Ура! — Лиза захлопала в ладоши. — И Барина арестуют?

— Арестуют, — подтвердил Шершень, — и Пистона арестуют, и Глушителя. Кстати, надо его с дерева снять. Пойдемте, он тут недалеко висит.

— А я? А мне что делать? — пополз за ними Пистон. — Не бросайте меня тут!

— Вставай и иди за нами, — предложил ему Шершень.

— Только на расстоянии, — сказала Лиза, — а то я задохнусь от вони.

Шершень, Лиза и Таня повернулись и пошли к тому месту, где висел вниз головой на дереве Степа Глушитель. Пистон встал и побрел за ними на кривеньких ножках, как младенец, которому забыли сменить памперсы.

Глушитель висел без сознания. Одна его нога, сжатая железными челюстями капкана, торчала вверх, вторая висела параллельно земле, и из-за этого Степа Глушитель напоминал большой циркуль из кабинета математики. Шершень охотничьим ножом обрезал веревку, которой был привязан капкан, освободил окровавленную ногу бандита. Тот очнулся и застонал.

— Пойдемте теперь к дому, — сказал Шершень и взвалил на себя Глушителя.

— Ты чего этого хряка на себе потащишь? — спросила Лиза.

— Ну, не тут же его бросать, — сказал Шершень, — он замерзнет и умрет.

— Посмотрела бы я, как бы он тебя на спине тащил, — ответила Лиза, — в подобной ситуации. Бросил бы тебя тут и еще бы пару раз ножиком ткнул. За ним бы не заржавело.

— Тем, Лиза, мы от него и отличаемся, — сказал Шершень, — что мы по-людски поступаем. Я смотрю, ты, вообще, экстремистка!

— Это точно, — кивнула Таня, — она у нас революционерка. Недаром у нее Че Гивара любимый персонаж для подражания!

— Да, любимый, — гордо ответила Лиза, — а что в этом такого? Я и к товарищу

Сталину хорошо отношусь!

— Ого! — удивился Шершень, побряхтывая под тяжестью Степы Глушителя. — Он же был диктатор и палач! За что его любить?

— А за то, что он чеченскую проблему решил за сутки, — ответила Лиза, — посадил всех ночью в вагоны и в Сибирь. И никакой затяжной войны, никаких террористов!

— А может быть, из-за того переселения мы и сейчас воюем, — спросил Шершень, — обида в Чеченском народе осталась.

— Ладно тебе, — махнула рукой Лиза, — они постоянно воевали. Еще у Пушкина есть строки: «Злой чечен ползет на берег, точит острый свой кинжал». А это когда было? Это народ такой бандитский и ничего с ним не сделаешь! Или истребить полностью, или обнести колючей проволокой и ни туда, ни оттуда не впускать, и не выпускать!

— Лиза, это твои персональные рассуждения? — спросил Шершень. — Или молодежь сейчас так думает?

— В основном молодежь думает совсем о другом, — ответила Лиза, — а вот прогрессивная молодежь мыслит именно так!

— Лиза, не может быть плохого народа, — сказала Татьяна, — у всех наций есть плохие и хорошие люди.

— Ха-ха, а откуда же тогда возникли понятия «немецкий педантизм» или «финская медлительность»? — спросила Лиза. — Или почему, например, у всех народов разные танцы и песни? Каждому народу присуща какая-то ярко выраженная черта! Так вот у чеченцев это бандитизм!

— А у русских? — спросил Шершень.

— Пьянство и разгильдяйство, — ответила Лиза.

— Первое скорее болезнь, второе привычка, — сказал Шершень, — а черты мне кажутся такие сентиментальность и сострадание. Но ты режешь, Лиза, черное и белое, никаких полутонов.

— Подростковый максимализм, — усмехнулась Таня.

— Да, ну, вас, старики! — махнула рукой Лиза и пошла вперед.

— Слушай, а там, в доме выпить есть? — прохрипел очнувшийся Глушитель.

— Есть, — ответил Шершень, — водка, коньяк, вино.

— Нога болит страшно, — прохрипел Глушитель, — водки хочу!

— Я тоже! — подал сзади голос Пистон.

— Я тебе вколю обезболивающий и наложу шину, — пообещал Шершень.

— Сам сломал, сам и делай, — прохрипел Степа, — бля, как хочется водки!

— И мне, — проблеял сзади Пистон.

— У тебя нос в говне, — ответил ему Глушитель.

Все дружно рассмеялись, потому что знали, что в этом самом у Пистона не нос, а другое место. Шершень занес Глушителя в дом и осторожно положил на диван. Он еще раз проверил сотовый телефон, но он был отключен. Это обстоятельство вкупе с другими рождало смутные сомнения в душе Шершня, интуиции он привык доверять, но все-таки решил не заострять на этом внимания. Помощь уже направилась сюда, помощь была близко.

Майор Козловский с нетерпением поглядывал в окно вертолета. На скамьях безмолвно сидели лучшие и самые верные люди из его отряда специальных операций во главе с капитаном, которого называли Поторописька. Фамилия капитана непременно вызвала бы смущение у пуритански настроенных мамзелей, но все дело заключалось в том, что это была не фамилия, а клейкое прозвище. И оно настолько пристало к капитану, что настоящую его фамилию личный состав даже стал забывать. Если не сказать, что давно позабыл. Доходило до абсурда. В полковой стенгазете однажды приклеили фотографию, под которой красовалась надпись «Капитан Поторописька проводит инструктаж с пополнением».

«Редактор» стенгазеты сержант Коцуба после этого случая неделю драил туалеты и к литературному труду больше не прикасался. А привязалось это прозвище к капитану из-за его привычки добавлять к своим приказам выражение: «Поторопись-ка!». Все нормальные командиры добавляли к приказам слово: «Бегом!», а этот, гляди-ка, индивидуал вечно всовывал свое: «Поторопись-ка!». Например: «Равняйся! Поторопись-ка! Смирно Поторопись-ка!». Вот и пристало прозвище, как банный лист. И как ни пытался отучиться капитан от этой дурной привычки, все равно нет-нет, да и ляпнет: «Поторопись-ка!».

Бойцы спецназа, сидящие в вертолете, были одеты в камуфляж, бронежилеты, вооружены автоматами Калашникова, лица их скрывали маски. Всего в винтокрылой машине, не считая пилота, находилось десять вооруженных человек. Два командира — майор Козловский, капитан Поторописька и восемь бойцов ни лиц, ни званий которых не было видно, лишь мощные плечи выдавали в них явно не работников культуры. Уже издали Козловский наметанным глазом заметил освещенные окна дачи Барина, а на посадочной площадке между башен останки горящего вертолета.

— Приготовиться к высадке! — скомандовал майор и вся команда пришла в движение.

Вертолет ювелирно подрулил к назначенной точке. Через две минуты пилот примерился к предполагаемому месту высадки десанта и опустился на максимально низкую, но безопасную высоту. Из открытой двери был вытолкнут надувной трап, который, разбухая от накачиваемого воздуха, из баллона приобрел форму горки. Один за другим спецназовцы съезжали по горке и спрыгивали в конце пути ее на мягкий снег примерно с двухметровой высоты. На удивление их никто не встречал, в доме горел свет, громко работал телевизор.

Спецназовцы, повинувшись безмолвным знакам своего командира, окружили дом. Хотя вся эта конспирация с безмолвным окружением была ни к чему. Вертолет так пронзительно тархтел, что если бы их хотели засечь, то засекли бы уже давно. Капитан Поторописька подполз к окну и заглянул в зал. В это время входная дверь распахнулась, и на крыльцо вывалился совершенно пьяный молодой человек.

— Опачки! — воскликнул он хмельным голосом, потрясая полупустой бутылкой водки. — А вот и мы!

Капитан Поторописька поднялся с земли и подошел к нетрезвому молодому человеку.

— Александр! — представился пьяница. — А вы кто?

— Капитан роты специального назначения, — представился служивый, — вас предупреждал майор Козловский...

— А-а, Козловский, братуха, — закричал пьяным голосом молодой человек, — где он? Где он наш ангел-хранитель? Я хочу его расцеловать!

— Не надо нежностей, — брезгливо поморщился, приближаясь, майор Козловский и спросил, — что же ты, милый, так нажрался?

— Понимаешь, майор, — пробормотал Шершень, а это был конечно же он, — день был такой тяжелый и опасный! Ну, мы и позволили себе немного расслабиться, выпили по чуть-чуть.

Он протянул полковнику недопитую бутылку водки:

— Хочешь усугубить клюквенной водочки за наше здоровье?

— Нет, на работе не пью, — гадливо ответил Козловский, — где Барин?

— Сидит в кладовке запертый, — пьяно ответил Шершень, — да вы проходите в дом, не стесняйтесь!

Он отступил назад и распахнул пошире двери, пропуская долгожданных гостей.

— Заходи первый, — предложил майор Козловский, — а мы за тобой.

— Хорошо, — согласился Шершень, — милости просим!

Первым в зал за Шершнем вошел капитан Поторописька, за ним, крадучись, два бойца с автоматами наперевес, и только потом майор Козловский. Их взору предстала ужасная картина пьяного разгула и дебоша. Мебель была поломана, везде валялась битая посуда и пустые бутылки, орал телевизор, а посреди комнаты мирно спали, обнявшись, два субъекта — один с перевязанной ногой, а другой в черной шапочке, надвинутой на глаза.

— Это кто? — спросил Козловский, указывая на недвижимые тела на полу.

— Это раненые, — ответил Шершень.

Он еле-еле стоял, его штормило из стороны в сторону.

— А я подумал, что убитые, — ответил Козловский, слегка пиная недвижимое тело Глушителя ногой.

— Это Барина помощники и телохранители, — сказал Шершень, держась за перила лестницы, — Степа Глушитель и его племянник Пистон. Они приехали на вездеходе выручать Барина. А потом Степа попал в капкан и сломал ногу, а Пистон сам пришел сюда сдаваться!

— А где все остальные? — спросил майор. — Где три женщины и их отец?

— Женщины в сауне парятся, — заплетающимся языком ответил Шершень, — там такая баня, майор! Сказка! Только, т-с! Нельзя туда ходить! Они всех, кто хочет войти опшаривают кипятком! Не ходите туда!

— Хорошо, не пойдем, — пообещал майор, — а где отец их?

— А он спит наверху в спальне, вырубился, — ответил Шершень, — я тоже, пожалуй, пойду посплю чуток. Вы меня потом разбудите, когда пора ехать! Мне надо ехать, а я хочу спать! Ай, яй, яй!

Майор с неприязнью посмотрел на Шершня, но тот не замечал взгляда Козловского, потому что сам не мог сфокусировать своего взора.

— Проводи меня наверх, служивый, — попросил Шершень спецназовца, — а-то я сам пытался подняться и упал с лестницы.

Служивый вопросительно посмотрел на майора, тот едва заметно кивнул и только тогда спецназовец подставил Шершню свое плечо. Шершень пошел по лестнице, шатаясь, а служивый придерживал его, чтобы он не упал. Спецназовец был суровым крепким парнем в черной маске с вырезами для глаз и рта и поэтому когда Шершень в очередной раз посмотрел на него, то у него непроизвольно вырвалось:

— Э, служивый, да ты же негр! Негр ты почему в русской армии служишь?

— Давай, давай, иди проспись, — подтолкнул к дверям «негр» Шершня.

— Эй, негр, не туда меня ведешь, — остановил его Шершень, — вон к тем дверям, там спит Лизин папа, и я там лягу!

Они прошли к большим приоткрытым дверям красного дерева. В комнате на большом кожаном кресле, съжившись в позе эмбриона, недвижимо спал немолодой мужчина, обняв литровую полупустую бутылку водки.

— Эй, Лизин папа вставай, — крикнул Шершень, — будем пить!

— Ложись на кровать! — прикрикнул спецназовец и кинул Шершня в объятия большой мягкой постели.

— Спасибо, негр, — пролепетал неразборчиво Шершень, — я негров не люблю, но ты негр хороший. Передавай привет Джоржу Бушу.

— Передам, — с ухмылкой пообещал спецназовец.

Последним движением Шершня было то, что он с головой закутался в одеяло и утх.

В это время майор отворил дверь кладовки, где сидел Барин и вальяжно зашел внутрь. На страже у дверей встал сам капитан Поторописька. Барин сидел в углу на матрасе и небрежно покуривал сигарету. Он даже не повернул голову, чтобы посмотреть на вошедшего.

— Доброго здравия, Виктор Исаакович, — с легкой издевкой произнес майор.

— Не могу тебе ментовская собака того же пожелать, — съязвил Барин.

— Что ж ты так неласково меня встречаешь, Виктор Исаакович, — спросил Козловский, — или не признал?

Барин скосил глаза на майора и ответил:

— Признал, не признал. Может еще в «Угадай мелодию» поиграем?

— Не груби, — жестко приказал майор, — это для своих шавок ты Барин, а для меня объект задержания. Честь тебе оказал. Сам майор Козловский арестовать тебя приехал.

Фамилия майора Козловского была известна Барину, но вот в лицо его Барин никогда не видел. Теперь познакомился. Правда, обстоятельства знакомства оставляли желать лучшего.

— Слышал я про тебя, Козловский, — более миролюбиво произнес Барин, — ты, вроде как, нашего города мэра родственник.

— Дальний, — подтвердил Козловский, — по жене. У нас жены сестры двоюродные.

— Вот так, — резюмировал Барин, — другу моему родственник, а сам пакостью такой занимаешься!

— Работа у меня такая, — сказал Козловский, — она меня кормит, я ей и рад.

— Да, уж, кормит, — усмехнулся Барин, — собачья у тебя работа! Служишь хозяину за пустую косточку!

— А ты что-то лучшее можешь предложить? — медленно и, глядя прямо в глаза Барину, спросил майор.

И было в тоне его вопроса нечто такое, от чего Барин оживился и заерзал на своем матрасе. У него появилась надежда выпутаться из этой истории, выплыть сухим из воды.

— Я-то? — переспросил Барин. — Я-то могу тебе много чего предложить! Что тебе надо?

— Шоколада! — ответил Козловский. — Ты говори, а я буду слушать!

— Да, да, чтобы ты мне потом приписал попытку дать взятку должностному лицу при аресте? — зло спросил Барин. — Хрен у тебя это выйдет!

— Не ссы в компот, в нем повар ноги моет, — неуместно повторил детскую шутку

майор Козловский, — свидетелей нет, диктофона у меня тоже нет. Ты знаешь, Исаакович, ведь мне уже скоро на пенсию выходить. Хочется покоя и тишины. Хочется сесть где-нибудь в Подмоскowie и слушать как поют ночами соловьи, наблюдая как играет рыба в пруду, любуясь своими грядками и маленькой своей машинкой «Опель-Кадет». А утром поехать в душный город, где в твоей собственной трехкомнатной квартире живут твои дети, а не скитаются по вонючим общагам. Вот у тебя, Исаакович, дети в Москве?

— Да, допустим, — ответил Барин.

— И квартиру ты им купил? — ядовито спросил майор. — И в институт пристроил?

Барин понял к чему клонит родственник жены мэра и непроизвольно произнес:

— Я куплю тебе дом, у пруда, в Подмоскowie...

— Ты что, запел? — спросил удивленный Козловский.

— Нет, я не пел, просто я тебя понял, — засопел от волнения Барин, — значит, ты помогаешь мне бежать, а я тебя отблагодарю! Я тебе столько денег дам, что тебе их хватит на пяти-комнатную квартиру на Арбате! И дом еще куплю хоть у пруда, на берегу Черного моря! Майор, а?

— Но, но, не части! — прервал его Козловский. — Я этих неясностей не люблю! Я человек военный, мне нужна конкретика! Обещаньям я не верю! Эти твои сказки про белого бычка рассказывай своей жене при свечах!

— Ну, сколько ты хочешь, если деньгами? — спросил в нетерпении Барин. — Сто тысяч? Двести? Сколько?

— Ой, как же дешево ты ценишь свою жизнь! — воскликнул Козловский. — Жадность твоя тебя погубит, Исаакович! К чему тебе деньги мертвому?

— Это почему же мертвому? — испугался Барин. — Меня будут судить нормальным гуманным судом! А у нас между прочим мораторий на смертную казнь!

— До суда ты можешь и не дожить! — вздохнул Козловский. — Мне приказало начальство сверху тебя скрутить в бараний рог и доставить куда следует. Я тебя поймал, а ты взял и побежал! Я стой, стрелять буду! А ты бежишь! Я предупредительный выстрел в воздух, а ты опять бежишь! Ну, тут мне ничего не оставалось, как тебя грохнуть!

Козловский сложил пальцы в образ пистолета и прицелился в Барина.

— Слушай ты, придурок, — рассердился Барин, — ты также как и я знаешь, что от меня мертвого тебе никакого проку, так что не надо тут мне песен! Давай так, я тебе даю наличкой триста тысяч зелеными и ты меня не видел!

— Мало!!! — стукнул кулаком по стене Козловский. — Меня со службы попрут за то, что я тебя упустил!

— Тебе, итак, скоро на пенсию! — махнул скованными наручниками запястьями Барин. — Так что не надо тут мне из себя Жеглова строить! Триста тысяч я тебе отдам прямо сегодня и прямо новыми пачками! Бери, если хочешь, а больше у меня нет!

— У тебя капиталец миллионов на десять баксов, а ты от меня жалкими трестами тысячами хочешь откупиться! — возмутился майор. — Так не пойдет!

— Иначе и не будет! — ответил ему Барин. — Пойми ты, мне сейчас из страны дергать надо! Мне не до того будет, чтобы свои миллионы спасти! Их накроют, заморозят счета и все, я гол, как сокол! Все, что у меня есть наличкой, это эти триста тысяч, которые я для одного дела припас! Да я вообще тебя не пойму? Триста тысяч долларов это что, по-твоему, мало?

Барин, конечно, лукавил. Кроме производственных денег и комбинатовских счетов, у

него водились еще денежки на тайном вкладе в Швейцарском банке на имя гражданина Кипра Лазароса Эрнандеса Пенью. Паспорт этого самого гражданина Эрнандеса (фотографией Барина, но без его слишком запоминающейся бороды лежал в укромном месте и ждал своего часа, который, похоже, пробил.

— Хорошо, — сломался Козловский, — я согласен на триста тысяч «зелеными» и сейчас. Уходим к вертолету.

— Погоди-ка, — остановил его Барин, — как мы уйдем, а эти все? Твои солдаты, и тут еще те, которые меня похитили. Какой у тебя план действия в дальнейшем?

— План прост, как все гениальное, — сказал Козловский, — сейчас мы с тобой выйдем и проследуем к вертолету. Вот и весь план. Кстати, где ключи от наручников?

— У этого, который меня похитил, — ответил Барин.

— Этот пьяница, что ли тебя заковал? — усмехнулся майор.

— Ты зря хохочешь, Козловский, — зло ответил Барин, — этот пьяница четырех здоровых парней в одиночку уложил в кафе! Как видишь его и наши менты не взяли, и мои «бультерьеры»!

— Ну, ты сравнил, Иосифович! — захохотал Козловский. — Своих дилетантов с моими бойцами! У меня любой из «орлов» десятерых таких брахицефалов стоит! Они спецназ прошли на войне, а ты их каким-то алкашом пугаешь!

— Я не Иосифович, а Исаакович, — поправил Барин.

— Да, какая разница, все одно племя, — махнул рукой Козловский, — так что не бзди. Я сейчас дам команду и их всех отправят к праотцам. Там на полу твои двое валяются тоже пьяные. Глушитель и Пистон, как этот пьяный воин сказал. Они тебе нужны?

— В общем-то, нет, — ответил Барин.

— Ну, и правильно, — согласился майор, — к чему нам лишние свидетели. Значит, и их тоже прикончим. Все равно, они тебя запозорили, а за это нужно ответ держать.

Барин и Козловский вышли в залу. Капитан Поторописька почтительно отступил от дверей и наклонил голову, ожидая от шефа дальнейших указаний.

— Начинайте одновременно, — приказал Козловский, — двоих бойцов наверх направо, пусть прикончат этого пьяницу, заодно, и отца этих шлюшек. Еще двое пусть идут в баню, замочат всех баб, а баню подожгут. А этих, — Козловский указал на мирно спящих Глушителя и Пистона, — сам завали. Мне двоих бойцов еще дай сопровождать меня и Виктора Исааковича до города. Ну, все действуй!

— Разрешите вопрос? — вытянулся в струнку Поторописька.

— Говори побыстрее, — приказал Козловский.

— Разрешите перед тем как теток завалить, использовать их по назначению!

— Действуй, как тебе покажется нужным, — разрешил Козловский, — только чтобы никаких трупов не осталось, все сжечь! Будете ждать вертолет возле опушки леса у реки минут через сорок. Хватит сорок минут?

— Ебстествонно! (редактору — это не исправлять, новое словообразование) — отчеканил Поторописька.

— Выполняй! — приказал майор.

Поторописька заметался со скоростью ветра, а Барин и Козловский в это время побежали к вертолету. Оставшийся в салоне спецназовец скинул им веревочную лестницу, по которой сначала Барин, за ним майор, а потом еще один боец взобрались в салон. Вертолет медленно развернулся, поднялся в воздухе и взял курс в сторону города.

В это время на даче Барина капитан Поторописька отдавал своим отважным воинам четкие и немногословные указания.

— Вы двое в баню, — приказал он безмолвным людям в масках, — перекройте двери и ничего не предпринимайте, ждите нас всех, развлечемся. А вы двое быстро наверх, где спит этот алкаш, расстреляйте его и второго, и назад. Когда вы начнете палить наверху, мы тут же и этих двух в жопу раненых в зале приговорим. Потом в баню, веселится.

Перспектива «повеселится» вызвала оживление в рядах бойцов. Двое, среди которых был и тот, «негр», что помогал Шершню подниматься наверх, профессионально без скрипа взойшли по лестнице и заглянули в приоткрытую дверь. В комнате ничего не изменилось. Мирно спал в обнимку с бутылкой пожилой дядька, а, закутавшись в одеяло с головой, в кровати лежал Шершень.

Оба спецназовца безмолвно переглянулись, кивнули друг другу, безмолвно шагнули за порог, вскинули автоматы и начали беспрерывно палить из своих орудий! Пух, перья, пыль сразу после первых выстрелов полетели в воздух и повисли густой пеленой. Спецназовцы выпустили по целому рожку, чтобы уж наверняка завалить обоих спящих в пьяном угаре. Когда патроны закончились, они, отмахиваясь от белого пуха в воздухе, пошли посмотреть на искореженные трупы.

— Негром меня называл, сука, — приближаясь к Шершню, сказал тот, что стрелял по кровати, — сам теперь фарш.

Он откинул одеяло и, к великому своему удивлению, увидел на кровати не окровавленный труп, а аккуратно свернутый продырявленный пулями ковер, картинно обложенный подушками. Похоже было, что их надули.

— Это... ты че... — гавкнул огорошенный спецназовец.

И в это время сзади послышалось легкое посвистывание, скрипнула дверь стенного шкафа, оба бойца одновременно оглянулись, а руки их скользнули на пояс за запасными рожками для автомата. Но было поздно!

Шершень из открытого шкафа, где он затаился, выпустил длинную очередь по ногам спецназовцев, прицельно раздробив обоим коленные чашечки. Бойцы одновременно рухнули на пол лицом вниз и завыли. Шершень ловко выпрыгнул из своего укрытия и отобрал у поверженных противников запасные рожки для автомата. Им все равно было не до них, потому что простреленная коленная чашечка это такая боль, сравнимая только с ударом веслом по яйцам. Женщинам этого не понять!

Шершень оглянулся на изрешеченного пулями покойного начальника милиции Барашко, который временно исполнял роль отца Лизы и которого Шершень притащил с улицы и уложил в кресло в обнимку с бутылкой водки. Бедный милицейский начальник, ему пришлось умирать сегодня два раза за вечер! Один раз когда падал из вертолета, а второй раз вот так под пулями, как герою.

Шершень оставил поверженных противников на полу и крадучись вышел в коридор. Он был трезв, как стекло. Ему, правда, пришлось выпить для запаха грамм пятьдесят водки, но разве это доза для настоящего мужчины? Все-таки интуиция его не подвела и у этих парней были совсем другие намерения, несопоставимые с теми, чтобы им помочь!

Грохот автоматных очередей разбудил мирно спящих Глушителя и Пистона. Продрав

глаза, они увидели нацеленные на них рожки автоматов. Ни тот, ни другой, не успели сказать даже «А!», как свинцовый огонь превратил их внутренности в беспорядочный кровавый хаос.

Автоматные очереди, раскраивая на части, подкидывали их слабые тела. И какими они все-таки не были бы жестокими подонками, но все же не до такой степени гадкими, чтобы безжалостно расстреливать их в упор. Последние два выстрела пришлись и Глушителю, и Пистону в лоб, после чего их отрешенные лица стали напоминать праздничную раскраску индийских махараджей.

Капитан Поторописька безразлично смотрел на расправу над помощниками Барина, засунув руки в карманы. Он сразу даже не понял, почему это вдруг два его бойца, которые эту расправу производили, внезапно упали на пол с простреленными ногами. Капитан едва успел взглянуть в сторону лестницы, как вдруг сильный удар кулаком в нос откинул его к стене.

Шершень походкой пумы проскользнул к раненым им спецназовцам, отобрал у них автоматы и, разбив стекло в окне, выбросил оба оружия на улицу. Один из бойцов — стальной характер, попытался даже раненый оказать сопротивление, за что был отправлен в нокаут ударом ноги. Голова его мотнулась, нос сморкнулся кровью и спецназовец захохотал. Второй боец не пытался сопротивляться, он был тяжело ранен и только хрюкал, дергаясь в конвульсиях.

В это время процентов на двадцать очнулся от удара капитан Поторописька. Он пытался встать, а его рука безуспешно тщиласть достать из кобуры пистолет. Пока он проделывал эти манипуляции, Шершень преодолел расстояние, которое их разделяло и попытался прикладом автомата вывести из разумного состояния бравого капитана.

Но не тут-то было! Капитан оказался ловким малым и увернулся от удара. Через секунду капитан уже изготовился к бою и окончательно пришел в себя. После первых его попыток ударить, Шершень узнал стандартную школу боя морских пехотинцев. В исполнении капитана она не отличалась импровизациями и была проста, как до мажорная гамма. Поэтому Шершень заранее предугадывал все, что мог сделать дальше командир поверженных бойцов.

Вследствие этого поединок закончился быстрее, чем могли бы ожидать инструктора по рукопашному бою, которые когда-то обучали капитана. Они бы заплакали скупыми мужскими слезами, увидев, как бездарно и нелепо машет руками их ученик по сравнению с точными и выверенными движениями его противника. И вот когда после серии всепроницающих ударов Шершня Поторописька рухнул на колени, то немедленно победитель врезал побежденному по шее для того, чтобы стерилизовать капитана от дальнейшей чрезмерной подвижности.

И тут раздался взрыв со стороны бани. Вернее можно было бы уже сказать так — раздался взрыв, который в щепки разнес баню. А произошло это так. Два похотливых бойца подбежали к деревянному строению в ожидании вкусить обнаженных женских тел и бесшумно проникли сначала в предбанник. Там они прислушались — в бане было очень тихо. Тогда бойцы осторожно отворили следующую дверь и оказались в погруженной в темноту комнате для отдыха. Из мыльной доносился шум льющейся на пол воды.

— Хм, хм, — подавил сластолюбивый смешок один из бойцов.

Второй стал шарить по стене в поисках рубильника, включающего свет. Наконец он нащупал его и дернул вниз. Свет залил чистую комнату в которой то тут, то там валялись

женские вещи. Одновременно включился магнитофон, из которого зазвучала веселая дурацкая песня и микроволновка в которой в свою очередь немедленно завертелись какие-то продолговатые предметы, похожие на куски мыла. Тот что включил свет обратил внимание, что его товарищ уже чрезмерно возбужден и тяжело дышит. Он широкими шагами подошел к двери в мыльную и ударом ноги распахнул ее.

— Тут никого нет, — завопил он так, что можно было подумать, что это ревет слон, которому случайно прищемили в дупле хобот.

Его товарищ в это время заглядывал в микроволновку, пытаясь угадать, что же это за предметы нагреваются в ее чреве?

— Ах, еб твою мать! — только и успел крикнуть он, прочитав надпись на этикетке.

Это означало: «Какой придурок засунул внутрь микроволновки взрывчатку? Она же сейчас взорвется!». Следующим его движением была попытка выключить адскую машину, но: «Пусечки!!!», она успела таки взорваться раньше.

Голова любопытного спецназовца оторвалась, как капюшон с дешевой куртки китайского производства и полетела словно мяч в сторону открытой двери. Она пролетела предбанник и выкатилась на снег. Обезглавленное тело рухнуло на паркетный пол из обезображенной шеи фонтаном на потолок и стены брызнула ярко красная кровь. Второй боец не увидел ничего, только внезапно почувствовал как в области живота что-то кольнуло и стало теплым. Это был осколок от микроволновой печи. Но осознать что-либо сластолюбец не успел. Балка перекрытия с рушащегося потолка с размаху треснула его по башке, вторая по спине и вскоре брэнное тело было погребено под останками разрушившейся бани. Так они были наказаны за свое гнусное желание творить насилие над беззащитными женщинами.

Шершень в это время раздел капитана Поторописька. Но в его мыслях не было ничего такого, что бы могло опорочить героя нашего повествования, он просто завладел одеждой капитана, быстро в нее переоделся и стал ожидать возвращения вертолета.

В доме все время раздавались крики и стоны раненых бойцов, но сострадания к ним Шершень не испытывал. Люди призванные спасти их из трудной ситуации, как оборотни напали на них, пытаясь убить! Вдали над холмами затрещал винт вертолета.

Шершень побежал к нему навстречу и стал размахивать руками. Из всех бойцов только капитан Поторописька был в фуражке, поэтому двое спецназовцев, которые сопровождали Барина и майора Козловского в город сверху решили, что переодетый Шершень и есть капитан Поторописька. Они немедленно скинули ему веревочный трап. Шершень-Поторописька полез вверх и почти у самой двери боец предложил ему:

— Давайте руку, товарищ капитан!

Шершень поднял голову и только на мгновение в зрачках спецназовца блеснуло изумление, а затем вспыхнула решимость. Но было уже поздно. Сильным рывком за рукав куртки Шершень скинул его через себя вниз. Боец нырнул в пустоту, тщетно пытаясь руками ухватиться за что-либо и ухватился только через семь метров, когда достиг земли. У борцов этот прием называется «свечка». Это когда головой вниз тебя бросают на ковер.

Он запрещен, но в данной ситуации у Шершня другого выхода не было. Если бы внизу была вода, то спецназовец бы нырнул глубоко-глубоко, а вот в снег он нырнул всего на тридцать сантиметров, а потом хрустнули шейные позвонки и его ухо плотно прижалось к плечу. Попробуйте ухом достать плечо и поймете чем чревато чрезмерно плотное их соприкосновение.

В салоне был еще второй боец, но он оторопел на некоторое время от неожиданности, которой подвергся его товарищ. Но он на то и был спецназовцем, чтобы быстро прийти в себя и начать атаку. И все же ему хватило ума не палить в вертолете, а всего лишь вытащить остро отточенный нож. Этот боец был колоссальным поклонником Стивена Сигала и боевого искусства айкидо. Он стал выписывать ножом замысловатые пируэты, при этом корча зловещие рожи и поблескивая лезвием ножа.

Пилот вертолета, не зная, что предпринять в подобной ситуации, стал крутить свою машину и так, и сяк, что сильно затрудняло борьбу в салоне. Но у Шершня тоже был нож и он тоже его достал. Похоже, что хитроумного бойца это не удивило. Ни капли смятения не отразилось на его твердокаменном лице. Пришлось заметить, что парень владеет ножом неплохо, и даже пару раз он чуть не поцарапал Шершню руку. Но и Шершень был не промах. Он сочетал приемы ушу и карате с обычной борьбой на ножах и два раза достал носком ноги ребра нападающего.

Парень начал злиться и перешел в стремительную атаку. Его нож засверкал, как зубья сноповязалки и надо же — он резанул Шершня по плечу! Неглубоко, но до крови! Шершень отпрянул назад, а противник, видя, что враг его истекает кровью, сделал глупость и открылся! Шершень не стал продолжать уроки фехтования, а просто подкинул нож, перехватил его за лезвие и метнул в шею бойца. Остро отточенное лезвие перерезало кадык и остановилось лишь тогда, когда рукоятка уперлась в шею. Спецназовец отпрянул назад, сделал шаг, еще шаг и вывалился в открытую дверь. До земли уже было метров пятьдесят, внизу простирался огромный темный зимний лес, и боец исчез из виду почти сразу, после того как упал. Шершень потрогал рукой плечо. Оно кровоточило, нужно было перевязать.

— В салоне есть аптечка? — спросил Шершень.

— Есть, у меня под сидением, — ответил дрогнувшим голосом пилот и добавил, — клянусь вам, что я тут совершенно не при чем. Я просто работаю на этом вертолете! Зачем вам меня убивать?

— Я не собираюсь вас убивать, — ответил Шершень, — но лишь в том случае, если вы покажете мне, куда отвезли Барина.

— Какого Барина? — запричитал пилот. — Я не знаю никакого Барина!

— Того самого человека, — объяснил Шершень, — которого сопровождал майор.

— Ах, этого, — дошло до струхнувшего пилота, — я вам скажу, а вы меня убьете и скинете вниз, как этих.

— А кто в таком случае поведет вертолет? — спросил Шершень, доставая из-под сидения аптечку. — Я не умею управлять вертолетом.

— Да, верно, — успокоился пилот, — а я действительно тут ни при чем. Меня вызвали на работу, а у меня семья, жена, две дочери. Мне вообще все это не нужно было. Но приказ есть приказ. Приказы не обсуждаются...

Шершень перевязал свою рану и спросил:

— В каком именно месте вы высадили своих первых пассажиров?

— Возле комбинатовских «хвостов», — ответил пилот, — там есть заброшенный старый цех, который используется, как я понял под склад. Но я здесь вообще раньше никогда не был. Сам этот Барин мне показывал куда лететь.

— Дорогу найдешь? — спросил Шершень.

— Найду, — ответил пилот, — мне же было нужно всех этих, весь отряд обратно везти. А, кстати, что с ними случилось?

— Они всем отрядом решили немного отдохнуть на даче у Барина, — ответил Шершень, — двое пошли в баню, двое в спальню, а трое во главе с капитаном остались в зале.

Было видно, что пилот ему не поверил, но благоразумно промолчал.

— Вертолет откуда? — спросил Шершень. — Я знаю, что в округе такого вертолета, вроде бы, и нет.

— Мы из областного центра прилетели, — ответил пилот, — это не ведомственный вертолет, а пассажирский. Мне сказали лететь, я и полетел. А тут у вас только один вертолет был, который разбился.

— Все ясно, — ответил Шершень.

Значит, Лиза была права. В округе больше вертолетов нет. Шершень то и дело поглядывал вниз, надеясь разглядеть среди крошечной темноты устье реки и маленькую лодку, которая должна была плыть в сторону города. Все-таки была у него интуиция, он умел предвидеть события, иначе не сидеть бы ему сейчас в вертолете, летящем в сторону города.

И он мысленно вернулся к тому времени, когда все они вернулись из леса, и когда он только-только поговорил с майором Козловским. Ему не давало покоя чувство, что майор хитрит что-то, уж больно сладко он распевал свои речи по телефону. И сразу после их диалога отключился его телефон, это тоже было подозрительно. Чтобы избежать возможных неприятностей, нужно было бы куда-то на время приезда майора с бригадой спрятать Лизу, ее отца и маму, Таню, а самому единолично встретить Козловского. Если все будет нормально, и Козловский не окажется подонком, то подать им какой-нибудь условный сигнал, например, выстрел из ракетницы, чтобы они вернулись.

Сначала Шершень хотел, чтобы Лиза и ее родня пересидели прилет спецназовцев в лесу и подождали, чем кончится схватка Шершня с бригадой Козловского, если она состоится. Но могло случиться всякое. Силы были слишком неравными, чтобы Шершню быть стопроцентно уверенным в собственной победе.

Первое, что пришло ему в голову это отправить их к вездеходу, чтобы при неблагоприятных обстоятельствах они просто на нем уехали. Но он отмел эту идею почти сразу. Во-первых, если бригада майора одолеет Шершня, то они сразу же примутся искать остальных и первое место, где они будут их искать, это вездеход. Догнать и расстрелять его из автоматов с воздуха дело простое даже для новобранцев, а тут какие никакие, но ожидалось профессионалы.

И тогда он вспомнил про третий путь, ведущий с заимки! Конечно, еще копаясь с мостком, он подумал, что можно бы было уехать отсюда на лодке Барина, стоящей в гараже под замком. Приехать сюда из города невозможно, потому что течение не позволит подняться вверх даже лодке с мощным мотором. А вот уехать отсюда вполне реально. Эта идея очень обрадовала Шершня, и он поведал ее Лизе, Тане и их родителям, кроме, естественно, Глушителя и Пистона, которые к тому времени уже выпили целую поллитровую бутылку водки.

Договорились сделать таким образом. Лиза, ее родители и Таня садятся в подготовленную им лодку до прибытия вертолета спецназа и отъезжают вниз по течению метров на двести. Если все будет без эксцессов, Козловский окажется честнейшим человеком, то тогда Шершень подаст им сигнал из ракетницы, и они вернуться назад к дому Барина. Метров двести вверх по реке на этой лодке вполне возможно было преодолеть. А если сигнала от Шершня не будет в течение, допустим, сорока минут, то они должны будут

уехать и плыть по течению вплоть до города. О том, что будет дальше, думать не хотелось. Важно было выжить здесь и сейчас.

За время подготовки лодки в гараже Шершнем и отцом Лизы, в зале дачи Барина Глушитель и Пистон осушили вторую бутылку водки и мирно вырубались прямо на полу. После того, как лодка была готова, Шершень приступил к расстановке ловушек. Чтобы не вызывать опасения у прибывших спецназовцев, он решил притвориться пьяным. Пришлось для этого плотнуть водки. Далее был доставлен в дом мертвый майор Барашко, который исполнял роль отца Лизы.

Но особенно порадовала Шершня найденная в шкафу в комнате егеря взрывчатка, которой вероятно принято было глушить рыбу. Ее Шершень зарядил в бане, рассудив так. Если приедут нормальные ребята, они в баню не сунутся, а если прилетят подонки, то им и поделом. Шершню подфартило в том, что свет и розетки в бане включались от одного рубильника. Да и вообще ему подфартило, что план сработал.

— Подлетаем, — сказал пилот, — вон внизу большое здание. Туда и пошли этот Барин и майор с ним. Но там охрана, я видел.

Пилот старался понравиться Шершню. Видимо он все еще сомневался, что останется в живых.

— Много охраны? — спросил Шершень.

— Не знаю, — ответил пилот, — они сначала все вчетвером туда пошли. Барин, майор и двое спецназовцев, которые потом вернулись и полетели со мной обратно. И которые затем, ну, в общем...

— Которые вышли на предыдущей остановке, — подсказал Шершень.

— Да, — согласился пилот, — они пошли туда вчетвером, а их встретили у входа еще двое в черной униформе. По-моему у них были пистолеты на боку... а может, и не было... я не помню...

— Садись там же где и с ними садился, — сказал Шершень, — они ждут группу, а я в униформе их отряда, так что если ты им не скажешь, кто я такой, они ничего и не заметят. А ты, наверное, не скажешь...

— Да, я, — захлебнулся от наплыва верности пилот, — я буду нем, как рыба окунь! Я вообще из вертолета не выйду! Только не надо меня убивать!

— Верю, верю я тебе, — кивнул Шершень, — и не трону тебя, не беспокойся, заходи на посадку!

Пилот завис над ровной поверхностью площадки перед зданием и стал медленно снижаться. Вертолет сел, пилот заглушил двигатель, и попросил Шершня не выходить, подождать, пока остановятся лопасти.

— Ты пока не улетай, — твердо попросил Шершень, — у нас еще одно дело есть. Горючего хватит?

— Смотря куда лететь, — неуверенно ответил пилот.

— Тут недалеко, — сказал Шершень, — и еще, друг, ты извини, конечно, но я не уверен в том, что ты не сбежишь, а я эту машину водить не умею. Поэтому я тебя пристегну к креслу пока не вернусь. Ты посидишь, подумаешь о жизни, жену вспомнишь.

Пилот смирился. А что ему было делать? Бежать глупо — догонит, убьет. Щелкнул запор наручников, и пилот тяжело вздохнул.

— Да, не вздыхай ты так, — сказал Шершень, — я скоро вернусь.

Он выпрыгнул из вертолета и пошел по направлению к воротам, в которых открылась железная дверь, и вышел огромный двухметрового роста охранник. Шершень подошел к нему и кивнул.

— Здесь наш майор? — спросил он тоном, не терпящим ответа: «Нет».

— Здесь, — ответил охранник.

— Я пройду, — сказал Шершень, пытаясь обойти загородившего дверь в цех верзилу.

— Велено никого не впускать, — категорично ответил охранник, — вам и вашим бойцам приказано сидеть в вертолете и ждать возвращения майора.

— Ты что, карапуз, не всосал? — Шершень специально перешел на приклатенный жаргон, входя в роль крутого капитана спецвойск районного масштаба. — Мне нужно просочиться!

— Оттопыришься! — в том же духе ответил человек-гора и попытался толкнуть в грудь кистью Шершня, чтобы тот отошел от двери.

В общем-то, Шершень и вынуждал верзилу сделать это. Он перехватил пальцы здоровяка, мгновенно сжал их и выкрутил. Через миг слоноподобный шкаф превратился в скулящую желеобразную массу, скулящую и беспрекословно повинующуюся человеку, который удерживал кисть его руки.

Услышав вой верзилы, из двери попытался выглянуть второй охранник, но Шершень не допустил этого и ударом ноги затворил металлическую дверь. Второго охранника отбросило на пол, он схватился за дубинку. Шершень, таща за собой бугая, вошел внутрь.

— Не надо разборок! — сказал он. — Если я говорю, что мне нужно найти майора, то я все равно его найду, не смотря на то, хотите вы этого или нет. Давайте, лучше, сотрудничать.

Он отпустил ладонь верзилы, и тот бешено стал потирать больное место здоровой рукой. Известно, что нет в мире лучшего аргумента, чтобы убедить в своей правоте, чем тупая мощная сила. Охранники поняли, с кем имеют дело и перестали проявлять своеволие и непослушание.

— Любезнейший, — обратился Шершень к тому, что внезапно упал, — наш друг сейчас еще не в состоянии внятно отвечать на мои вопросы, так что, я тебя спрошу. Где майор?

— Он прошел в кабинет Барина, — ответил охранник.

— У вас здесь на этом складе есть персональный кабинет Барина? — удивился Шершень. — Ему что здания управления не хватает?

— Он здесь бывает очень редко, — ответил охранник, — но вот сегодня приехал. Это теперь склад, а раньше был цех...

— Это я уже знаю, — сказал Шершень, — может, проводишь меня к нему?

— Пойдем, — кивнул охранник, поднимаясь с земли, — провожу.

— Под твою ответственность, — взвизгнул громила, — я тут не при чем.

— Ладно, не возникай, — махнул рукой Шершень, — кисть пройдет, позвони ему, скажи, что капитан к ним идет.

Шершень увидел, что в каморке охраны стоит на столе телефон без диска, значит, видимо, прямой с Бариним. В любом случае бугай позвонил бы, так что пусть скажет лучше то, что нужно Шершню.

— Какой капитан, как твоя фамилия? — спросил верзила.

— Не твоя, а ваша, это, во-первых, — грозно ответил Шершень, — небось, сам-то выше ефрейтора в армии не дослужился?

Бугай смутился и соврал:

— Я дембельнулся старшиной! — на самом деле он даже из ефрейторов был разжалован за банальную ночную казарменную пьянку.

— Все равно имей субординацию, — приказал Шершень, — я постарше тебя в звании буду! И, во-вторых, зачем тебе моя фамилия? У вас, что тут проходной двор из капитанов? У тебя тут стройными рядами ходят капитаны дальнего плавания и танковых войск, поэтому, у меня нужно спрашивать мою фамилию? Доложи просто, что идет капитан. Ясно?

Шершень, если бы знал фамилию капитана, то, конечно же, сказал бы ее. Но поскольку, как мы уже говорили выше, даже личный состав полка не знал фамилии капитана, а называл его Поторописька, то уж Шершень и подавно не мог даже догадываться, что написано в паспорте у капитана.

— Ясно! — ответил верзила.

— Тогда веди меня к нему, — сказал Шершень второму охраннику, который был невысокий и щупленький, как шитик.

Их, наверное, специально ставили на дежурство вместе, чтобы большой защищал маленького, ежели кто на них нападет.

— Кто-нибудь есть еще в здании, кроме нас с тобой, того верзилы, твоего напарника, Барина и майора? — спросил Шершень, когда они пошли вдоль больших деревянных ящиков, возвышающихся с двух сторон и образующих тесный коридор.

— Никого не должно быть, — ответил охранник, — обычно мы по двое тут дежури́м. Войти в цех кроме как через ворота больше негде.

— Хорошо, если ты не врешь, — сказал Шершень, — а-то нервы у меня расшатанные, выскочит кто-нибудь из-за угла, а я его ненароком пристрелю.

Он поправил на плече автомат и подумал, что только очень самоотверженные люди могут перечить человеку, вооруженному автоматом. Либо самоотверженные, либо очень-очень глупые. Похоже, что шитик и верзила относились ко второй категории.

Дойдя до конца коридора из ящиков, шитик повернул направо на металлическую лестницу. Поднялись на высоту третьего этажа, и пошли вперед по галерее. Внизу в огромном открытом люке быстро текла густая вонючая жидкость. Над люком выступала с галереи небольшая открытая площадка, как будто для прыжков с вышки в бассейне.

— Что это у вас тут за желтая вонючая река? — спросил Шершень вполголоса.

— Это труба, по которой текут отходы с комбината, — объяснил шитик, просто тут ремонт делали, чистили, вот и оставили открытой.

— Снаружи по этой трубе в склад не залезут? — спросил Шершень.

— Кто внутрь попадет, тот никогда не выберется, — ответил шитик, — стенки скользкие, зацепиться не за что. Со стороны фабрики фильтры установлены, не залезть с другой лопасти, которые эту жижу гонят. Они в секунду размолотят на куски.

— А я думал вы тут прыжки с вышки устраиваете, — сказал Шершень, кивнув на странную выпирающую площадку.

— Это технологическая зона, — ответил шитик, — использовалась для замеров или еще чего-нибудь. Я в этом слабо разбираюсь.

Они шли по галерее вдоль облезлых серых стен, мимо обшарпанных дверей, по металлическому полу, как вдруг впереди одна из дверей с шумом распахнулась, и оттуда с автоматом наперевес выскочил майор. Не предупреждая, с диким ревом он открыл огонь и шитик, сам того не понимая, спас жизнь Шершню. Сублильное тело охранника откинуло назад, а Шершню оставалось только два выхода — либо прыгать вниз с галереи, либо попытаться выбить дверь, мимо которой они проходили, и укрыться там. Шершень предпринял второе.

Хлипкая дверь от удара плеча хрустнула, замок вылетел и Шершень оказался в запыленном темном помещении. Сразу же возле порога он споткнулся о кучу хлама и упал на грязный пол. Как ни прискорбно было это сознавать, но одна из пуль все-таки задела его левую руку сантиметров на десять ниже пореза, нанесенного ножом спецназовца в вертолете. Но правая еще работала, Шершень подтянул к себе за ремень автомат и, преодолевая боль в левой руке, перезарядил затвор. Через секунду после падения дуло его автомата готово было раскроить на куски любого, кто сунул бы свой нос в проем двери.

Но майор не был так глуп, чтобы соваться под пули. Он ждал снаружи. Шершень тоже ждал, но время его истекало. Рана сильно кровоточила, он мог и потерять сознание. Глаза привыкли к темноте и Шершень увидел, что комната имеет продолжение — у нее было нечто вроде кладовой. Стараясь производить как можно меньше шума, Шершень отполз в сторону чулана, а затем и в сам чулан. У него был с собой бинт, которым немедленно Шершень стал перевязывать свою рану. Царапина была достаточно глубокой, впрочем, как и первое ножевое ранение. Шершень нуждался в помощи врача или хотя бы во времени, чтобы самому зашить себе рваные края своих ран. Но времени у него не было.

— Эй, урод, ты живой там? — спросил снаружи голос майора.

Шершень не стал отвечать.

— Сейчас проверим, — сказал майор.

С этими словами что-то металлическое стукнулось об пол в комнате, куда вначале залетел Шершень, и покатилося. Ясно — майор бросил гранату. Шершень мысленно поблагодарил бога за то, что тот дал ему возможность скрыться в помещении, где было две комнаты. Но если это обстоятельство и спасло его от осколков, то оно никак не защитило его от взрывной волны.

Страшный грохот потряс помещение, с потолка посыпалась побелка, со стен штукатурка. Толстые стены, несмотря на старость, выдержали удар, потому что построены были в период развитого социализма, когда на цемент строители не скупались. Несколько осколков отрикоштели от стены, но Шершень во время взрыва выбрал местоположение своего тела так, чтобы по законам физики ни один осколок не попал в него. Помогло как знание школьного курса, так и опыт ведения боевых действий.

Пыль повисла в воздухе, залепляла глаза, было нечем дышать, автомат со столика упал куда-то на пол, и его было не найти. Шершень во время взрыва оставил его там, чтобы успеть принять то самое расположение тела в пространстве, а поскольку он делал перевязку, то попросту прихватить с собой автомат не смог, и так и не закончил перевязку. Сразу же после взрыва отважный полковник заскочил в первую комнату с автоматом наперевес. Шершень понимал, что стрелять из автомата в таком маленьком помещении с бетонными

стенами может только самоубийца. Любая пуля отрикошетит и завалит стреляющего самого. Но понимал ли это майор?

Командир спецназа, стоял спиной к входной двери и поводил дулом автомата. Его контур был хорошо виден в темной и пыльной комнате на фоне освещенного помещения склада, который просвечивался в дверном проеме. Шершень едва сдерживался, чтобы не чихнуть. Пыль забила в нос и глаза. Рука судорожно ощупывала пол в поисках автомата, но среди хлама не могла его найти. Майор сделал шаг вперед и в это же время Шершень нащупал длинный продолговатый предмет, который оказался довольно увесистым молотком с приваренной вместо деревянной ручки трубкой.

Майор сделал еще один шаг и в это же время Шершень, высунувшись из двери кладовки, прицельно метнул молоток здоровой рукой прямо в голову майора. Он не увидел куда именно попал молоток, но услышал как майор возопил, отшатнулся назад, споткнулся о мусор и сел на попу. Шершень молился, чтобы Козловский нажал на курок и тогда наверняка какая-нибудь из пуль очереди рикошетом поразит самого майора. А Шершень спрячется в своем надежном укрытии.

Но майор предусмотрительно не выстрелил и у самого Шершня остался лишь миг на принятие достойного решения. Он, как раненый кенгуру, прыгнул из двери и повалил майора, подмял под себя, а затем здоровой рукой нанес несколько увесистых ударов по уху. Но майор был тоже не лыком шит. Он сумел вывернуться и в свою очередь нанес Шершню пару ударов по печени. В это время Шершень завладел его автоматом и, поскольку в комнате его применять было нельзя, просто кинул его в дверной проем, где он, преодолев ширину галереи, упал вниз на пол склада.

Началась греко-римская борьба. Сопя и потея, майор и Шершень возились на полу, то и дело, нарушая правила этой классической борьбы увесистыми ударами рук по различным частям тела противника. На удивление майор оказался довольно таки крепким орешком, к тому же Шершень был дважды ранен и силы его покидали. Это обстоятельство позволило на некоторое время майору взять ситуацию в свои руки. Он даже повалил Шершня на спину, и сам уселся верхом.

Но Шершень был до такой степени гибким парнем, что его нога носком кованного армейского сапога, который он снял с капитана Поторописька, ударила майора прямо в затылок. Майор замешкался, Шершень вывернулся из-под тяжести его тела, скинул майора и за шиворот вытащил его на галерею. Там он нанес ему несколько ударов поддых и уже хотел покончить с ним, как вдруг центнеровая масса сзади навалилась на него.

Это подоспел снизу охранник-верзила и напал на Шершня. Он был дилетантом в рукопашном бою и дубасил в пивной своих собутыльников только благодаря тяжелому весу и большой физической силе. Поэтому Шершню не составило особого труда освободиться от его захвата. С таким здоровяком не справишься ударами в голову, потому что подобные бугаи выдерживают удары по своему черепу пудовой гирей. А вот когда крутят пальцы, это одинаково больно и большим, и маленьким.

Шершень опять поймал кисть верзилы на захват и теперь уже более жестко посадил бугая на колени. Хрустнули костяшки пальцев, и стало ясно, что никогда больше не будет верзила играть на гитаре песню «Больно мне, больно». Но если бы мы знали, что и до этого случая бугай никогда не играл на гитаре ни эту песню, ни какую другую, потому что не умел играть на гитаре, то можно бы было этого и не говорить.

— Ой-ой-ой, больно мне больно, — то ли запел, то ли заплакал верзила, скрючившись

на галерею и засунув поврежденную руку себе между ног.

В это время вскочил на ноги помятый, но непобежденный майор. Вскочил он неудачно, потому что слишком резво подпрыгнул и от этого поскользнулся на густой крови убитого им охранника-шитика. А поскольку тот был продырявлен изрядно, то и крови натекло достаточно много. Майор взмахнул руками и упал на живот. То есть сам-то он упал на спину, но на живот убитого им трупа. И в это время за ним воспрял откуда-то Барин с пистолетом в руках. Он целился прямо в его грудь, и тогда Шершню пришлось нырнуть на пол, чтобы уберечь свои кишки от зловещей пули.

Нырнул он вовремя, потому что Барин тут же выстрелил. Пуля просвистела сверху и — о, судьба человеческая, кто сторит, тот не потонет — попала прямо в лоб приподнявшему голову верзиле-охраннику. Глаза его отразили недоумение и окаменели в вечном покое, когда его могучее тело рухнуло на металлический пол галерей.

— Эх, черт! — только и смог произнести Барин.

На второй выстрел у него шансов не было, потому что снова вскочил неугомонный майор, загородив от Барина фигуру поднимающегося Шершня. И вновь началось единоборство, только теперь уже больше похожее на тайский бокс. Раненый Шершень теснил точными ударами ног майора, а тот так и норовил тоже ногами попасть ему ногой по больной руке.

Борьба продолжалась с переменным успехом, но все-таки Шершень оттеснил майора на ту самую площадку, которая нависала над грязными стоками отходов производства. Барин с пистолетом спрятался в комнате, из которой выскочил майор и оттуда целился в Шершня.

— Не стреляй!!! — крикнул ему майор Козловский. — А-то в меня попадешь, на хер! Вижу я, какой ты стрелок! Я сам его прикончу!

Барин, по-видимому, и сам был не особо уверен в своей меткости, потому что опустил ствол пистолета. Майор перешел в стойку вольного борца и стал делать причудливые пасы руками. Шершень, на всякий случай держался, прячась за его плотной фигурой от пистолета Барина. Вдруг майор с диким ревом кинулся на него всей массой, и Шершень подождал до самой последней секунды, а потом попытался отпрыгнуть в сторону, как в случае с Глыбой, но майор оказался хитрее доморощенного бандита.

Он успел зацепить кистью предплечье больной руки Шершня и сильно дернул. Это был удачный прием с его стороны. Шершень от зверской боли на секунду потерял самообладание, в глазах поплыли круги, майор воспользовался этим, и когда Шершень пришел в себя, то попался на бросок через бедро, который кинул его прямо в пропасть, в горло прожорливой зловонной трубы.

Но Шершень не был бы супергероем, если бы в последний момент левой раненой не успел прихватить с собой и майора. А сам он, падая, успел ухватиться за край трубы, поддерживающую галерею своей правой здоровой рукой. Майор же повис на его ноге. Он был здоровый кабан весом килограмм под сто и поэтому Шершень был уверен, что долго не провисит на одной руке, да еще с таким балластом на ноге.

— Отцепись! — прохрипел Шершень Козловскому.

— Нет, не отцеплюсь! — сдавленно ответил ему майор и закричал. — Барин! Барин! Помоги вылезти!

Голова Барина появилась сверху, он то выглядывал, то прятал свою большую башку и ничего не предпринимал, а время шло. Превозмогая боль, Шершень ухватился за трубу и левой раненой рукой. От этого по новой открылось кровотечение. Майор держался за одну

ступню Шершня, крепко обхватив ее левой рукой и прижав к груди, как мамаша младенца. Этого ему показалось мало, и тогда он решил поймать еще и вторую ногу Шершня, чтобы иметь две страховки для надежности.

Но Шершень не был согласен с такими планами злодея майора и поэтому свободной ногой заехал ему в лоб тяжелым каблуком армейского ботинка. А потом еще раз, объятия полковника ослабли.

— Не надо! — завопил он. — Спаси меня, я не хочу умирать! Мне Барин дает бабки, они там в комнате! Вытащи меня, мы их поделим!

Шершень сделал хорошую отмашку и снова врезал майору по лбу каблуком.

— Нет, я пошутил, — завопил майор, сползая, — я все тебе отдам! Все триста тысяч баксов! Вытащи меня!

Если бы внизу висел на ноге Шершня хороший добрый человек, учитель пения, например, который не преступал бы закон и не приказывал убить друзей Шершня, включая женщин и детей, то Шершень бы поднапрягся и влез бы на галерею вместе с этой центнеровой тушей. Влез бы, потому что с двухпудовой гирей, привязанной к поясу, Шершень подтягивался на перекладине семьдесят раз. Но теперь он был ранен, и ранен человеком, который висел на его ноге. Шершень не хотел рисковать собой, спасая преступника, и он нанес каблуком последний, заключительный удар. Этот удар был намного сильнее предыдущих, и майор повис на вытянутых руках, держась только за ступню Шершня.

И тогда Шершень стал дергать ногой, пытаясь стряхнуть надоевшего майора, как липкую соплю с пальца. И ему это удалось. Пальцы Козловского разжались, он взмахнул руками, как крыльями, наверное, в надежде воспарить словно птица, но не взлетел, а банально стал падать в мутную жидкость. Шершень в последний раз взглянул в эти печальные глаза, которые через миг скрылись в бурном течении нечистот.

— Ха-ха-ха, — раздался сверху басок Барина, — благодарю, парень, ты сэкономил мне триста тысяч баксов.

Барин многозначительно похлопал ладонью по небольшой синей спортивной сумке, которая висела у него на плече, вероятно, подразумевая, что именно там у него лежат заветные триста тысяч.

— Теперь мне ничего не нужно платить этому вшивому майору, — продолжил Барин, — но не надейся, что это обстоятельство тебя спасет. Через минуту или даже меньше ты последуешь вслед за ним.

Барин приподнял пистолет, и холодное дуло глянуло взглядом смерти прямо в лицо Шершню. Он автоматически зажмурился.

— Не трясись, я не буду стрелять в тебя, — пообещал Барин, — мне будет гораздо забавнее смотреть, как ты будешь висеть тут, медленно теряя силы. И в результате отцепишься и полетишь вниз. Согласись, это забавно, знать, что ты вот-вот сдохнешь и ничего с этим ничего не сможешь поделать?

Шершень ничего не ответил, в его мозгу лихорадочно перебирались выходы из создавшейся ситуации, но нужного решения в голову не приходило. Правда ли то, что из этой трубы, люк которой открыт внизу, нет выхода? Проверять на личном опыте этого не хотелось. Может быть, попробовать достать ногой довольную рожу Барина? Тоже не выход, потому что он успеет разрядить свой пистолет раньше, чем Шершень успеет подтянуться на руках. Глянув вниз, Шершень увидел, что если он раскачается, то вполне возможно, попадет не в трубу, а на пол, рядом с люком. Ноги переломает, но жив останется. А зачем? Барин

спустится и пристрелит его. Выхода не было...

— Ты, сука, ты же всю жизнь, все мои дела мне поломал, — недовольно пробасил сверху Барин, — приехал и все разрушил, что я строил тут годами. Какой-то ничтожный паршивец наделал мне, Барину столько гадостей!

Шершень держался крепко, и падать не собирался. Барина это стало раздражать.

— Ну, ты долго будешь висеть? — спросил он. — Мне пора уже уходить.

— Уходи, — сказал Шершень.

— Ну, нет, — ответил Барин, — я прежде хочу услышать, как ты будешь орать, когда тебя будут крошить на куски стальные лопасти там, в трубе.

И, правда, было слышно, даже за шумом воды как орал, приближаясь к мясорубке, минуты три назад несчастный майор Козловский.

— Поверь мне, это не очень интересно, — сказал Шершень.

— Ха-ха-ха, — закинув голову назад, загоготал Барин, — мне будет очень интересно. Мне будет смешней слышать все это, даже чем хороший анекдот!

Когда Барин опустил глаза, то увидел, что Шершня внизу уже не было.

— Черт! — ругнулся Барин. — Ты где? Ты где, а?

Нагнуться и посмотреть под галереей Барин боялся, потому что его тогда Шершень мог запросто схватить за шиворот и скинуть вниз. А Шершень никуда не делся, он был именно там, под галереей, но ближе к стене. Когда Барин отвлекся, то Шершень перехватился левой рукой за другую трубу и ускользнул. Это был тактический маневр, но в спасении Шершня он ничего не решал. Просто тянул время.

— Ага! — завопил Барин. — Поиграем в прятки? Хорошо, я согласен!

И он побежал к лестнице вниз, с которой было хорошо видно все, что творится под галереей. Спустившись ступенек на десять, он увидел висящего ближе к стене Шершня и радостно заревел:

— Че ты тут мне Маугли изображаешь? Я тебя все равно достану!

Барин прицелился и нажал на курок. Пуля попала в несущую балку недалеко от Шершня и отрикошетила вниз. Да, меткость Барина оставляла желать лучшего, а может быть, ему мешала сумка висящая на плече. Но то обстоятельство, что он не может «достать негодяя» его самого сильно раздражало. Тогда Барин решил спуститься вниз, чтобы никакие железяки не загораживали от него Шершня и потратить оставшиеся патроны, стараясь все-таки попасть в своего заклятого врага.

Шершень в это время попытался вернуться на прежнее место, где он висел, когда только они с майором упали — ближе к краю галереи. Но к несчастью, он не смог дотянуться до плоскости самой галереи — руке не хватало каких-нибудь десяти сантиметров. Это обстоятельство вызвало бурный восторг у Барина.

Он стоял на самом краю люка зловонной трубы и, расставив ноги, в упор целился в висящего наверху Шершня. Он игрался и глумился, зная, что все теперь в его руках. Мешавшую ему синюю сумку с баксами Барин сунул под лестницу. Вот какой человек был этот Барин. Даже зная, что они во всем здании остались с Шершнем вдвоем, он все-таки спрятал денежки подальше. Как говорится, подальше положишь — поближе возьмешь.

У Барина был итальянский пистолет Beretta 92FS с магазином из пятнадцати патронов, один из которых он уже бесцельно потратил, промазав, а вторым «сыграл в свои ворота» и завалил охранника. В пистолете осталась еще двенадцать шансов убить надоедливую противника. Уж из двенадцати патронов оставшихся в пистолете хоть один-то должен был

попасть в цель! Барин неспешно прицелился, Шершень висел на мушке недвижно и глядел прямо в лицо Барину.

— Ну, все, сучара, молись, если крещеный! — громко крикнул Барин. — Сейчас я тебя продырявлю!

Он прищурил левый глаз, и Шершень не мог не увидеть, что дуло пистолета смотрит прямо на него. В этот раз Барин не промажет. Но было одно обстоятельство, которое заставляло Шершня удерживаться в висячем состоянии.

— Я тебе этого делать не советую, — спокойно сказал позади Барина самоуверенный голос, подтвердив свои слова щелчком затвора оружия.

Барин медленно оглянулся и посмотрел, скосив глаза, назад. Он увидел, что метрах в пяти от него прямо в висок ему глядит веселый глазик мощного пистолета «Вектор», который используют только определенные спецслужбы и который снесет его башку раньше, чем он успеет нажать на курок. Владелец этого оружия — седовласый, но крепкий мужчина подмигнул Барину и приказал:

— Брось свою пушку в воду и руки за голову!

— Ты кто еще, ё. п. р. с. т? — возмутился Барин так, как будто его незаконно отвлекли от очень увлекательного дела.

— Я за тобой приехал из Питера, — ответил седовласый, — чтобы тебе арестовать. У меня имеются на то все основания. Поэтому, советую не делать глупостей и опустить пистолет.

То ли у Барина заклинило «крышу», то ли он был уверен, что он нужен этому седовласому живым, но он нажал на курок. Уж больно ему хотелось отправить на тот свет зарвавшегося юнца, который развалил единым махом дело его жизни.

Шершень, не отрываясь смотрел на дуло пистолета Барина и когда увидел, что у Барина специфически дрогнула рука, сжимавшая Beretta и дуло отозвалось огнем, по он немедленно отпустил руки, которые сжимали трубу за которую он держался. Он полетел вниз, пуля просвистела над головой и раскрошила стену позади того места, где висел Шершень.

Седовласый не любил, когда ему не подчиняются, но убивать Барина после того, как он выстрелил все же не стал. Он припустил пистолет и саданул хозяину комбината в ногу выше колена. Грохот от выстрела был похож на гром. Бронебойный патрон оторвал от ноги Барина шмат мяса. Заорав от болевого шока, хозяин комбината взмахнул руками и, поскольку, стоял на краю люка, то потерял равновесие и рухнул вслед за Шершнем.

Барин с Шершнем упали в люк с разницей в доли секунды. Их сразу же отнесло вниз по течению. Шершень непроизвольно нырнул с головой в зловонную ядовитую жижу, потому что он падал с большой высоты, а Барин остался на поверхности. Он так и не выпустил из рук пистолет.

Когда Шершень вынырнул, то увидел, барахтающегося рядом Барина. Густота взвеси не давала им обоим пойти на дно, а течение несло прямо в жуткую пасть вращающихся лопастей. Барин выплюнул попавшую в рот жидкость и попытался направить пистолет на Шершня, что бы застрелить его на хер. Но у Шершня был знакомый спецназовец — подводный пловец, который на досуге обучал его правилам ведения боя в подобных условиях, правда, не в отходах комбината, а, например, в море или реке. Но это были детали, а сущность то оставалось точно такой же.

У Барина, как и следовало ожидать, никаких знакомых подводных пловцов не было, он с трудом справлялся с течением и поэтому был в не особо выигрышном положении по

сравнению с Шершнем, но пистолета из рук не выпускал. Отходы комбината были холодными и противно скользкими. В них было очень неудобно плыть, но все-таки Шершень двумя взмахами оказался около Барина. Раненой левой перехватил его руку с пистолетом, а правой ударил прямо в нос и не один раз, а несколько. Если бы в трубе не было так темно, то мы бы увидели, как окрасилась багряным грязно серая жидкость. Это фонтаном брызнула кровь из носа Барина.

Следующим тактическим маневром Шершня было отобрать у Барина пистолет. Он схватился за дуло кистью руки, отвернув его от себя, но Барин не выпускал рукоять и даже нажал на курок. Грянул выстрел, пуля, как бешенная застучала по стенам трубы и утихла где-то вдалеке. И тогда Шершень правой рукой принудительно опустил голову Барина в жижу и не выпускал подышать. Через секунд пятнадцать Барин сдался, и Шершень завладел пистолетом.

Он отпустил голову Барина, оттолкнул его от себя и попробовал бороться с течением, плыть в обратную сторону, чтобы убежать от приближающихся страшных лопастей. Барин вынырнул, с хрипом вдохнул воздух и по характерному прихлупыванию Шершень понял, что Барин нахлебался там под поверхностью зловонной жижи. Он задыхался, тянул к Шершню руки и просил:

— Помоги!

Так он был жалок, глаза его так вымогали сострадание, что даже закаленной в битвах с негодями сердце Шершня дрогнуло, но разум подсказал, что жизнь самого Шершня находится сейчас не в меньшей опасности, чем жизнь Барина. Поэтому Шершень отвернулся и снова попробовал плыть против течения. Занятие это было бессмысленным, его уносило вниз.

На гладких стенках трубы не было ни крюка, ни штыря, за что можно было бы зацепиться и удержаться, не попасть в эту костоломку. Прямо над вращающимися лопастями горела тусклая грязная лампочка в туалетном плафоне. Что-то кричали питерские менты, но за шумом лопастей ничего не было слышно. Барин, то и дело ныряя, приближался к огромной мясорубке. Выныривая, он пытался кричать, но только плевался грязной водой. Их разделяло уже метров пять.

Барин вплотную приблизился течением к страшному вентилятору и вот его уже потащило внутрь. Спасения не было. Барина подкинуло вверх, он ударился о потолок, упал в воду подняв фонтан брызг. Следующая лопасть перерубила ему ноги, его тело закрутило, намотало на лопасть, отлетела голова, а оторванные руки мясорубка выплюнула наружу. Шершень увидел лишь остатки мяса и одежды, которые течение смыло со стальных ножей. И Барина не стало. Он, бедолага, погиб точно так же, как и сам любил убивать негодных ему людей.

Шершня тоже несло прямо в пасть смерти. Разум его пытался найти выход из создавшейся скверной ситуации. Ему оставалось секунд тридцать или сорок, если попытаться бороться с течением. Если не пытаться, то и того меньше. Глаза его уже привыкли к темноте, и Шершень увидел, что естественно питаются электроэнергией зловещие моторы из распределительной коробки, расположенной на потолке. Оттуда шли толстые кабели, и это был шанс остановить эту мясорубку.

Шершень лег на спину и прицелился. Первые три пули легли рядом, одна рикошетом чуть не задела самого Шершня. Но четвертая раздробила коробку на куски. Оголились кабели. До крутящихся лопастей оставалось метров пять. Шершень палил не жалея

патронов, потому что мертвому пистолет ни к чему. И вот искра блеснула, как молния. Короткое замыкание в кабелях и запах его перебил даже зловоние нечистот.

Лопасты остановились, погасла и тусклая лампочка. Шершень выбросил пистолет. Течение медленно несло его туда же, но это было уже не страшно, потому что ужасные ножи замерли и не крутились.

— Эй, парень, ты живой? — крикнули со стороны люка, куда упал Шершень.

— Живой, — ответил Шершень.

— Держись, мы сейчас над тобой люк откроем и вытащим тебя, — пообещали нерасторопные спасители.

Уровень воды медленно поднимался, Шершню не очень было приятно плавать в холодной и вонючей воде, но все-таки это было лучше, чем быть разрубленным на мелкие кусочки, как Барин.

Минут через пять люк над головой Шершня открылся и ему протянули ремень с петлей на конце.

— Цепляйся, — сказал человек в гражданской одежде.

Шершень просунул кисть руки в петлю и его моментально вытянули наружу. Вид Шершень имел не презентабельный. Грязная, дурно пахнущая вода стекала по плечам, ногам, по лицу. Раны кровоточили. Но он с недоверием поглядел на двух одинаково крепко сбитых мужиков с суровыми лицами.

— Вы кто такие? — с недоверием спросил Шершень. — Друзья майора Козловского? Или Барина?

— Можешь расслабиться, супермен, — ответил тот, что вытянул Шершня, — мы специально приехали за ними обоими из Питера. А про майора Козловского у нас давно была информация, что он злоупотребляет служебным положением, да вот за руку не удавалось его поймать. Кстати, где он?

— Похоже, что его разрезало на куски, — ответил Шершень, — но это непроверенная информация. Минут двадцать назад он упал в трубу, но я только что оттуда и его там не видел.

Тем временем к ним подошел седовласый. Он протянул Шершню руку и представился:

— Полковник Дубровский.

Шершень пожал ему руку и ответил:

— Знакомая фамилия. Родственник того самого, пушкинского?

— К несчастью, нет, — ответил суровый полковник.

— А я Шершень, — представился герой нашего романа, — но документы ваши любопытно было бы поглядеть.

— Пожалуйста, — ответил полковник и протянул Шершню книжечку удостоверения.

Шершень невольно почувствовал облегчение, это действительно были люди из Санкт-Петербурга. Хотя и им доверять до конца он не стал бы.

— Долго досюда добирались, извини, — сказал полковник, пряча удостоверение в карман, — но, я вижу, ты и сам неплохо справляешься.

— Немножко опрофанился в самом конце, — ответил Шершень, — а так, вроде ничего...

— У нас в машине аптечка, сухая одежда, — сказал полковник, — иди переоденься. Мои бойцы помогут тебя перевязать. И, наверное, в больницу поедешь.

— Нет, — сказал Шершень, — у меня еще одно дело есть. Я возьму этот вертолет.

— Бери, — ответил полковник, — к утру только вернись. Сам понимаешь, теперь бумажные дела оформлять нужно. Протоколы, допросы, очные ставки. На этом диске информации томов на тридцать уголовного дела.

Полковник Дубровский многозначительно похлопал рукой по внутреннему карману куртки, в которой, вероятно, и находился заветный диск с компроматом.

— Я к утру вернусь, — пообещал Шершень, — только разыщу своих. Я их с дачи Барина на лодке вниз по реке отправил.

Полковник кивнул. Шершень переоделся в милицейский камуфляж, перевязал чистым бинтом свои раны, обработав йодом, и пошел к вертолету. Полковник и его ребята возились внутри цеха, Шершень зашел с ними проститься до утра и захватить еще кое-что, что могло ему пригодиться. На кое-что ни полковник, ни его люди не обратили внимания.

Вертолет трещал лопастями, Шершень вглядывался в темноту леса внизу. Полная красивая и большая Луна вышла к этому времени из-за туч, осветила вершины холмов и деревьев. В ее лучах поблескивала серебряная гладь воды, струящаяся ниткой среди темно серого леса. Шершень глядел, боясь пропустить на этой глади маленькую лодку, в которой должны были находиться Лиза, Татьяна, их отец и мама.

Он опасался, что, увидев вертолет, они затаятся, спрячутся и он их не заметит. Откуда им знать, что в вертолете сидит Шершень, а не очередная банда головорезов? Когда некоторое время назад Шершень посадил всех их в лодку, а сам стал готовиться к встрече «гостей» на вертолете, то они договорились, что если все будет нормально, то Лиза и ее родственники узнают об этом по сигналу красной ракеты.

Он взял с собой ракетницу в вертолет. Когда дрался с последователем Стивена Сигала, она у него выпала, но, возвратившись, Шершень нашел ее, вместе с пятью патронами. И вот уже безрезультатно четыре раза взлетала в пустоту ночи ракета, но с земли не было никакого отклика. Он бы непременно увидел их внизу, если бы они захотели, чтобы их увидели, потому что лодка Барина представляла собой чудо науки и техники.

Это была плоскодонка, что обеспечивало ей хорошую проходимость, даже в условиях мелководья. Корма была укрыта тентом, защищая от дождя и ветра. Два аккумулятора обеспечивали электроэнергией, на носу был установлен фонарь, который освещал путь в темноте. Именно этот фонарь Шершень и пытался увидеть. Он зарядил последнюю ракету в ракетницу и выстрелил в открытую дверь. Красная полоса пронзила небо. Шершень окинул взором гладь реки. Но было пусто.

— Вон они, — вдруг воскликнул пилот, — я их вижу внизу на берегу реки. Они мигают фарой со своей лодки.

Шершень рванулся в кабину пилота и увидел, что, и правда, внизу пульсирует маленькое светлое пятнышко.

— Опускайся, — приказал он пилоту.

— Мы здесь нигде не сядем, — ответил пилот.

— Зависнешь над лодкой, я спущусь по лестнице, а потом всех поднимем наверх, — сказал Шершень, — я видел, что ты прицельно летаешь. Справишься?

— Попробую, — сказал пилот.

Лиза подняла голову и сказала отцу:

— Папа, хватит мигать, они нас заметили.

— Господи, лишь бы это был он, а ни люди Барина, — прошептала Таня.

— Мы же договаривались, что он будет стрелять красной ракетой, — сказал отец, — ты же видела красную ракету.

— Но все равно я боюсь, — сказала Таня.

— А я, после того, что было, совершенно ничего не боюсь! — добавила Лиза.

— Расскажешь кому, не поверят, что за переделку я перенесла со своей беременностью, — тихо произнесла Таня, — но пока толкается малыш, значит живой, значит, рожу и, наверное, будем жить.

— Не раскисай сестра, — строго произнесла Лиза, — мы еще поживем и повоюем.

— Жить хочу, — ответила Таня, — а воевать нет.

— Слава богу, хоть жить захотела, — покачала головой мама, — а-то ведь последнее время только и твердила о смерти.

— Я многое поняла за последние дни, — сказала Татьяна.

Вертолет завис над ними, все непроизвольно нагнули головы. Они пришвартовались к берегу, отец привязал нос лодки веревкой к большому валуну. С вертолета сбросили лестницу, и через минуту к ним спустился человек. Это был Шершень! Непроизвольное «Ура!» вырвалось у всех участников этого приключения.

Погрузка в вертолет заняла минут десять. Труднее всего было затащить Татьяну с ее округлым животиком, но ей помог Шершень и она благополучно первой оказалась наверху. За ней подняли маму, которая проявила хорошую спортивную подготовку. Без труда залезли в вертолет Лиза и ее отец. Шершень был последним. Он затащил в салон за собой лестницу, сел на скамейку и улыбнулся.

— Ну, чего ты молчишь? — с любопытством спросила Лиза. — Рассказывай!

— Все нормально, — ответил Шершень, — Козловский и Барин случайно погибли. Упали в трубу со стоками и там их размолотило на куски.

— Ужас! — воскликнула мама Лизы.

— Не скажу что вовремя, — продолжил Шершень, — но все-таки, наконец, появились люди из Питера. Они там сейчас занимаются расследованием всего этого дела. В общем, все прошло без приключений.

— А рука? — спросила Лиза, покосившись не перебинтованное окровавленное плечо Шершня.

— Пустяки, — ответил Шершень, — царапина. Заживет, как на собаке.

— А мы-то что теперь будем делать? — спросил отец Лизы. — Как дальше жить? У нас теперь в городе ни начальника милиции, ни директора комбината, да и мэра, я думаю, тоже снимут...

— Придут новые, молодые, — ответил Шершень, — у молодых руководителей мышление другое. Думаю, что теперь за порядком в вашем городе будут строго следить из столицы.

— Хорошо бы, чтобы все было так, — сказал отец.

— А вы теперь уедете? — спросила Лизина мама.

— Да, уеду, — улыбнулся Шершень, — Барина теперь нет на хлебном месте, некому мне работу предложить в вашем городе. Это он меня на место Глушителя звал работать.

— Кстати, а Глушитель на даче остался? — спросила Лиза.

— Да, — кивнул Шершень, — только в очень плохом состоянии. Его спецназовцы застрелили.

— А сами спецназовцы? — спросила Таня. — Они тоже все мертвые?

— Нет, не все, — ответил Шершень, — там есть легко раненые, они помогут тем, кто тяжело ранен. А кому уже не помочь, значит у них судьба такая. Вы-то как сами добирались?

— Нормально, — ответил отец Лизы, — лодка хорошая. На такой бы на рыбалку съездить. Она плыла по течению, а я только рулил.

— Думаю, нормально бы добрались до города, — добавила Лиза.

— А я так не думаю, — сказал Шершень, — впереди речка впадает в озеро, а оно замерзло. Пришлось бы волоком на себе ее тащить около километра, чтобы добраться до места, где она дальше вытекает.

— Точно, точно, — подтвердил отец, — а я об этом и подзабыл. Хорошо, что ты нас

нашел на вертолете.

— Не знаю, как нам дальше жить в этом городе? — покачала головой мама. — После всей этой истории. Ведь у Барина здесь столько людей было. Всех не посадят, кое-кто останется, будут мстить. Страшно за Таню. Как она будет рожать?

— Мы договорились, — ответил Шершень, — я ее в Питер увезу. В лучшей клинике родит. Да вы все можете в Питер переехать. Купите квартиру и забудете все случившееся как страшный сон.

Отец Лизы грустно усмехнулся.

— На какие шиши мы купим там квартиру? — спросил он. — Свою продать, так нам в Питере и на комнату не хватит...

— А я разве вам не говорил об одной вещи? — улыбнулся Шершень.

— О какой? — спросили все хором.

— Что Барин вам оставил перед смертью некоторую сумму в качестве моральной компенсации, — сказал Шершень.

Он заглянул под скамейку и достал оттуда ту самую синюю сумку, которой хвастался Барин. Он расстегнул ее замок и в ее чреве все увидели множество американских президентов, поглядывающих наружу со стодолларовых банкнот.

— Здесь триста тысяч должно быть, — сказал Шершень, — я не пересчитывал. Так, что вам хватит и на квартиру, и на жите-е-бытье первое время. Все это ваше. И даже немножко больше, Татьяна, чем вы с Денисом хотели.

Пораженные Лиза, Таня и их родители молчали.

— А тебе? — спросила Лиза.

— Я тут не при чем, — ответил Шершень, — это ваши деньги. Приедем, подумаем как ими разумнее распорядиться.

— Давайте купим дом в Сочи! — предложила Лиза. — И будем жить возле моря!

— Хоть возле моря, хоть возле реки, — сказал Шершень, — но об этом молчок! Это страшная тайна, о которой знаем только мы. Пилот нас из-за рева лопастей не слышит и это хорошо. Никто не должен знать о существовании этих денег. Вы просто продадите здесь все и уедете из этого города, а в Питере я вам помогу обустроиться на первое время и помочь с покупкой квартиры или дома, как захотите. Хорошо?

— Хорошо, — согласились все хором.

— Подлетаем к городу, — сказал Шершень и, встав, прошел в кабину пилота.

— Куда садиться-то? — спросил у него пилот.

— Садись на площадь Ленина, — громко ответил Шершень, — сегодня гуляем!

Все засмеялись, потому что прошло нервное напряжение, державшее души в своих железных тисках несколько дней, а пилот только покачал головой и пошел на снижение прямо на центральную площадь города.

Больше книг на сайте - Knigoed.net